

Владимир Ильич Контровский

Истреби в себе змею

Забывтое грядущее – 2

Аннотация

На Третьей планете системы Жёлтой звезды, избежавшей атомного Апокалипсиса, появляется новая самостоятельная сила: люди-индиго - выросшие дети-индиго, владеющие магией. Столкновение нового со старым неизбежно, но исход его будет зависеть от того, сумеют ли новые люди обуздать кровавое безумие.

Владимир Ильич Контровский

Истреби в себе змею

*Истреби в себе змею,
Распрямитесь, люди,
Если плачет Гамаюн,
Значит, что-то будет...
Земля, год 20...*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ХАЙК

Сердце заколотилось так, что казалось - ещё немного, и оно проломит рёбра, выскочит наружу и запрыгает горячим живым комком по грязному асфальту, заляпанному потёками машинного масла, бензина и ещё какой-то вонючей дряни. Экранироваться и замыкать биополе Хайк, как и все *особенные*, умел, - это умение было одной из их отличительных черт, - но сейчас он никак не мог справиться с ощущением, что бешеный стук его сердца уже засекали все поисковые вертолёты в радиусе двадцати миль.

Хайк прижался щекой к шершавому боку мусорного бака, за которым он затаился, и внешний раздражитель - холод - помог ему смирить бунтующие чувства. Когда тебя разыскивает столько людей, использующих самую совершенную технику, никаким эмоциям не должно быть места - если, конечно, ты не горишь желанием снова оказаться в серых стенах Приюта.

Вокруг, насколько хватало взгляда, царила густая темнота. Огни города подсвечивали небо, соперничая с блёклой ущербной луной, проглядывающей в разрывах облаков, но сюда, в Трущобу, этот свет не проникал, рассеиваясь в черном лабиринте заваленных мусорными кучами зданий с выбитыми глазами окон и тёмными провалами дверей, - здесь властвовала тьма. Контуры заброшенных и полуразрушенных строений - остатки жилых домов и производственных помещений мелких разорившихся компаний - различались в этой чернильно-бархатной темноте смутно, однако Хайк хорошо знал эти места. Он вырос здесь, в этом странном и жутком месте, опухолью прилепившемся к телу громадного мегаполиса.

Трущоба являла собой одну гигантскую мусорную свалку, куда город выплевывал недожёванное, недоношенное и просто ставшее ненужным. И не только вещи - с таким же равнодушием город выбрасывал на эту свалку людей. И люди жили здесь, жили по своим законам, больше похожим на законы дикой звериной стаи, нежели на правила человеческого

общества. Иногда городу требовалось какое-то количество обитателей Трущобы, и люди уходили к огням города, надеясь на лучшее. А оставшиеся - оставшиеся продолжали жить жизнью лишних, воюя с полчищами огромных крыс и пробираясь по ночам в город - для того, чтобы попытаться урвать от его изобилия хоть жалкие крохи.

Время от времени, когда эти набегі раздражали горожан, на Трущобу обрушивалась очередная облава. Свалку опоясывало кольцо вооружённых солдат, над скелетами пустых домов зависали вертолёты, и Трущобу прочесывали стальным гребнем. Пойманных увозили в неизвестность, а на мусорных кучах и в мокрых подвалах оставались на радость крысам трупы застреленных при попытке сопротивления (или застреленных просто так - на всякий случай). На некоторое время свалка пустела, но очень быстро её заселяли новые люди, да и пережившие облаву снова выбирались из своих тайных нор.

Отца Хайк не знал. Вероятно, отца ребёнка - в силу нравов Трущобы - не знала и его мать. И саму мать мальчик помнил смутно - она исчезла, когда ему было семь лет, и что с ней случилось, он так никогда и не узнал. Мать Хайка была белой и говорила сыну (это Хайк помнил), что ушла из города, не смирившись с диктуемым его обитателям образом жизни - такие добровольные изгои иногда попадались в Трущобе. Оставшись один, мальчишка был обречён - среди жителей свалки как-то не принято было делиться едой и крышей над головой, - но ему повезло. На Хайка упал благосклонный взгляд Трубогиба, здоровенного чёрнокожего детины, отстаивавшего свою власть над стаей с помощью тяжёлых кулаков, ножа и предельной жестокости.

Трубогиб был чужд человеколюбию или простой жалости, но маленький оборвыш, выползший из темноты на огонь костра, возле которого несколько трущобников играли в карты, привлёк его внимание. Вожак оказался благодушно настроен - вероятно, потому, что в этот вечер охотники стаи вернулись из города с уловом, - и ему взбрело в голову позабавиться.

— Эй! - рыкнул он, различив скорчившуюся подле развалин маленькую фигурку. - Иди сюда!

Хайк осторожно приблизился, ожидая ослепляющего удара или чего-нибудь похуже, но Трубогиб миролюбиво спросил:

— Жрать хочешь?

Мальчишка сглотнул слюну и молча кивнул, опасливо косясь на мрачные фигуры, скучковавшиеся у костра, - еду в Трущобе не предлагают за просто так.

— Хочешь... - протянул Трубогиб, разглядывая Хайка. - Но жратву надо заработать! Что ты умеешь? Может, тачку угнать или кассу обчистить, а?

Сидевшие у костра заржали, но вожак движением бровей заставил их умолкнуть.

— Что молчишь? - снова спросил он. - Или ты не слышал вопрос?

Хайк почувствовал нотку раздражения в голосе "короля свалки", и инстинктивно понимая, что благодушие Трубогиба очень быстро может смениться вспышкой дикой необузданной ярости, выдавил:

— Я... Я могу сказать, какие у тебя карты, - и дёрнул головой, указывая на засаленные лохмотья, которые можно было назвать картами только при наличии богатой фантазии.

Брови Трубогиба недоумённо приподнялись - он ведь держал карты рубашкой наружу, - а Хайк торопливо перечислил:

— Семь пик, туз червей, бубновая дама и... этот... король крестоносец.

— Король трэф, - машинально поправил его вожак, не скрывая удивления. - А ну-ка...

Он взял колоду, перемешал её, разложил карты веером на листе железа, заменявшем игрокам ломберный стол, и скомандовал:

— Перечисляй!

Когда Хайк без запинки назвал два десятка карт, кто-то из трущобников обронил:

— Босс, да этот сопляк из особенных! Он может быть полезным...

— Засунь свой совет себе в задницу! - незамедлительно отреагировал Трубогиб, блюдя свой непререкаемый авторитет. - Сам знаю! Садись, - жёстко велел он Хайку и протянул ему

открытую банку с мясными консервами. - Жри!

С этого всё и началось. Трубогибу следовало отдать должное - чутьё на незаурядных и полезных людей у него было отменное. Под его защитой Хайк не боялся никого и ничего, да и жилось ему тепло и сытно: в предместье, на границе свалки и города, у вожака имелась тайная комфортабельная берлога с горячей водой, электричеством и прочими благами цивилизации - вплоть до компьютера с выходом в Сеть. А имидж оборванца, почти ничем не отличающегося от всех прочих жителей Трущобы, "король" поддерживал сознательно, руководствуясь первобытным инстинктом и приобретённым в жизненных передрыгах знанием психологии толпы. Его прозвали Трубогибом за чудовищную силу - на глазах восхищённых "подданных" он завязывал узлом водопроводные трубы, - но этот гориллоподобный мужик обладал и теми качествами, благодаря которым люди во все века выходили в вожди - в первую очередь умением видеть дальше других и подчинять этих других своей воле.

Появились у Хайка и недоброжелатели, завидовавшие "щенку-полукровке", как они его за глаза называли, но эти типы осмеливались только скулить вполголоса - Трубогиб был беспощаден и скор на расправу.

Однако за сладкую жизнь приходилось платить. Поначалу Хайк опасался, что вожак сделает из него постельную игрушку, но к счастью, Трубогиб оказался совсем не склонным к противоестественным сексуальным забавам. Его интересовали способности мальчишки и то, как эти способности можно использовать. Хайк и сам не знал толком, что ему доступно, и Трубогиб с неожиданным терпением устроил ему целую вереницу тестов, дотошно выясняя пределы возможностей маленького уника. И вожак добился своего - Хайк не умел проходить сквозь стены или заводить двигатели машин без ключа зажигания или замыкания накоротко нужных проводов, зато он видел содержимое чемоданов и бумажников и мог с одного взгляда определить, сколько наличности находится в ящичках кассового аппарата в какой-нибудь захудалой лавочке.

Трубогиб стал брать свой "живой рентген" с собой на дело, тщательно оберегая Хайка от любых ненужных случайностей. Например, при каждом выходе в город он придирчиво следил за тем, чтобы одежда мальчика соответствовала городским стандартам и ни в коем случае не вызвала у окружающих никаких ассоциаций с грязными обитателями свалки. "Король" относился к своему приобретению точно так же, как хороший хозяин относится к ценной охотничьей собаке - кормил, заботился, но при этом требовал неукоснительного выполнения того, для чего эта собака и предназначалась.

Так продолжалось несколько лет. Хайк рос, и у него пробуждались новые способности. Когда Трубогиб заметил, что мальчишка может при определённых условиях воздействовать на сознание людей, он тут же понял: использовать Хайка только для того, чтобы наводить на владельца толстого кошелька карманников, так же расточительно, как использовать крупные купюры вместо обёрточной бумаги. А когда вожак приобрёл в ювелирном магазине дорогое ожерелье, расплатившись за него несколькими старыми билетами на подземку (после того, как Хайк всего пару секунд пристально смотрел на продавца), Трубогиб задумал большое дело - с тем, чтобы раз и навсегда круто изменить свою жизнь.

- Слушай меня внимательно, - сказал он Хайку. - Трущоба - это самый край. Дальше - только могила. Но выбраться со свалки можно, если ты сумеешь зубами вырвать из чужой глотки жирный кусок - такой, который ты будешь жевать потом много лет. И плевать, если для этого придётся перешагивать через кровь - это самая дешёвая жижа в этом мире. А с тобой, - добавил "король", заметив испуг в глазах подростка, - мы обтяпаем это и без крови. Не надо ничего отбирать - сами отдадут. И мы, сынок, уедём далеко отсюда, за океан - когда у человека много денег, ему всё доступно.

При всех своих достоинствах Трубогиб оставался грубым животным, для которого титул "короля свалки" - это наибольшее, чего он может достичь. Вожак мыслил просто и задумал захватить автофургон, перевозящий деньги. Он рассчитывал обойтись без стрельбы и шума - зачем, когда под рукой Хайк с его чудесными способностями? - но на всякий

случай решил взять с собой на операцию нескольких крепких парней, абсолютно не умеющих размышлять, зато приученных чётко выполнять приказы и без колебаний пускать в ход оружие.

Однако ни Хайк, ни сам Трубогиб ещё не знали, что серия преступлений, совершённых в городе при загадочных обстоятельствах, уже привлекла внимание - причём отнюдь не полицейских, а куда более могущественных и опасных людей. Хайк узнал об этом много позже, оказавшись в Приюте, а Трубогибу так и не суждено было узнать.

В тот день Хайк с самого утра почуял недоброе - некий запах опасности, неуловимо витавший в воздухе. Что-то было не так, словно где-то поблизости затаилось нечто, следящее за шайкой Трубогиба очень внимательно и ждущее подходящего момента. Но Хайк неважно себя чувствовал, счёл это ощущение следствием недомогания и решил ничего не говорить жожаку - несмотря на всё расположение "короля" к приёмышу, запросто можно было нарваться на неприятность. Трубогиб не терпел, когда кто-то пытался отлынивать от дел, задуманных жожаком, и здесь исключений не было ни для кого.

Поначалу всё шло гладко, и Хайк успокоился, хотя время от времени по его спине пробегал колющий холодок. Они с Трубогибом - со стороны ни дать ни взять солидный мужчина в дорогом костюме, неспешно прогуливающийся с сыном-подростком, - появились у здания банка минута в минуту, как раз в тот момент, когда туда подъехал вожделенный фургон. Одновременно с другой стороны появился грузовичок с рабочими-ремонтниками в ярких комбинезонах. Появление этой машины выглядело вполне естественным - вокруг крышки канализационного люка расползалась вонючая лужа, а о том, что разрыв трубы - авария рукотворная, знали только её организаторы - "подданные" "короля свалки", ориентирующиеся в лабиринте подземных коммуникаций города не хуже крыс.

По расчётам жожака, возня вокруг люка должна была несколько рассеять внимание охраны, пока он с Хайком не подойдёт к автофургону, причём уже тогда, когда деньги будут погружены в бронированный отсек сейфа на колёсах. А дальше - дальше Трубогиб уповал исключительно на сверхспособности мальчишки. "Рабочие" составляли резерв - если что-то пойдёт не так, молчаливые парни, возившиеся около люка, должны были сменить свой безобидный инструмент на куда более убийственный и открыть пальбу, прикрывая отход жожака (с добычей или без неё). Подручными Трубогиб заранее решил пожертвовать - он не собирался делиться ни с кем.

Тёмное лицо жожака было непроницаемым. Он шёл не спеша, даже с некоторой ленцой - куда спешить человеку, весь внешний вид которого просто излучает сытое благополучие и довольство жизнью? А вот Хайку снова стало не по себе, и чем ближе они подходили к жёлтой коробке автофургона, тем острее становилось ощущение скрытой (и от этого только более грозной) опасности. И, похоже, Трубогиб это заметил, но расценил по-своему.

- Не дрейфь, сынок, - прошипел он сквозь зубы, не меняя выражения лица. - Мы в двух шагах от нашего будущего...

"Король" Трущобы и не подозревал, что его слова окажутся пророческими. Будущее - оно ведь разное бывает...

Четверо служащих в униформе вышли из дверей банка, волоча два объёмистых мешка. Двое других, вооружённые короткоствольными автоматами, распахнули заднюю дверь автофургона. Хайк поймал боковым зрением мгновенный хищный блеск в глазах Трубогиба - до фургона оставалось всего-то с десятков шагов. Мальчик посмотрел на людей около фургона - всё спокойно, никаких признаков тревоги, - потом перевёл взгляд на человека в кабине, готовясь к контакту, и...

...его буквально обдало ледяной волной страха. "Беги! - завопило сознание. - Это ловушка!". А тот, в кабине, смотрел на Хайка - смотрел спокойно и даже с интересом, словно разглядывая какое-то диковинное животное. Потом, так и не отводя взгляда от лица мальчика, человек в кабине автофургона достал откуда-то странной формы шлем и надел его. А затем...

...в чреве жёлтой машины басовито загудело, будто там заработал очень мощный

трансформатор - мальчишка видел подобных монстров, ржавеющих на свалке. И Хайк почувствовал, как его мысли, *собранные в пучок* и приготовленные для того, чтобы стать оружием, вдруг суматошно заметались, взвихрились кучей сухих листьев под порывом ветра и разлетелись беспомощными ошмётками. Он услышал сдавленный хрип Трубогиба, и тут щёку подростка укололо что-то острое. И мир вокруг поплыл, теряя очертания, словно глаза заволокло дымкой слёз.

Хайк услышал треск автоматных очередей, увидел строчку чёрных дырок на дорогой ткани костюма "короля" Трущобы и рыжий огненный столб, взметнувшийся над машиной с "ремонтниками". А потом асфальт почему-то стал небом, и он потерял сознание.

Очнулся Хайк уже в Приюте (хотя о том, как это место называется, он узнал позже), и первое, что услышал, были слова человека в белом халате, обращённые к другому человеку с незапоминающейся внешностью, одетому в военную форму.

– Вы были абсолютно правы - индиго. Причём очень мощный экземпляр, с целым букетом способностей, в том числе ещё не проявленных. Данные тестирования на... - конец фразы Хайк не разобрал, потому что снова впал в беспамятство от слабости и от ощущения отсутствия собственного тела.

И потекли дни, похожие один на другой - сон, еда, занятия, тесты, отдых. Теперь никто не заставлял Хайка идти в город и присматривать потенциальную добычу, его хорошо кормили, и впервые в жизни он мог спать спокойно - ведь даже тайная берлога Трубогиба была не застрахована от внезапного полицейского рейда. И никто не обвинял Хайка в том, что он творил под началом "короля" Трущобы - его просто изучали, изучали скрупулёзно и тщательно, так тщательно, что мальчик не сомневался: если молчаливым людям в белых халатах для уточнения каких-либо сведений о подопытном потребуется вскрыть ему грудную клетку или череп, они это сделают. И очень скоро Хайк понял, что эти люди ничуть не лучше Трубогиба - разве что чище его, и речь их перемежается умными словами, смысла которых мальчик не понимал. И чисто инстинктивно Хайк сообразил, что вряд ли стоит раскрываться перед этими людьми до конца - кто знает, чего они от него потребуют?

В Приюте жили несколько десятков мальчишек и девчонок в возрасте от шести до четырнадцати лет. У каждого из них была своя отдельная комната, однако им позволяли общаться друг с другом - экспериментаторы находили это необходимым и даже полезным, а что касается контроля - недремлющие глаза видеокамер следили за всеми воспитанниками непрерывно, двадцать четыре часа в сутки.

Границей мира для воспитанников Приюта были его стены. Внутри Приюта имелся и бассейн, и даже сад, похожий на небольшой лес, но улицы города находились под запретом. Окна комнат детей выходили во внутренний двор, а главный выход запирался тяжёлой бронированной дверью, которой позавидовало бы любое государственное хранилище.

Правда, воспитатели старались убедить своих подопечных, что Приют - это отнюдь не тюрьма, и что все предосторожности приняты для того, чтобы защитить воспитанников от любой угрозы извне (а никак не наоборот). И что их, питомцев Приюта, готовят к великому будущему (поэтому и учат по университетским программам), и как только они будут готовы во всеоружии встретить внешний мир, они уйдут в него - уйдут, чтобы править.

Звучало заманчиво, и Хайк не знал, верил ли этому кто-то из других детей. Но он сам, прошедший жестокую школу Трущобы с её волчьими законами и научившийся не доверять людям, не верил.

Иногда в Приюте появлялись какие-то "очень серьёзные люди", как говорил господин директор, встречавший подобных гостей с предельной внимательностью, граничащей с поддобицей. Внешне заискивание господина директора перед Попечителями было не особо заметным, но индиго - а таковыми были все питомцы Приюта - ясно различали его ауру и видели в ней чёткие следы самого настоящего страха. И этот страх только укреплял в Хайке решимость не раскрываться до конца - если директор боится Попечителей, значит, на это есть основания.

Однако неукоснительно следовать принятому мальчиком решению оказалось не так

просто. Тесты отличались изощрённостью и сложностью - Хайк с усмешкой вспоминал самодеятельные потуги Трубогиба, - они шли один за другим, и даже ночью сознание воспитанников контролировалось "аппаратурой записи флуктуаций психополя" (эту заковыристую фразу Хайк слышал много раз и хорошо запомнил, хотя понял не до конца). По большей части тесты были безобидны, но иногда случались и "острые эксперименты", вроде внезапного испуга или неожиданной боли - воспитателей интересовало, как индиго реагируют на такие раздражители.

Скрывать всё не имело смысла - о Хайке знали достаточно на основе анализа обстоятельств преступлений, совершённых при его непосредственном участии. Здесь знали о способности Хайка видеть сквозь непрозрачные предметы - в ходе тестов уточнялась толщина, материал преграды и расстояние до неё для количественной оценки "живого рентгена". А судя по тому, что при работе с мальчиком экспериментаторы всегда держали наготове "глушилку", они знали и о его способности влиять на сознание других людей. Однако воспитателей интересовало и многое другое, о чём сам Хайк имел смутное представление: его скрытые способности.

Индиго очень рано осознают себя личностью, и поэтому большинство воспитанников держались замкнуто. Этому немало способствовало и то, что все они прекрасно понимали - каждый их шаг контролируется и фиксируется, и любая мелочь тут же становится известной воспитателям. И ещё неизвестно, как это может отозваться на судьбе любого из питомцев Приюта.

Но воспитатели были опытными специалистами-психологами и знали, что делали, разрешая детям свободное общение между собой. Дети тянулись друг к другу, и невольно раскрывали друг перед другом то, что они достаточно часто (и достаточно умело) таили от экспериментаторов. Воспитатели были сильны своей взрослой циничной жестокостью, умело противопоставленной наивности и открытости детства.

Хайк так и не сблизился ни с кем. Жилистый смуглый мальчишка с повадками зверёныша просто жил, копил силы, прислушивался к себе и к тому, что медленно вызревало в нём, и умело играл в "кошки-мышки" с воспитателями. Хайк время от времени позволял экспериментаторам открыть в себе что-то новое, оставляя скрытым куда больше. Он ждал, ждал своего часа - часа, который всё изменит. И этот час пришёл, когда в приюте появилась новенькая воспитанница.

За свои прожитые на этом свете четырнадцать лет Хайк ни разу ни испытал чувства привязанности к кому бы то ни было. Отнюдь не баловавшая случайного ребёнка пылкой любовью и лаской мать была и осталась для него всего лишь неким символом, Трубогиб и не пытался скрывать своего потребительского отношения к приёмышу, а обитателей свалки и жителей города мальчик считал просто врагами и соперниками в беспощадной борьбе за выживание - он имел достаточно веские основания так считать.

Но когда он увидел в саду тоненькую девочку с пепельными короткими волосами и бледным до прозрачности личиком, Хайк почувствовал, как в его груди ворохнулось что-то тёплое, будто там завозился, устраиваясь поудобнее, пушистый ласковый котёнок.

"Какие у неё глаза, - подумал мальчик, искоса рассматривая незнакомку, задумчиво созерцавшую клейкие зелёные листочки, - голубые, как небо - небо, свободное от грязных туч... Красиво..."

Девочка оторвалась от своего занятия, повернула голову, и... в сознании Хайка очень отчётливо прозвучало.

– *Спасибо. Мне приятно.*

Хайк изумлённо приоткрыл рот, и тут же неслышимый голос предупредил.

– *Только не задавай глупых вопросов! Вокруг нас глаза и уши - я уже знаю об этом. Да, я умею говорить мыслями и читать их, но это моя тайна!*

В глазах пепельноволосой заплясали озорные искорки, и Хайку понадобилось какое-то время, чтобы придти в себя.

– Как тебя зовут? - спросил он, справившись со смущением.

– Мэй, - охотно ответила девочка вслух и добавила мысленно. - *Мы будем дружить ?*

"Я никогда ни с кем не дружил" - подумал Хайк и молча кивнул. А пушистый котёнок в его груди выгнул спину и замурлыкал.

В тот же вечер, когда они снова встретились в саду во время вечерней прогулки, Хайк подарил Мэй маленький огонёк, зажженный им на собственной ладони. А на следующий день он на глазах экспериментаторов поджёг лист бумаги и с удовольствием наблюдал, как дяди в белых халатах ошеломлённо тычут пальцами в дисплей, перебивая друг друга возгласами: "Настоящий пирокинез!", "Вектор поля неясен...", "Локализация затруднена в силу..." и тому подобное. "В следующий раз они будут работать со мной в асбестовых скафандрах, - подумал мальчик, - обложившись огнетушителями и протянув сюда пожарные шланги". Хайк знал, что рождение огненного цветка на его ладони было тут же замечено приборами, которыми были нашпигованы стены Приюта, и сознательно сделал тайное явным - пусть воспитатели думают, что достигли своего, познакомив упрямого мальчишку с Мэй.

Они встречались теперь каждый день, обменивались ничего не значащими словами, предназначенными для чутких электронных ушей, и одновременно общались мысленно. Это оказалось совсем несложным - Мэй объяснила Хайку суть процесса всего парой мыслефраз, а нужные способности у подростка имелись. Хайк допускал, что хитроумные "сенсоры флуктуаций психополя" могут зафиксировать всплески, сопутствующие интенсивному мыслеобмену, и поэтому они с Мэй дробили мыслеречь на короткие фразы, перемежая их долгими паузами. Поэтому Хайк почти ничего не узнал о прошлом девочки - их обоих куда больше занимал настоящее.

Их тянуло друг к другу непреодолимо, и Хайк даже поймал себя на мысли: "И как это я раньше жил, не зная Мэй?". Они с удовольствием были бы вместе всё время, день и ночь, но этого уже не допускали строгие правила Приюта. "Не хватало ещё, чтобы эти четырнадцатилетние сопляки спали в одной постели - не за этим мы собираем здесь детей-индиго со всей планеты!" - именно такой была перехваченная Хайком мысль господина директора, как-то появившегося (совершенно случайно, конечно же!) рядом с ними, когда Хайк и Мэй сидели в саду, взявшись за руки. Способность читать чужие мысли проснулась у Хайка после встречи с Мэй, и девочка помогала другу развивать эту способность.

Однако счастье оказалось недолгим - всего два месяца спустя Мэй не вышла в сад, не появилась она и на занятиях, и даже в столовой её не было видно. Хайк не находил себе места, но все его попытки мысленно докричаться до подруги закончились неудачей. Мальчик даже хотел напрямую спросить о ней, но он знал наверняка, что ответа не получит.

Хайк ощутил сумятицу в мыслях воспитателей - читать все их мысли, как раскрытую книгу, он не умел, - и понял: случилось что-то из ряда вон выходящее, и это "что-то" связано с Мэй. Девочка находилась здесь, в Приюте - Хайк необъяснимым образом чувствовал её присутствие где-то неподалёку, - но её почему-то изолировали от остальных детей. Хайк целый день мучался от бессилия и от неопределённости и только уже ночью, лёжа в своей комнате без сна, услышал наконец мыслеголос подруги.

Они экранировали меня после того, как... - неясное шипение прервало слабый голосок девочки, но тут же он прорезался снова. - *Я здесь, в подвале... Мне удалось найти щель в экранирующем поле... Мне очень плохо, Хайк... Хайк, милый...* - и мыслеголос Мэй затих, на это раз окончательно.

Хайка словно подбросило. Он сел на постели, невидяще глядя в темноту комнаты и лихорадочно соображая, что можно сделать. Воспитатели знали, с какими детьми они имеют дело, и система мер предосторожности в Приюте была сложной и многоуровневой. Индиго не могли выйти наружу - вряд ли кто-то из них обладал способностью разносить в пыль бетонные стены и бронебетонные плиты. К тому же все помещения Приюта перекрывались мощными генераторами направленного электромагнитного поля. Генераторы включались одним нажатием кнопки в центральном пункте контроля, в кабинете господина директора и даже автоматически - в случае возникновения нештатной ситуации. Возможно, эти машины

запускались и как-то ещё - этого Хайк не знал. Зато он знал, как действуют эти генераторы - знал по собственному опыту, полученному тогда, в день неудачного ограбления.

Он яростно, до хруста сжал кулаки - сжал так, что ногти впились в ладони. "Крысы... Вонючие крысы... Чтоб вам подавиться собственными потрохами!". Хайк быстро оделся, ещё не зная, что и как будет делать дальше. Но перед этим он отыскал глазами ту точку на потолке, где пряталась следящая видеочамера - за два года пребывания в Приюте Хайк отыскал это место, - и мысленно *плюнул* туда. Обманывать технику он уже научился - год назад таким же мысленным плевок он создал всполошившую дежурных воспитателей картинку: на дисплее центрального компьютера мальчик захлёбывался хлынувшей из горла кровью. Воспитатели вломились к Хайку через полминуты, нашли его мирно посапывающим и списали всё на неполадки техники или на вирус, проникший в сервер Приюта. А теперь они увидят куда более спокойное зрелище - Волчонок (так прозвали здесь Хайка) спит, как и положено дисциплинированному воспитаннику в это время суток.

"Прежде всего, - размышлял Хайк, - надо выбраться отсюда. Где находится подвал, в котором они прячут Мэй, и как туда попасть, я не знаю. И экранирующее поле - что оно такое, я тоже не знаю, но мне через него не пройти - наверняка. Значит, нужно просить помощи. Где? В Трущобе, где же ещё! Но сначала надо как-то выбраться отсюда...". План этот изобиловал белыми пятнами - например, с чего это Хайк решил, что обитатели свалки с радостью придут к нему на помощь? - но мальчик над этим не задумывался: нужно было действовать.

Он подошёл к двери и замер в нерешительности. Видеочамера наблюдения в комнате ослеплена, но в коридоре и дальше, на лестнице, есть другие чамеры - не одна и не две! - и они остались зрячими. И стоит ему только выйти в коридор...

Мальчик ощутил, как в нём закипает холодное бешенство. Его верхняя губа дрогнула, обнажая зубы - точь-в-точь как у того зверёныша, от которого Хайк получил своё прозвище. "Я человек-невидимка, - подумал он, ярко представив себе, как свет свободно протекает через его ставшее прозрачным тело. - Я человек-невидимка" - повторил он своё немудрёное заклинание, решительно открыл дверь и вышел из комнаты.

В коридоре Хайк на секунду замер, ожидая услышать тревожный вой сигнализации или топот ног, но всё было тихо. И невдомёк было незнакомому с теорией магии подростку, что истинные сильные чувства - любовь и ненависть - зачастую служат Носителям Разума сильнейшими катализаторами проявления скрытых до поры сверхспособностей.

Хайк бесшумной тенью пересёк длинный коридор с рядом дверей, ведущих в комнаты других детей, вышел на лестничную площадку, прислушался и начал осторожно спускаться вниз, на первый этаж, минуя лабораторные и учебные этажи. Он почти физически ощущал на себе взгляды электронных глаз, но они - они его *не видели*. Это походило на чудо, однако Хайк воспринял такое чудо само собой разумеющимся - разве могло быть иначе? Ведь Мэй - его Мэй! - просит о помощи!

В просторном холле находился куб из бронестекла, где постоянно сидел дежурный. Волчонок уже не сомневался - охранник его не увидит, даже если он выйдет на освещённое матовыми лампами пространство. Но оставалась ещё дверь - тяжелая дверь, способная выдержать прямое попадание шестидюймового фугасного снаряда. И эта дверь была заперта.

Добраться до человека в прозрачном кубе и до пульта управления дверями Хайк не мог, но этого ему и не требовалось - он уже знал, что сделает.

Дежурный поднял голову и равнодушно обвёл глазами холл. Вышедший из-за стены Хайк пропустил взгляд охранника сквозь себя и медленно пошёл к двери, одновременно *вцепившись* в сознание человека за бронированными стёклами - это получилось у него без особых усилий. И человек за стеклом сделал то, что требовалось.

Замок щёлкнул, и дверь мягко отворилась, словно была невесомой. Волчонок бросился в щель, не дожидаясь, пока дверь откроется полностью. Его силы уходили - как догадывался Хайк, именно на поддержание состояния невидимости, - и скоро неведомо как обрётённая мальчиком "шапка-невидимка" должна была истаять. И тогда...

Уже выскальзывая наружу, Хайк услышал удивлённо-возмущённый механический голос: "Эй, какого чёрта ты открыл дверь?" и невнятное ответное бормотание дежурного. Но дослушивать было некогда - Хайк стремительно пронёсся по двору между припаркованных там машин, поднырнул под шлагбаум (охранник в будке у ворот никак на это не реагировал) и оказался на улице. А за его спиной, в Приюте, уже был тоскливый сигнал тревоги.

Потом Хайк бежал по пустынным ночным улицам, прячась от визгливых патрульных машин и прижимаясь к стенам домов. Здание Приюта, стоявшее на холме и казавшееся ему в призрачном лунном свете замком злого волшебника, осталось далеко позади. Но тревога уже выплеснулась за стены Приюта - Хайк это чувствовал, - и скоро за маленьким беглецом начнётся настоящая охота. И до начала этой охоты он должен добраться до Трущобы: ведь Мэй - его Мэй! - просит о помощи!

И он успел - когда в чёрном небе загудели первые вертолёты, Хайк уже миновал черту города, и знакомый запах свалки показался ему ароматом. К счастью для беглеца, Приют находился на окраине, подальше от людских глаз, и Хайк, ведомый своим нечеловеческим чутьём, выбрал правильное направление в паутине улочек и переулков предместья.

...На пределе слуха родилось еле слышимое жужжание, постепенно нараставшее и превращавшееся в рокочущий гул. Один из вертолётов приближался, ощупывая темноту поисковыми детекторами и приборами ночного видения. На тёмном фоне неба прорисовался светящийся круг, образованный вращающимися лопастями, и Хайк сжался в комок, сливаясь с кучами мусора и затаив дыхание.

Пронесло. Вертолёт прошёл неподалеку, но не изменил направление и не завис - значит, на его борту ничего не заметили. Хайк осторожно выдохнул, и тут где-то рядом раздался громкий шорох.

Огромная крыса вылезла из-за мусорного бака и уставилась на Хайка тёмными, чуть поблескивающими бусинами глаз. Таких громадных крыс мальчик ещё не видел - длинный облезлый хвост твари скрывался за баком, а размерами она могла поспорить с небольшой собакой. Несколько бесконечных секунд они смотрели друг на друга - Хайк ждал, что крыса вот-вот прыгнет на него, - а потом по асфальту со звоном покатилась пустая консервная банка. Крыса мгновенно исчезла, и мальчик обернулся.

В нескольких шагах от него стояли четыре безмолвные человеческие тени. Когда и как они появились, Хайк не слышал - обитатели Трущобы умели передвигаться бесшумно. Хайк ощутил было радость - он нашёл людей, которые ему помогут! - встал и хотел уже шагнуть им навстречу, но его остановило дыхание злобы, которым так и веяло от молчаливых ночных призраков.

- Та-а-ак... - раздался скрипучий и очень знакомый Хайку голос (да, он слышал этот голос много раз - тогда, в своей прежней жизни). - Сожри меня крысы, если это не "сынок" Трубогиба! Вот это встреча, щенок-полукровка...

Лунный свет стал чуть ярче - в затягивавших ночное небо облаках появилась очередная прореха, - и Хайк узнал говорившего. Это был Злыдень, или Кот - его прозвали Котом за умение видеть в темноте, а Злыднем - за основное свойство натуры, - мулат, одно время бывший правой рукой Трубогиба и лелеявший замыслы когда-нибудь занять трон "короля" Трущобы. Фавор Кота закончился, когда он походя дал пинка Хайку - просто так, ни за что. Трубогиб тогда выбил Злыдню пару зубов и навсегда лишил его своего расположения. Кот не осмелился открыто бросить вызов вожаку, но злобу - в полном соответствии со своим другим прозвищем - затаил. И вот теперь...

- Та-а-ак... - повторил Кот со злой радостью. - Трубогиб нынче далеко. Он давно хлебает пиво в аду - если, конечно, черти расщедрились, - и вряд ли сможет заступиться за тебя, крысёнок. А я - я здесь, и ты заплатишь мне за выбитые зубы. Один к одному, по курсу: один мой зуб - одно твоё яйцо. Идёт, гадёныш?

Злыдень сделал шаг вперёд, и трое его спутников повторили это движение. "Они меня убьют, - с пронзительной ясностью понял Хайк, - и... и Мэй не дожждётся моей помощи!"

В лицо ему пахнуло вонью гнилых зубов изо рта Кота - на свалке не водилось хороших

стоматологов, - а Злыдень сделал ещё один неспешный шаг, явно наслаждаясь страхом и беспомощностью загнанной в угол жертвы, и протянул к Хайку свою волосатую коричневую лапу.

В мозгу Хайка словно что-то взорвалось. В краткий, но растянувшийся миг Волчонок вспомнил всю свою звериную жизнь в Трущобе, где он выжил только благодаря Трубогибу; вспомнил холодные глаза воспитателей Приюта, откуда он только что сбежал, и синие-синие, как чистое небо, глаза Мэй.

– Трубогиб сделал доброе дело, удалив тебе твои гнилушки! - яростно выкрикнул он и резко выбросил вперёд правую руку.

С пальцев Хайка прямо в лицо Коту ударила огненная плеть. Злыдень захлебнулся воплем, закрыл горящее и обратившееся в обугленную маску лицо руками, рухнул под ноги мальчика и замер, а Хайк хлестнул своей пылающей плетью ещё двоих - одного за другим.

Эти жили дольше - они ещё катались какое-то время по кучам мусора, распространяя вокруг удушливый запах горячей плоти и чёрный смрадный дым. Последний оказался самым сообразительным - он развернулся с проворством крысы и резво бросился бежать. Хайк следил за ним пару секунд, потом поднял левую руку - правая почему-то нестерпимо болела - и спокойно ударил бегущего. В спину. Издалека - с двадцати шагов.

На этот раз огня не было - чёрную тень последнего из нападавших словно перерезало невидимым стальным лезвием. Отчётливо хрустнул позвоночник, бегущий человек коротко вякнул и упал, а Волчонок бессильно опустил на грязный асфальт.

Всё тело Хайка корёжило приступами жестокой рвоты, руки и ноги тряслись. Появись сейчас та недавняя крыса, она нашла бы себе лёгкую поживу - мальчишка не мог и пальцем шевельнуть, даже под угрозой немедленной и мучительной смерти. Он выложился весь, без остатка и едва мог дышать. И ещё Хайк рыдал, рыдал беззвучно и безутешно, рыдал оттого, что впервые в жизни убил четверых людей. Да, эти люди желали ему зла, и Хайк защищался, но от осознания этой жестокой истины ему было не легче. Эти люди, какими бы они не были плохими, жили, дышали и на что-то надеялись, а он, Хайк, всего за несколько секунд лишил их всех этих возможностей - навсегда...

Хайк не знал, сколько прошло времени, пока ему не стало легче - он только заметил, что небо на востоке уже начало светлеть. Ещё пошатываясь, он встал, вытер мокрое лицо дрожащими ладонями и побрёл обратно - туда, откуда пришёл. Что ему ещё оставалось делать? Надежда найти в Трущобе помощь выглядела теперь глупой и наивной - как смогли бы бездомные бродяги (даже если бы они согласились ему помочь) взять штурмом Приют, наверняка рассчитанный на осаду с применением военной техники? И Хайк брёл по кучам мусора среди скелетов полуразвалившихся строений и ржавых останков старых автомашин, брёл неизвестно куда и неизвестно зачем. Ему некуда было идти, но он шёл, потому что стоять на месте было бы ещё хуже.

Он не думал о том, что его тут же заметят, появившись в небе поисковый вертолёт, и не удивлялся тому, что эти вертолёты не появляются. Он не думал о том, что сведения о беглеце наверняка уже есть у всей полиции города, и что первая же патрульная машина кинется на него голодным зверем, почуявшим долгожданную добычу. Он просто шёл, еле передвигая гудящие ноги и чувствуя себя не волшебником, способным становиться невидимым и метать огонь с рук, а просто растерявшимся подростком, не понимающим, что же ему теперь делать и как дальше жить.

Стало уже почти светло, и отступившая ночная тьма выпускала из своих цепких объятий силуэты домов и контуры улиц. Гасли фонари, появлялись первые прохожие, и первые машины, разгоняя утренний туман светом фар, торопились по каким-то очень важным для их владельцев делам. "И никому из них нет дела до меня, - подумал Хайк, провожая взглядом автомобили, похожие издали на больших разноцветных жуков. - Хотя нет, кое-кому есть до меня дело - там, в доме на холме. В доме, который называется Приют, и где люди с пустыми и холодными глазами прячут в тёмном подвале мою синеглазую Мэй. И я пойду туда. Я знаю, что могу многое - я разнесу в пыль серые стены этого проклятого

дома! И если понадобится, я буду убивать. Это ведь так просто - теперь я это знаю... Вот только надо немного отдохнуть где-нибудь в укромном уголке и набраться сил - силы мне понадобятся. И неплохо бы раздобыть какой-нибудь еды".

Хайк осмотрелся. Он стоял на той незримой границе, где город, ставший предместьем, незаметно переходил в свалку. Вокруг громоздились мятые ребристые контейнеры, в любом из которых можно было укрыться от чересчур любопытных глаз. А если облюбованный контейнер кем-то уже занят - ну что ж, Волчонок найдёт способ заставить его обитателя потесниться или уступить место. А если у этого "кого-то" есть еда - так это будет просто здорово! Ведь тогда этот "кто-то" непременно поделится с ним, с Хайком - хотя бы потому, что Хайк его очень-очень попросит...

Верхняя губа мальчика дрогнула в привычной волчьей усмешке. Он ещё раз огляделся, выбирая, и тут вдруг увидел полосу густого дыма, ввинчивающуюся в чистое утреннее небо.

Сердце ёкнуло. Горело где-то в городе, причём не так далеко, и, кажется, Хайк знал, что именно горит. Но почему? Что там случилось? Обдирая ногти, Хайк вскарабкался на ближайший контейнер, посмотрел в сторону города и замер.

Над зданием на холме - над тем самым зданием, где Хайк провёл два года и откуда он убежал всего несколько часов назад, - поднимался столб плотного чёрного дыма. И там был не только дым - подножие чёрного столба часто прошивали яркие нитки огня, пожиравшего Приют.

ГЛАВА ВТОРАЯ. МЭЙ

Боль стала нестерпимой.

Ощущение, что надвигается что-то страшное, разбудило Мэй среди ночи. Она не могла понять, сон это или явь, или обрывки сна, странным образом ставшие явью.

...Огромный самолёт (или дракон из фантастических сказок? Нет, всё-таки самолёт, рукотворный монстр, порождённый людьми...) летел высоко над океаном, выше редких облаков, где воздух разрежен и холоден, и куда не забираются даже птицы. В металлическом чреве серебристого чудовища находились люди - много людей. Большинство из них спали, откинувшись на спинки мягких кресел, хотя кое-кто листал журналы с яркими картинками или неспешно потягивал напитки, принесённые стройными девушками-стюардессами. Не спали и люди в прозрачной голове дракона - пилоты, укротители и хозяева крылатого зверя, следившие за тем, чтобы самолёт летел туда, куда назначено, и не пытался своевольничать.

Но никто - ни бодрствовавшие пассажиры, ни даже погонщики воздушного дракона не видели ярко-алого пятна на его гладком боку. А Мэй - Мэй видела это пятно, похожее на кровоточащую язву. На самом деле никакого пятна не было, и пролети навстречу другой самолёт, с его борта не заметили бы ничего особенно - пятно отображалось только в сознании Мэй. И только Мэй знала - уже знала, - что значит это зловещее пятно.

...Миллионы крошечных убийц копошились в тесном пространстве, ограниченном со всех сторон тонкими, но прочными стенками плоского пакета, аккуратно уложенного между дюралем корпуса авиалайнера и обшивкой салона. Убийц заточили здесь много лет назад, и с тех пор они пребывали в полудрёме, ожидая назначенного часа.¹ И дождались...

В первые минуты после пробуждения Мэй не чувствовала боли. Девочка пыталась разобраться, что же её так встревожило, *ощупывала* мир вокруг себя - так далеко, насколько могла дотянуться. Она умела это делать, как умела и многое другое.

И когда Мэй увидела крылатую машину - увидела очень смутно, самолёт находился за многие сотни миль от неё, - боли ещё не было. Боль пришла, когда девочка начала понимать, что именно несёт с собой этот крылатый монстр - смерть, - и становилась всё острее и по мере того, как всё ярче разгоралось на борту лайнера жуткое алое пятно.

¹ Роман "Утробный рык Дракона".

Крошечные убийцы ждали приказа и того мига, когда они получат долгожданную свободу - свободу убивать. Борт авиалайнера должен был лопнуть над городом и пролить на него ядовитый гной, превратившийся в смертоносное облако. И никто уже не мог помешать этому, никто - потому что никто, кроме Мэй, не знал об этом. Нет, кое-кто знал - люди, зарядившие мирный пассажирский самолёт незримой смертью, - но эти люди не собирались останавливать стремительный бег крылатого зверя. Наоборот, они следили за кинжальными стрелками часов, чтобы вовремя отдать приказ - приказ, который будет выполнен.

А нестерпимой боль сделалась тогда, когда девочка-индиго по имени Мэй поняла - поняла своим сверхчеловеческим предощущением неизбежного - излившаяся на город смерть станет только началом и потянет за собой миллионы и миллиарды других смертей.

...Мир замрёт от ужаса, когда тяжёлые туши ракет выползут из своих подземных нор и поднимутся в воздух в полном соответствии с планом возмездия. Высоко над землёй - ещё выше, чем летит замеченный Мэй воздушный дракон, - головные части ракет разделятся, и каждая из них, подчиняясь заложенной программе, устремится к заранее выбранной цели. И там они обернутся чудовищными грибами, и рухнут дома, и сгорят люди, и огненная волна сметёт всё на своём пути. Но часть ракет случайно - или *умышленно* ? - попадёт не туда, куда намечено, и тогда в ответ чёрные подводные драконы выплунут из-под воды свои ракеты, и клубящиеся дымные грибы встанут уже по эту сторону океана. И потемнеет небо от пепла, и содрогнётся планета в смертной муке, и это будет началом конца...

И всё это будет, если... если не прервать полёт лайнера с ярко-алым пятном на борту.

Мэй сжала виски ладонями.

Что делать? Позвать дежурного воспитателя? Это просто - вон он, недремлющий глаз видеокamеры. А что она ему скажет? Звоните военным - нужно сбить пассажирский самолёт, летящий над Атлантикой? Что за самолёт, где он, и с какой стати его сбивать? Ты бредишь, девочка, тебе надо успокоиться. Сейчас мы дадим тебе успокоительное, и ты безмятежно уснёшь, а когда проснёшься, от твоих ночных кошмаров не останется и следа. А если даже ей и поверят, то пока будут выяснять и уточнять, будет уже поздно. Самолёт приближается, времени осталось мало - приказ крошечным убийцам скоро будет отдан. Значит, ей придётся всё сделать самой.

Но как? Она не может приказать этому воздушному дракону рухнуть в воду, он ей не подчиняется! Слишком далеко и слишком сложно - у Мэй не хватит сил и умения. И люди на борту самолёта - чем они виноваты? Но если дракона не остановить...

И Мэй мысленно закричала, закричала беззвучно, борясь с болью, беспощадно рвущей её острыми когтями.

— Стой, крылатый убийца! Стой! Я не дам тебе уничтожить этот мир! Есть ещё шанс изменить всё к лучшему, я это знаю, и поэтому стой, дракон! Падай, падай в ждущие тебя волны, и пусть океан навеки упокоит то, что ты несёшь с собой! А люди...

— Эти люди виновны, Мэй, - зазвучало вдруг в сознании девочки, *- виновны в том, что оказались в ненужное время в ненужном месте. И ещё они виновны в том, что они дети созданного ими мира - мира, пожирающего своих детей. Есть высшая справедливость - вселенская справедливость, - и ты когда-нибудь это поймёшь.*

Ошеломлённая Мэй оборвала свой яростный мыслекрик, одновременно ощущая, как боль отступает, словно тьма под натиском света, а неведомый голос - кто это говорит с ней? - закончил.

— Да будет так. Этот мир - новый мир, твой мир - получит ещё один шанс...

...Командир "боинга", совершавшего самый обычный трансатлантический рейс, был спокоен - всё идёт по графику. Подтверждение от диспетчерской службы уже получено, и можно начинать снижение. Ещё каких-то полчаса - и шасси привычно коснутся бетонной полосы аэродрома. Сколько уже таких посадок было на его лётном веку... Час обычной рутины, смена экипажей - и можно будет расслабиться и отдохнуть. А поскольку до следующего вылета времени достаточно, то понятие "отдохнуть" можно и разнообразить - в разумных пределах, конечно. Например, эта новенькая стюардесса - она смотрит на него,

командира, явно заинтересованно и очень многообещающе... А почему бы и нет, в конце концов?

И тут за панорамным остеклением кабины воздух задрожал и сгустился. А потом прямо перед глазами лётчика проявились неясные очертания прозрачной фигуры - сквозь неё были видны облака, неторопливо ползущие навстречу самолёту. Фигура походила на человеческую, хотя как человек может оказаться снаружи кабины авиалайнера, несущегося на высоте девять тысяч метров со скоростью пятьсот миль в час? И тем не менее...

Командир крепко зажмурился и через секунду снова открыл глаза - загадочная фигура никуда не исчезла. Наоборот, она сделалась более чёткой: воздух, из которого была соткана эта странная фигура, стал чуть темнее, чем окружавшая самолёт прозрачная пустота. А затем пилот "боинга" увидел лицо - строгое мужское лицо с тонкими чертами, напомнившее ему лики святых. И в глазах этого "святого" была укоризна.

"Долетался, - мелькнуло в сознании командира. - Здравствуйте, ангелы божьи...".

По виску поползла капелька холодного пота. Пилот чуть повернул голову, не в силах оторвать взгляд от "ангела", - всё спокойно, всё нормально, его товарищи ничего не видят. И внезапно почувствовал - не услышал, а именно почувствовал, - что привычный мерный шум двигателей, фон, с которым лётчик сроднился за тысячи часов полётов, исчез. Двигатели остановились. Все. Одновременно.

Огромный самолёт вздрогнул, качнулся и ухнул вниз беспомощной грудой металла, стекла, синтетики и охваченной ужасом человеческой плоти.

- Земля! - заорал в микрофон командир самолёта. - У нас тут какая-то чертовщина! Или мы все сошли с ума, или...

Он кричал что-то ещё, уже не замечая, что лёгкий шорох эфирных помех тоже пропал, и что он кричит в ватную немую пустоту. Этот его истощённый крик прервал холодный и спокойный голос, зазвучавший, казалось, в каждой трепещущей перед близким небытием клеточке тела лётчика.

- *Вы должны умереть, чтобы жили другие - миллионы других.*

Самолёт падал. Люди в его кабине суеились, напрасно нажимая мёртвые кнопки и щёлкая бесполезными тумблерами. Люди в пассажирском салоне насторожились - что это такое за стремительное снижение? - однако ещё ничего не поняли. Но самыми счастливыми оказались те, кто мирно спал, - проснувшись уже над самой поверхностью ночного океана, они просто не успели ничего понять...

А далеко внизу, в сером здании Приюта, на окраине большого городе, до которого так и не долетел крылатый зверь, девочка-подросток по имени Мэй тихо - чтобы не привлекать внимания чутких электронных ушей - рыдала, уткнувшись лицом в подушку. Она плакала от радости и от горечи: она спасла, но она убила. Боль незаметно ушла талой водой, и Мэй, всё ещё тихонько всхлипывая, заснула.

* * *

Мэй росла в благополучной семье. Единственный запланированный ребёнок, зачатый и рождённый скорее из соображений престижа и "потому, что так принято", чем из искреннего желания дать жизнь новому человеку, она не могла пожаловаться на недостаток заботы и внимания. Родители заранее расчертили её будущее - школа, престижный университет и достойное место в предельно совершенном обществе XXI века. Мэй не возражала, хотя она очень рано почувствовала в себе нечто, отличающее её - и сильно - от сверстников. На это нечто обратили внимание и её родители, но нашли скрытые способности своей дочери всего лишь забавным курьёзом. Потом они сообразили, что таким ребёнком можно гордиться, и просили Мэй - требований она не терпела, и поступала в таких случаях наоборот, - показывать свои "фокусы" гостям, вызывая у них восторженные ахи и охи.

Девочке не очень нравилась роль экзотического редкого зверька, которым гордятся его хозяева, и она сознательно утаивала от родителей большую часть того, на что была способна.

В частности, они так и не узнали, что Мэй научилась читать мысли - пусть даже это её умение, особенно на первых порах, было очень далеко от совершенства. Родителям вполне хватало и того, что их уникальная дочь может заживлять ранки, передвигать предметы, и восстанавливать сломанные стебли цветов - таким ребёнком можно хвастаться.

Идиллия кончилась, когда погиб отец - Мэй только-только исполнилось одиннадцать лет. Её отец, преуспевающий менеджер солидной компании, разбился на своей новенькой автомашине - обычная смерть для обитателя гигантского мегаполиса, кишящего машинами, как муравейник муравьями. Привыкшая к достатку мать Мэй растерялась - привычная жизнь пошла кувырком, и денег стало не хватать. Трезво взвесив свои шансы в непрерывной борьбе за "достойную жизнь", как её понимали жители города, и перебрав все доступные ей методы этой борьбы, женщина - она была ещё достаточно эффективной особой, притягивающей мужские взгляды, - выбрала самый простой и древний: найти себе нового мужчину.

Поменяв в быстрой последовательности нескольких любовников, она наконец нашла то, что искала - парня на десять лет её младше, с хваткой и амбициями, - и решила, что этот вариант будет оптимальным для женщины не первой молодости, да ещё с ребёнком. Так у Мэй появился отчим.

Он не понравился Мэй с самого начала. Она не очень любила отца, однако откровенная жадность, которой прямо-таки истекал новый муж её матери, вызывала у девочки тошноту и ощущение гадливости. К тому же отчим, узнав о способностях Мэй, вознамерился сделать из приёмной дочери источник доходов. Но развернуться по-настоящему этому типу не давала всё та же жадность - его буквально крючило, когда он прикидывал, сколько придётся отдать продюсерам, если раскручивать "чудо-ребёнка" по полной программе. Мэй слышала его споры с матерью - и мысли - и злорадно усмехалась: помогать этому своему "новому папе" достичь успеха в жизни она отнюдь не собиралась. И всё-таки, как выяснилось чуть позже, несколько организованных на чистом энтузиазме публичных выступлений Мэй не остались незамеченными - в первую очередь теми, кто очень интересовался детьми-индиго.

А потом разразился грандиозный скандал. Как-то раз отчим заявился домой под хмельком и, полагая, что его супруги ещё нет дома, зашёл в комнату Мэй и без лишних слов повалил её на кровать, задирая девочке юбку. Скорее всего, Мэй быстро нашла бы в своём арсенале подходящий способ окоротить "нового папу", но она так растерялась, что только царапалась, кусалась и колотила его кулачками. Но когда отчим, сопя и пыхтя, стащил с неё трусики, она всерьёз испугалась, и этот страх тут же трансформировался в холодную злую решимость. Неизвестно, что было бы дальше, - и что стало бы с чересчур любвеобильным "папой", - если бы в комнату дочери не вбежала её мать, почуявшая недоброе.

В доме воцарилась свинцово-гнетущая атмосфера, однако уже на следующее утро всё разрешилось самым неожиданным образом - их навестил странный гость.

Мэй слышала звонок, видела, как мать с опухшим от слез лицом открывает входную дверь, и как отчим с багровой царапиной через всю левую щеку угрюмо смотрит на вошедшего - на высокого плотного человека с незапоминающейся внешностью и военной выправкой. Они долго разговаривали на кухне, прикрыв ведущую туда дверь, но Мэй не надо было подслушивать - девочка без особого труда добралась до мыслей всех троих. Она не всё разобрала, но поняла, что речь идёт о ней, и потому нисколько не удивилась, когда мать позвала её вниз, в холл.

— Здравствуй, девочка, - сказал ей гость, когда Мэй вошла в кухню.

— Здравствуйте, - ответила она, быстро прощупывая ауру незнакомца.

— Дело вот в чём, - без всякого предисловия начал тот, не спуская с неё внимательных глаз. - Не хотела бы ты учиться в специальном элитном колледже, - он сделал небольшую паузу, - ...закрытого типа? Это что-то вроде пансиона, где мы собираем особо одарённых детей, перед которыми большое будущее - будущее всей планеты.

"А ведь он не врёт, - подумала Мэй, - аура не обманывает. Я действительно им нужна - очень нужна". Однако отвечать она не спешила.

— Но нам очень важно, - продолжал гость, не дождавшись ответа, - чтобы ты хотела

этого сама. - Он подчеркнул последнее слово и замолчал, всё так же глядя на Мэй.

— Я буду жить... там, у вас? - произнесла она наконец.

— Да, - отозвался незнакомец, - до совершеннолетия. А потом - потом ты выберешь сама, куда тебе идти и что делать. Посмотри, - добавил он с какой-то странной интонацией и усмехнулся, - разве я тебя обманываю?

Мать и отчим обменялись недоумёнными взглядами, но Мэй тут же всё поняла. Этот загадочный незнакомец знал о её способностях, и его фраза "особо одарённые дети" имела вполне определённый смысл.

— Там у вас все такие... такие, как я? - напрямик спросила она, глядя в глаза гостю.

— Да, - подтвердил он и кивнул, - все. Тебе там будет хорошо, Мэй.

И всё-таки она колебалась - что-то неуловимое в облике гостя настораживало девочку. Похоже, этот человек владел психотренингом и умел - хотя бы частично - прикрывать свои мысли или контролировать их. Значит, ему есть что скрывать. И наверно, Мэй так и не согласилась бы, если... Если бы она не потратила несколько минут и не *перелистала* мысли матери и отчима.

В мыслях отчима она не нашла ничего нового - им двигала жадность, жадность и ещё раз жадность. За передачу опекунов над Мэй каким-то Попечителям её родители получали большую сумму денег - настолько большую, что отчим даже сглатывал слюну, когда думал об этом. Кроме того, "новому папе" было теперь неприятно видеть "эту соплячку" - после того, что случилось вчера.

А вот мать... Мэй не слишком обольщалась насчёт её материнской любви - это безошибочно чувствуют и обычные дети, не говоря уже об индиге, - но такого она не ожидала. Да, умение читать мысли - благословенный, но страшный дар...

Её мать сделала выбор между своим новым мужем и дочерью, и этот выбор был не в пользу Мэй. "Я нашла себе мужчину, и не собираюсь его терять, - так думала женщина, которую Мэй звала матерью. - А ребёнок - а что ребёнок? Она вырастет, и через десяток лет уйдёт, и будет жить своей жизнью, в которой мне уже не будет места. А если она будет и дальше мелькать перед мужем, то однажды он всё-таки затащит её в свою постель, а меня оттуда выгонит. Нет уж, дудки! К тому же этот человек предлагает нам такие деньги, которые мне даже не снились. А мужчины - мужчины уходят от женщин к другим женщинам, но от денег они не уходят. В конце концов, если мне захочется иметь ребёнка, рожу нового - я ведь ещё не стара для этого".

Мэй передёрнуло, когда она поняла, о чём думает мать. Девочка решительно вскинула голову и коротко бросила:

— Я согласна, господин...

— Блад, - представился тот. - Джейк Блад. Один из твоих будущих Попечителей. Вот и прекрасно, Мэй. Ты просто умница, девочка, и ты не пожалеешь о своём решении.

Оформление всех необходимых бумаг заняло очень мало времени. Мэй наверняка была далеко не первой, и Блад действовал быстро и сноровисто. Он только пару раз переговорил с кем-то по сотовому видеофону, и всего через полчаса оговоренная сумма денег уже была переведена на личный счёт матери Мэй. А ещё через час, когда девочка собрала минимум вещей, которые она сочла нужным взять с собой, Мэй покинула свой родительский дом - навсегда.

* * *

Проснувшись утром, Мэй не сразу поняла, где она находится. Но длилось этого всего долю мига, а потом всё встало на свои места: она в Приюте, в своей комнате. И за окнами утро - рассеянный солнечный свет, падающий на зелень внутреннего двора-сада, мягко плещется в толстое оконное стекло. Но почему же тогда у неё ощущение, словно что-то изменилось - неуловимо, но изменилось, и притом очень сильно изменилось? И тут она вспомнила то, что случилось ночью - вспомнила ярко, до мельчайших подробностей. Нет,

это был не сон - сны такими не бывают. Но если не сон, тогда что это было?

Мэй зябко поёжилась, посидела минуту на постели, обхватив руками колени, а потом решительно тряхнула головой - сон или не сон, с этим мы разберёмся, а сейчас надо вставать и снова играть в игру, придуманную хозяевами Приюта - Попечителями. За два месяца пребывания здесь Мэй успела изучить правила этой игры и знала: главное - это выглядеть пай-девочкой.

Она громко сказала сама себе "Доброе утро!", - зная, что за ней наблюдают, - приняла душ, привела себя в порядок, оделась и уже хотела направиться в столовую, не дожидаясь произнесённого механическим голосом приглашения, но задержалась у висящего на стене зеркала - взглянуть на себя и поправить волосы. Взгляд девочки упал на стоявшую на подзеркальном столике маленькую вазочку с одиноким цветком, который она вчера сорвала в саду - это разрешалось воспитанницам (если дело ограничивалось одним-двумя цветками, а не целой охапкой). Что-то было не так, и секунду спустя Мэй поняла что именно.

У цветка было пять тонких синих лепестков, а вчера, когда Мэй принесла его в свою комнату и поставила в вазочку, лепестков было четыре. Это она помнила совершенно точно - зрительная память (и память вообще) у девочки была великолепной. Не доверяя своим глазам, Мэй вытащила цветок и повертела его в пальцах, рассматривая со всех сторон. Лепестков было пять - *пять*, а не *четыре*. Ну хорошо, если бы лепестков стало меньше, это ещё можно было бы объяснить - оторвался, упал (но тогда и валялся бы где-то рядом), - но чтобы пятый лепесток вырос у сорванного цветка за одну ночь? Причём так, словно он тут и был с того самого момента, как цветок проклюнулся из бутона! Так не бывает - как не бывает и таких снов, что приснился ей в эту ночь. И никто не заходил к ней в комнату ночью, чтобы заменить цветок - она бы услышала. Да и зачем кому-то менять цветок в её комнате? Нет, цветок тот же самый - на его стебле царапинка, оставленная ногтем Мэй!

Это вроде бы незначительное открытие настолько потрясло девочку, что она застыла, глядя на себя в зеркало огромными от крайнего изумления глазами. Её вернул к реальности механический голос дежурного воспитателя, возвестивший: "Дети, пора завтракать!".

Мэй не чувствовала вкуса еды, всецело поглощённая своими мыслями, но съела всё с видимым аппетитом и выпила кофе: ведь главное - это выглядеть пай-девочкой. На занятиях - индиго занимались маленькими группами по три-четыре человека, и на каждую группу преподаватель подбирался с учётом возраста, уровня развития, интересов и специфических особенностей учеников, - она была несколько рассеяна, но сумела это скрыть (правда, пару раз заметив, что педагог посмотрел на неё как-то по-особому). К немалому удивлению Мэй, привыкшей к ежедневному общению с экспериментаторами, от тестирования её в этот день избавили. "Почему?" - подумала она и почувствовала неприятный холодок. Неужели...

Мэй искала Хайка, но его нигде не было видно. Девочка попыталась мысленно позвать приятеля, однако он не ответил - или не услышал. Мэй не стала усиливать зов - если Хайк работает "подопытным кроликом", то ответить он всё равно не сможет, а проверять на себе уровень чувствительности сенсоров, следящих за психополем воспитанников, ей совсем не хотелось.

Отдохнув после обеда, она искупалась в бассейне и спустилась во двор, надеясь найти Хайка в саду, но и там его не оказалось. Мэй присела на скамеечку у старого кряжистого пня - здесь они с Хайком сидели чаще всего. Хайк даже выжег на боку пня маленькие букочки "М" и "Х" - вон там, где кора слезла, обнажив гладкую, словно отполированную, древесину. "Стоп! - сказала Мэй сама себе - А где же буквы?".

Девочка вскочила, подбежала к пню, присела на корточки и провела пальцами по дереву. Буквы были выжжены именно здесь, на этой самой проплешине величиной с ладонь! Они *были здесь* - ещё вчера!

Мэй стало не по себе. Сначала цветок с лишним лепестком, теперь эти исчезнувшие инициалы - многовато для одного дня. Что-то определённо изменилось - вот только что?

Услышав шорох шагов, она подняла голову, ожидая увидеть Хайка. Но нет, по тропке между деревьями прошёл незнакомый мальчишка лет девяти с выражением отрешённой

задумчивости на не по-детски серьёзном лице. Мэй встала, подождала ещё несколько минут - никого. И тогда она решила вернуться к себе в комнату. "Надо лечь, - подумала она, - сосредоточиться и *пошарить* вокруг. Я должна понять, что произошло, и что происходит".

Мэй ещё не знала, что с самого утра она является центром внимания всего персонала Приюта, и что ночевать в своей комнате ей уже не придётся.

* * *

– Господин директор, - голос воспитателя дрожал от волнения, - у меня есть срочная дополнительная информация по воспитаннице Мэй. Я уже докладывал вам ещё утром...

– Поднимитесь ко мне, - перебил его директор. - Жду.

Выключая коммуникатор, он в то же время другой рукой активировал экранное поле, окутавшее кабинет. Эта мера предосторожности ввели после того, как появились серьёзные основания полагать, что кое-кто из индиго умеет читать мысли. "От них всего можно ожидать, - подумал господин директор. - Мне иногда страшно смотреть в глаза этим детям - в них мудрость тысячелетий и даже что-то нечеловеческое. Что там ещё натворила эта новенькая?".

Директор уже знал о невероятно мощном выбросе ментальной энергии, выплеснутом этой девочкой минувшей ночью. Система контроля исправно зафиксировала этот выброс, но определить его уровень - даже приблизительно - оказалось невозможным: два сенсора попросту сгорели, а входной контур преобразователя-сумматора вышел из строя от перегрузки. Во всяком случае, можно было с уверенностью сказать, что сгенерированная Мэй мощность на порядки превосходила ту, с которой экспериментаторы когда-либо сталкивались раньше - изображение на всех следящих видеокамерах двоилось в течение нескольких минут после выброса, что сочли его косвенным воздействием на электронику.

Чтобы не настораживать девочку, её решили пока не трогать и даже не подвергать обычному ежедневному тестированию, но усилили все виды наблюдения. Кроме того, по личному указанию господина директора, её приятеля Хайка решено было загрузить тестами по усиленной программе, не оставившей мальчику ни минуты свободного времени. Расчёт был прост - если Мэй сделала что-то из ряда вон выходящее, она непременно захочет поделиться этим со своим другом, - взаимная симпатия этой парочки не являлась секретом для воспитателей, - и как-то себя проявит.

И действительно, Мэй явно искала встречи с приятелем, и аппаратура психоконтроля даже отметила несколько раз слабые всплески ментальной активности воспитанницы, но ничего из ряда вон выходящего не произошло. И вот теперь...

В дверь кабинета постучали.

– Войдите! - бросил господин директор, барабанив пальцами по столу и подбираясь, словно кот перед прыжком.

С первого взгляда на вошедшего в его кабинет воспитателя директору стало ясно - случилось нечто экстраординарное. Глаза воспитателя горели, а движения были суетливыми и порывистыми.

– Присаживайтесь, - директор жестом указал на кресло. - Что там у вас?

Воспитатель сел и положил на стол пачку распечаток. Он заметно нервничал - уронил одну из бумаг на пол, поднял, положил и тут же уронил другую.

– Успокойтесь, - холодно сказал господин директор, - и доложите коротко и внятно.

– В соответствии с методикой сопоставления, - похоже, воспитатель взял себя в руки, - мы проверили информацию обо всех странных событиях и явлениях, имевших место за прошедшие сутки в радиусе тысячи миль от Приюта.

– И? - господин директор вопросительно поднял бровь.

– В 03.42 в двухстах сорока милях от побережья произошла авиакатастрофа. В море упал пассажирский самолёт. Просто упал - камнем. Последнее сообщение с борта лайнера выглядело совершенно бредовым, а потом связь оборвалась. Радары проследили очень

быстрое снижение - а попросту говоря, падение, - самолёта почти до самой поверхности океана. Что случилось на борту - неясно, поиски обломков и "чёрных ящиков" пока не дали никаких результатов. Но вот что примечательно, - воспитатель зашуршал распечатками, - вы сравните время! - и он протянул господину директор один из листов.

Тот быстро пробежал глазами аккуратные строчки текста и поднял глаза.

- Невероятно... Минута в минуту - таких совпадений не бывает. Лайнер начал падать сразу же после того, как наша Мэй пережгла своим мысленным импульсом электронику слежения! Господи боже мой... - прошептал господин директор, никогда не отличавшийся повышенной набожностью. - Если эта девчонка может сбивать самолёты на расстоянии в сотни миль, то это... это... Но зачем?

Воспитатель только пожал плечами, но директор и не ждал от него ответа.

- Значит, так, - распорядился он. - Изолировать. Немедленно. По высшей категории.

- Бункер?

- Бункер. Но обращаться с девочкой предельно осторожно и бережно - она стоит всех драгоценностей человечества! Вы меня поняли? А я сообщу в Центр - пусть решают, что с ней делать дальше.

Его подчинённый торопливо кивнул и поспешно покинул кабинет, а господин директор повторил, оставшись один и рассеянно глядя в окно:

- Господи боже мой... - И добавил, обращаясь к самому себе. - Кто же они, эти дети-индиго, и что они нам принесут?

* * *

Голова ещё кружилась, но никаких других неприятных ощущений не было.

Мэй помнила сладковато-удушливую волну, затопившую её с головой, как только она вошла в свою комнату, потом был тёмный провал, а потом - потом она очнулась. Уже здесь, в этой залитой неярким светом комнате без окон, но с диваном, столом, двумя мягкими креслами и выгоревшей санблока в углу.

Она отнюдь не собиралась биться в истерику - наоборот, её сознание работало чётко и спокойно. "Аппаратура отметила мой мыслекрик, - размышляла девочка, - и воспитатели встревожились. Из этого в первую очередь следует, что мой сон вовсе не был сном, и что я действительно сделала то, что сделала. И перетрусившие экспериментаторы упрятали меня сюда".

Мэй привычно потянулась трепещущими нитями сознания к окружавшему её миру и тут же отдёргнулась, словно от ожога. Всю комнату окутывало покрывало мощного силового поля - теперь Мэй видела это поле, похожее на плотную серебристую паутину. И ей, Мэй, не выйти отсюда, пока это поле активно. Стоит только окунуться в серебряные нити, как она потеряет сознание - если не хуже. Через поле не пройти, и даже мысль сквозь него не пробьётся. Хотя... Хотя это мы ещё посмотрим - поле-то не сплошное (по крайней мере, таким оно выглядит). А раз так, то можно попробовать отыскать какую-нибудь узенькую щёлочку... Ничего, что через щёлку не пролезть - она ведь не мышка, - зато она сможет...

"Надо позвать Хайка, - назойливо стучало в голове девочки, - надо позвать Хайка". Она даже не задумывалась, чем он сможет ей помочь (и сможет ли вообще хоть что-нибудь сделать) - Мэй просто хотела услышать голос друга.

У неё никогда не было друзей, и никогда она не испытывала ни к кому искренней привязанности. Дети откровенно побаивались и недолюбливали Мэй, а родители... И вдруг этот кареглазый мальчишка, смуглый и темноволосый, всего за несколько дней стал для неё самым близким человеком. Она даже поймала себя на мысли: "И как это я раньше жила, не зная Хайка?" и немного испугалась - что это с ней? Но всё равно - ей было тепло оттого, что этот мальчишка есть, что он рядом, и что он *так* на неё смотрит.

И Мэй начала осторожно и терпеливо отыскивать заветную щёлочку в серебряной паутине. Несколько раз она *обжигалась*, морщилась, шипела от боли (интересно, что об

этом подумали наблюдающие за ней стражи? - в том, что за ней непрерывно следят, Мэй не сомневалась), но упорно не оставляла своих настойчивых попыток. И в конце концов, у неё получилось. Хайк не ответил, однако Мэй была уверена - друг её услышал. Она не смогла бы объяснить, откуда у неё такая уверенность, - она просто *знала*, что это именно так. А раз так, то теперь всё будет хорошо - непременно.

С этими мыслями она залезла с ногами на диван, свернувшись калачиком и незаметно уснула - сказалось напряжение, в котором девочка пребывала все последние сутки.

Проснувшись Мэй от ощущения тревоги и сумятицы, охватившей всё вокруг. В Приюте явно что-то происходило, хотя сюда, в эту таинственную комнату, не доносилось ни звука. Поняв это, девочка сосредоточилась и стала ждать - ждать того, что вот-вот произойдёт.

* * *

Дежурный у главной двери был внимателен и собран. Его предшественника сняли с поста за непонятную халатность - он зачем-то по собственной инициативе отпер входную дверь, и в эту дверь выскользнул один из воспитанников, странным образом незамеченный до этого системами наблюдения Приюта. Охранник отнюдь не собирался повторять ошибку своего предшественника, - догадываясь, каким будет наказание, - и относился к своим обязанностям предельно добросовестно. Но дежурный не мог и предположить, что никакая добросовестность ему уже не поможет.

Толстенная входная дверь на глазах у изумлённого охранника вспучилась, потекла, и прямо в лицо человеку в стеклянном кубе устремился поток рычащего красного пламени - бронестекло не стало серьёзной преградой этой яростной огненной лавине.

С десятков неясных размытых силуэтов разом возникли в холле, молниеносно миновав светящиеся вишнёвым раскалённые ошмётки, оставшиеся от входной двери. Ворвавшиеся двигались с нечеловеческой быстротой, и их скользящий бег по коридорам и лестницам Приюта сопровождался вереницами ярких вспышек - таинственные пришельцы без промаха (правда, непонятно из чего) расстреливали видеокамеры и сенсоры, безошибочно находя их в стенах и межэтажных перекрытиях.

Нападение, в отличие от бегства Хайка, не прошло незамеченным, однако все попытки персонала оказать хоть какое-то сопротивление оказались тщетными. Зацепить выстрелом кого-нибудь из этих людей - или *не людей*? - никак не удавалось, а когда господин директор решился запустить на полную мощность все свои "глушилки", было уже поздно. Он не успел дотянуться до кнопки активации генераторов - энергетический удар одного из нападавших разнёс тело господина директора, расплескав его хрупкую человеческую плоть по стенам его собственного кабинета.

Призраки - какие люди на такое способны? - не брали пленных. Они убивали всех подряд, без разбора, вне зависимости от того, пытались им сопротивляться или нет. Всех - за исключением детей-индиго, воспитанников Приюта. Этих торопливо выводили во двор и сажали в вертолёты, ждавшие во дворе с работающими на холостом ходу винтами. Дети не возражали против этой странной ночной эвакуации, сопровождавшейся огнём и кровью, - нападавшие как-то сумели найти с ними общий язык, убедить или попросту заставить. И по мере того, как жилые этажи Приюта пустели, туда врывался огонь, рождавший чёрный дым.

Пришельцы торопились, но не пропускали ни одной комнаты, словно искали что-то очень для них важное. Или кого-то, без кого они не могли уйти, оставив Приют на поживу танцующему пламени. И они нашли то, что искали - дверь, ведущую на нижние, подземные этажи Приюта - были здесь и такие.

Правда, с этой дверью нападавшим пришлось повозиться. Они не стали её разрушать, чтобы не повредить находившуюся за дверью кабину лифта - о существовании этого лифта они, похоже, знали, - им надо было открыть эту дверь. И в конце концов они это сделали.

Однако внизу их уже ждали одетые в защитную броню и вооружённые до зубов солдаты-охранники, предупреждённые о нападении системой сигнализации, которую

призракам не удалось мгновенно вывести из строя. И здесь пришельцы понесли первые потери - опустившаяся на нижний этаж кабина лифта попала под плотный перекрёстный огонь.

Призраки оказались людьми из плоти и крови - первый из них, выскочивший в коридор подземного этажа, был изрешечен свинцовым ливнем. К тому же здесь работали "глушилки", запитанные от резервных генераторов поля, и нападавшим пришлось несладко. И в отличие от верхних этажей, узкие коридоры подземного этажа то и дело перегораживали решётки и дополнительные стальные двери, на разрушение которых требовалось время и силы. Завязался бой - самый настоящий бой. Исход этого боя был неясен, пока кому-то из пришельцев не удалось каким-то образом проникнуть в агрегатную и вырубить генераторы. После этого бой превратился в избиение.

Мэй слышала отзвуки этого боя. Затем экранирующее поле исчезло, и она смогла даже кое-что увидеть. И увиденное потрясло девочку своей кровавой беспощадностью. Она не знала, кто эти люди, и зачем они напали на Приют, но подобралась, готовая защищаться от любой неожиданности.

Стену комнаты разрезала от потолка до пола узкая вертикальная полоса. Открылся дверной проём, Мэй услышала треск выстрелов и шипение огня, а потом в дверь ввалился охранник с обезумевшими глазами, состоявшими, казалось, из одних бездонных чёрных зрачков. Секунду и другую человек с оружием в руках и девочка-подросток молча смотрели друг на друга - Мэй видела пятна гари на лице охранника и кровь на его правой щеке, - а затем тело солдата судорожно дёрнулось, и он медленно упал внутрь комнаты лицом вниз.

Броня на спине охранника была проплавлена в нескольких местах; из рваных дыр медленно вытекали тонкие струйки серого дыма. А над упавшим телом в дверном проёме появилась высокая темноволосая женщина в чёрном комбинезоне. Её глаза были холодны, и в уголке рта алела маленькая капелька, словно эта женщина только что пила кровь. И ещё Мэй заметила у неё на шее странное ожерелье - змею, свернувшуюся в кольцо. Чуть приподнятая голова змеи находилась прямо напротив ямочки на горле женщины в чёрном - Мэй видела блестящие крохотные точки змеиных глаз, словно змея была живой.

- Так вот ты какая... - произнесла женщина с ожерельем. - Ты стояла большой крови, сестрёнка Мэй, - так ведь тебя зовут, верно?

Голос незнакомки звучал устало и чуть хриловато, оружия при ней не было, однако Мэй безошибочно чувствовала Силу, переполнявшую эту странную женщину. А оружие - ей оно без надобности, она сама по себе оружие, и оружие страшное.

- Верно, - усмехнулась женщина. - Это ты верно подметила, сестрёнка.

"Почему сестрёнка? - растерянно подумала Мэй. - И... она что, читает мысли? Значит, она...".

- Да, - отозвалась женщина со змеей. - Я такая же, как и ты, только постарше тебя, и умею намного больше. Но разговоры разговаривать мы будем потом - сейчас не время. Мы пришли за тобой, и теперь пора уходить. Если здесь появится целая свора солдат, да ещё с этими дурацкими генераторами электромагнитного поля, нам будет трудно справиться со всеми. Идём, сестрёнка Мэй. А меня ты можешь звать просто Серпентой² - всё равно это прозвище придёт тебе на ум, - с этими словами она снова усмехнулась и коснулась пальцем змеиной головки. - Идём, - повторила она, - времени остаётся всё меньше. Сюда скоро придёт огонь - нельзя лишать его пищи.

И Мэй подчинилась. Она не могла понять, почему эти странные люди пришли именно за ней, зачем они устроили такое кровавое побоище, куда ведёт её Змея, и что ждёт девочку. Но Мэй прекрасно понимала - другого выхода нет, такой Силе невозможно не подчиниться. Да и что она теряет, в конце концов? Приют?

Однако уже в коридоре, пробираясь вместе с Серпентой через густой дым и поминутно

² От serpiente - змея (исп.)

спотыкаясь о мёртвые тела, Мэй вдруг резко остановилась. Что она теряет? А как же Хайк?

- В чём дело? - тут же спросила Серпента. - Что ты забыла?
- Мой друг... - пробормотала Мэй. - Его зовут Хайк, и я без него никуда не пойду!
- Не беспокойся, - успокоила её Змея. - Мы забрали всех детей-индиго этого Приюта.

Так что твой сердечный приятель с нетерпением ждёт тебя в одном из вертолётчиков. Идём.

Но Серпента ошиблась - ни в одном из вертолётчиков Хайка не оказалось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДЖЕЙК

– Какого чёрта, Джейк? Какого чёрта, я вас спрашиваю?

Арчибальд Эссенс был раздражён - раздражение из него так и хлестало. За последние годы он сильно постарел и усох, превратившись в скелетообразное существо, обтянутое потемневшей морщинистой кожей. И только глаза его остались прежним - пронзительными. И сейчас эти глаза светились раскалёнными угольями, выдавая охватившую Эссенса ярость.

– Мы тратим огромные средства, время и силы, собирая по всей планете детей-индиго во имя нашего будущего, а четырнадцатилетний сопляк играючи обманывает охрану и бежит из Приюта! Где же были ваши хваленые электронные системы контроля, способные, как вы меня уверяли, засечь полёт мухи в полной темноте? Знаю, знаю, что вы скажете: этот сопляк - индиго, а индиго способны на многое! Тогда надо было держать его - и всех! - на цепи! В кандалах! Неужели нельзя было использовать богатый опыт если не тюрем, то хотя бы сумасшедших домов?

Прибывший среди ночи по срочному вызову босса Джейк Блад молчал, хотя многое мог бы сказать в ответ на его упрёки - совершенно незаслуженные упрёки. Например, он мог сказать, что система охраны Приютов - в том числе и злополучного семнадцатого - была предметом долгих споров, пока наконец не победила точка зрения (поддержанная, кстати, и самим Эссенсом), согласно которой с детьми-индиго следовало обращаться с предельной осторожностью. Индиго с их сверхспособностями должны были стать опорой и союзниками - сознательными союзниками! - Правителей, и поэтому любые принудительные методы (в том числе и направленные на явное ограничение свободы) считались недопустимыми. "Этих детей ни в коем случае нельзя провоцировать на сопротивление - как тайное, так и явное!" - разве не самого Эссенса принадлежит эта фраза? Поэтому-то в Приютах не было ни решёток, ни сторожевых вышек, ни колючей проволоки, ни прочих милых атрибутов мест лишения свободы - Приюты выглядели обычными элитными пансионами со строгими правилами. А теперь что, за побег этого мальчишки всех собак будут вешать на него, Джейка?

Однако Блад сохранял полную невозмутимость, слушая излияния шефа. Он прекрасно понимал, что дело вовсе не в побеге одного-единственного мальчишки (поймаем, а если не поймаем - одним меньше, одним больше, какая разница?). "Старик чует недоброе, - думал Блад, изображая на лице почтительное внимание дисциплинированного подчинённого, - вот и бесится по пустякам, прощупывая мою реакцию. Да, Арчи стар, но до маразма ему далеко, и остроте его ума многие могут позавидовать. А чутьё у него всегда было отменным..."

В последнее время настроение Эссенса менялось непредсказуемо. Не далее как сегодня, всего пару часов назад, он с торжеством в голосе сообщил Бладу, что одна из воспитанниц Приюта-семнадцать, Мэй ("Это ведь вы её нашли и курировали, Джейк!") сотворила нечто совершенно невероятное. Блад получил от шефа похвалу и распоряжение утром отправиться в Приют, чтобы детально разобраться в случившемся - на месте. А теперь - громы и молнии из-за побега этого сорванца, тоже "крестника" Джейка - именно Блад обратил внимание на странные преступления в городе и на его окраине, примыкавшей к знаменитой Трущобе. По статусу начальнику службы безопасности Головного Центра отнюдь не полагалось самому заниматься подобными мелочами, но Джейк любил такие головоломки. Кроме того, Эссенс считал - и в этом Блад был с ним полностью согласен, - что в очень важных делах (а проект "Индиго" был именно таким делом) нельзя всецело полагаться на слепых исполнителей.

И Джейк провёл операцию по поимке мальчишки сам - с некоторым "избыточным

артистизмом", как выразился Эссенс, заодно ликвидировав опасную гангстерскую шайку (хотя этого можно было и не делать).

Заметив изменчивость в поведении шефа и правильно поняв её причины, Блад выбрал верную тактику - молчать и слушать, пока старик не выпустит пар и не успокоится. Вот и сейчас, кажется, буря пошла на убыль...

— Я не сомневаюсь, - произнёс Эссенс уже более спокойным тоном, - что вы, Джейк, сделаете из этого инцидента соответствующие выводы...

— Обязательно, господин Эссенс, - поспешил вставить Блад. - Непременно.

— А мы, - продолжал председатель Совета Попечителей, - тоже сделаем выводы. Я буду настаивать на поголовном имплантировании всем воспитанникам микрочипов-маячков - возможно, с некими... дополнительными функциями. Впрочем...

"... не тебе одному это решать, - мысленно закончил за него начальник службы безопасности Центра. - Ведь неизвестно, как поведут себя эти очень шустрые детишки, когда узнают о том, что им вшили под кожу или куда-то ещё".

— Ладно, Джейк, - закончил Эссенс уже совсем миролюбиво, - с кем не бывает! Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но все меры к поимке этого... как его... Хайка должны быть приняты! И - завтра же вы должны быть в Приюте-семнадцать. Я жду от вас подробностей об этой вашей чародейке Мэй - надеюсь, уж ей-то эти растяпы не позволят сбежать!

Он дребезжаще хихикнул - глаза его при этом оставались по-змеиному холодными и внимательными, - и Джейк Блад тоже позволил себе скупую улыбку.

— Да, мессир, я тоже на это надеюсь.

— Идите, Джейк, - милостиво разрешил Эссенс. - Вы свободны - до утра. Стэрди, милочка, зайдите ко мне - вы мне нужны, - вкрадчиво произнёс он в скрытый микрофон, и Блад услышал хорошо знакомый ему голос.

— Да, господин Эссенс, сейчас

"Господин Эссенс", "мессир", "вы", - со злостью подумал Джейк. - Ничего, скоро мы закончим эту затянувшуюся идиотскую игру. Мумиям положено лежать в роскошных саркофагах, а не вершить судьбами мира!".

Он столкнулся со Стэрди в дверях и обменялся с ней мимолётными взглядами. И в ответ на его взгляд женщина чуть-чуть опустила ресницы, что означало: "Подожди, я скоро освобожусь". За годы совместной работы в Головном Центре - и не одной только работы - начальник службы безопасности этого Центра и телохранитель-секретарь-любовница одного из Правителей очень хорошо научились понимать друг друга - мгновенно.

* * *

— Вкусный ты парень, Джейк! - Стэрди потянулась всем телом, словно сытая кошка, легонько, но чувствительно куснула Блада в шею и уткнулась ему в подбородок. - Умеешь ублажить женщину...

— По-твоему, это мой единственный талант? - отозвался Джейк, прижимая к себе обнажённое горячее тело секретарши.

— Ну-у-у... - игриво протянула та. - Не единственный, конечно, но очень ценный - очень!

— А что, Арчи тебя плохо кормит?

Стэрди заметила оттенок злой ревности в голосе любовника и тут же посерьёзнела.

— Перестань. Роль ревнивого мальчишки тебе не к лицу. Мы все играем в одну игру, и должны соблюдать правила этой игры. А Эссенс - эта старая руина давно уже сидит на допингах, да и то... Чтобы привести его висячую арматуру в мало-мальски боеспособное состояние, требуется затратить немалые усилия. Мне даже...

— Избавь меня от этих интимных подробностей, - оборвал её Блад, и Стэрди щекой почувствовала, как у него на скулах заиграли желваки. - Я с удовольствием своими руками

превращу этот мешок с костями в перемолотую труху, и я дождусь своего часа!

– Извини, милый, - Стэрди успокаивающе провела пальцами по губам Джейка. - Ты знаешь, мне не шестнадцать лет, когда девочки ещё ждут принца на белом коне. Я хорошо знаю законы этого мира, и давно не верю в любовь и прочие глупости. Но с тобой... Ты мне дорог, Джейк, и мы с тобой не просто союзники в борьбе за самый жирный кусок. - Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. - Ты мне веришь?

"Тот, кто тебе поверит, сильно сократит отмерянный ему срок пребывания на земле нашей грешной, - подумал Блад, глядя на свою любовницу. - Я слишком хорошо тебя знаю".

– Верю, - сказал он, отводя с лица Стэрди прядь её светлых волос. - Человеку надо во что-то верить - без этого нельзя.

"Вот и прекрасно, - подумала Стэрди, нежно поглаживая грудь своего любовника. - А верить, дорогой мой, надо только самому себе, и то с некоторой опаской...".

– Я тоже тебе верю, - сказала она. - Мы должны держаться друг друга, Джейк. Эссенс надеется омолодиться при помощи Инкубатора - по крайней мере, профессор Чойс обещал ему эту возможность, - и тогда он...

"Тогда он прежде всего найдёт тебе замену, - подумал Джейк. - Арчи дьявольски умён и хитёр, и он наверняка давно знает о наших с тобой отношениях. Так что тебе придётся держаться за меня, милая".

"Тогда он прежде всего заменит начальника службы безопасности, - подумала Стэрди. - Арчи дьявольски умён и хитёр, и он хорошо знает принцип древних владык - слуг следует периодически менять, пока они не возомнили себя равными господину и не стали опасными. Так что тебе придётся держаться за меня, милый".

Даже сильные хищники-индивидуалисты - особенно если это самец и самка - тянутся друг к другу: трудно выжить в одиночку среди оскаленных клыков и острых когтей других хищников.

...Расстановка сил в мире менялась. Восток стремительно обретал всё больший вес, отрицая ценности западного мира и выдвигая взамен свои собственные, и дряхлеющему Западу приходилось с этим считаться. Уповать исключительно на грубую силу было бы крайне опрометчиво - ядерными бомбами обзаводились всё новые страны, - а испытанному ultimate weapon³ Запада - доллару и евро - Восток противопоставил своё оружие: динар и юань. И - численность населения: разноцветный прилив вздымался, грозя затопить Европу и Америку и смыть обветшавшие постройки цивилизации белой расы. Новый лидер - Китай - всерьёз вознамерился отобрать у Америки пальму первенства на мировой арене; процесс объединения арабских стран в единую сверхдержаву шёл полным ходом. И оставалась ещё непредсказуемая Россия, загадочная, как древний сфинкс - от неё можно было ожидать чего угодно.

Всё это вызывало растущее беспокойство Правителей - достижение великой Цели ставилось под угрозу. Ползучее превращение всей планеты в единый конгломерат структур, по старинке именуемых странами и государствами, а по сути являвшимися всего лишь департаментами одной единой гигантской глобальной сверхкорпорации, затормаживалось. И нарастало инстинктивное - или осознанное? - сопротивление людей целенаправленному, методичному и деловитому превращению их в бездумно жующее и слегка размножающееся стадо. Процесс настройки коллективного сознания человечества на единую волну "ешь, спи, наслаждайся и не думай!" явно давал сбой.

Проект "Печать"⁴ принёс первые осязаемые плоды. Из инкубаторов многочисленных Центров - в том числе и из подземных лабораторий Головного Центра - вышли первые партии вполне дееспособных клонов. Надежды их создателей в какой-то мере оправдались -

³ Ultimate weapon - абсолютное оружие (англ.).

⁴ Роман "Утробный рык Дракона"

штампы оказались идеальными слугами и идеальными солдатами, но... не более того. И тогда Правители, никогда не забывавшие истину: "К вершине можно подняться по разным дорогам", обратили внимание на детей-индиго с их загадочными способностями.

В отличие от заправил Третьего Рейха, замороженных красивым и таинственным словом "магия" и не сумевших выделить рациональное зерно из груды мусора, именуемого "окультизм", Правители подошли к этому вопросу гораздо серьезнее. И неудивительно - в их распоряжении были *истинные* древние знания, сохранявшиеся в течение тысячелетий. Арчибалд Эссенс, и другие мессеры, и даже хайерлинги высшего уровня, подобные Джейку Бладу, знали о существовании эсков, знали об Эксперименте⁵ и догадывались о влиянии Высших на Третью планету системы Жёлтой звезды - Землю. И Правители упорно работали: Цель должна быть достигнута, а как - это уже не столь важно.

Но ещё не добыв зверя, они уже делили его шкуру: внутри предельно закрытого круга Правителей складывались две соперничающие группировки и точили ножи друг на друга, готовясь схлестнуться в беспощадной грызне за власть над всей планетой, за высшую власть - которой ещё надо было добиться. Адепты пентаграммы и адепты гексаграммы - слуги Дракона и слуги Демона - до поры до времени шли в одной упряжке, улыбались друг другу, пожимали друг другу руки, строили стратегические планы, при этом заранее прикидывая, как ловчее перегрызть глотку соратнику-сопернику, когда наступит время обнажать клыки.

...Ненасытная Стэрди своим по-змеиному гибким телом оплела Джейка, вновь требуя любви. И Блад охотно отозвался на её ласки - понимая холодным умом всю опасность этой женщины, он тем не менее не мог не реагировать на неё как мужчина. Их толкнули друг к другу не только трезвый расчёт, но и тёмная древняя страсть, пьянящим зельем вскипающая в крови.

Сигнал коммуникатора показался обоим ведром холодной воды.

Джейк чертыхнулся и разжал объятья. Встав с развороченного ложа, он подошёл к терминалу - такими устройствами были оборудованы комнаты всех обитателей Головного Центра, имеющих соответствующий статус. Этот вызов пришёл крайне не вовремя - это подтверждала бунтующая и готовая к бою мужская плоть Блада, - однако сигнал поступил по личному экстренному каналу: по единственному каналу, который оставался активным. Все прочие линии начальник службы безопасности, используя свою статусную привилегию, заблокировал, как только к нему пришла Стэрди.

— Да, - ответил он, гася раздражение, активируя визуализацию и поднося к уху миниатюрный приёмник. - Слушаю.

Одновременно Блад прикрыл украшенное обнажённой секретаршей Эссенса ложе экранным полем. Вряд ли, конечно, их отношения были для всех абсолютной тайной - Головной Центр слишком прозрачен, - однако лишняя предосторожность никогда не бывает лишней.

В не меньшей степени раздосадованная Стэрди, приподнявшись на локте среди смятых простыней, внимательно следила за лицом своего любовника. Она не видела изображения на дисплее - экран стоял боком к ложу, но ей достаточно было видеть самого Джейка. Блад великолепно владел собой, но Стэрди успела изучить его не хуже, чем Джейк изучил её саму. И "роскошная смерть", как прозвали телохранительницу Эссенса, поняла - по выражению глаз начальника службы безопасности, неуловимо менявшемуся по мере того, как он получал информацию, - случилось что-то очень серьёзное. Дополнительное подтверждение этому предположению она получила, переведя взгляд с лица Блада на низ его живота - Джейку уже явно было не до сексуальных утех.

— Что там, Джейк?

— Похоже, эта война, - глухо ответил Блад, выключая приём.

— Война? Кого с кем? Эти непримиримые восточные фанатики всё-таки сыграли нам на

⁵ Роман "Вкрадчивый шёпот Демона"

руку и ракеты взлетели? - в голосе женщины беспокойства было не больше, словно речь шла о перелёте птиц - такой вариант просчитывался, и неоднократно. - Или...

— Или. - Блад криво усмехнулся. - Настолько "или", что... Думаю, такого не ожидал никто, даже наш многомудрый Арчи!

Стэрди только вопросительно подняла бровь. Прямых вопросов не требовалось - она была уверена, что Джейк и сам всё расскажет, - они же всё-таки соратники, а не только любовники. И Стэрди не ошиблась.

— Приют-семнадцать атакован. Сегодня ночью - примерно час назад. Неизвестными, - объяснил Блад рублеными фразами. - Здание разрушено и сожжено. Персонал уничтожен. Поголовно. Чудом спасся один из воспитателей, который и вышел на связь после того, как вертолёты нападавших улетели.

— Вертолёты?

— Да. Они использовали их только как транспорт, не как средство нападения. На этих вертолётах эти наши неизвестные противники вывезли воспитанников Приюта. Всех. Во всяком случае, среди погибших нет ни одного ребёнка. И ещё одно - таинственные ночные гости применили неведомое нам оружие. Детали неясны, но, похоже, в ход пошла боевая магия. Какая радость для мессира Эссенса - зримое подтверждение его предположений о невероятных возможностях индиго! - Джейк хищно оскалился, но тут же убрал свою волчью гримасу, вновь становясь непроницаемо-бесстрастным. - Наше свидание, милая, придётся прервать - я лечу туда. - И начальник службы безопасности Головного Центра опустил пальцы на сенсорную панель управления терминала, собранный - словно уже одетый в полное боевое снаряжение, а не голый и ещё не остывший от любовной горячки, - и готовый отдать нужные распоряжения.

* * *

Экстренное совещание было созвано этим же вечером, сразу по возвращении Блада с руин Приюта. Заседание было расширенным - присутствовали не только одни Правители-мессеры (они же Попечители), но и некоторые высшие хайерлинги. Впрочем, в последнее время грань между ними несколько стёрлась - Восток всё ошутимее уповал на старый добрый меч, нежели на хитросплетения биржевых махинаций и на экономические валютные рычаги, а хайерлинги, в большинстве своём бывшие (и настоящие) представители военной элиты с этим привычным для них инструментом управлялись куда более сноровисто, чем финансисты типа Эссенса или покойного Хоррорса. Кроме того, предполагалось заслушать хайерлинга Джейка Блада, вернувшегося с места ночной атаки неведомых врагов, - заслушать лично, во избежание нежелательных искажений, неизбежно возникающих при передаче информации через вторые руки.

— Мы готовы вас выслушать, - нарочито медленно и спокойно произнёс Арчибалд Эссенс, обращаясь к почтительно ожидавшему начальнику службы безопасности, как только все собрались и ритуальные пять минут ожидания истекли.

Джейк пружинисто встал и окинул взглядом собравшихся. Он знал этих людей, знал уже долгие годы, и знал их вес и роль - каждого из них. Блад был уверен, что по своей значимости (не говоря уже о сосредоточенных в его руках возможностях) он превосходит добрую половину мессиров, и не сомневался - стоит ему захотеть, многие из них не доживут даже до завтрашнего утра. Однако ситуация была очень серьёзной, и поэтому перерезание глоток конкурентам не являлось первоочередной задачей. С этим можно было обождать - не слишком долго, но обождать.

Мягко засветился огромный - во всю стену - дисплей, и, повинаясь движениям пальцев Блада, на нём появились, сменяя одна другую, яркие цветные картинки - очень впечатляющие картинки.

...Внешний двор Приют-семнадцать, вылизанный огнём. Обломки припаркованных там автомобилей были размётаны и отброшены в стороны, к ограде и к закопчённым стенам

здания - нападавшие расчищали посадочную площадку для вертолётов.

– Обратите внимание, - комментировал Блад, - на характер расположения обломков. Они сдвинуты непонятно как - на покрытии перед зданием нет следов ни колёс, ни гусениц. Десятки машин словно сметены вихрем - причём вихрем огненным. С точки зрения целесообразности не было никакой необходимости жечь все эти автомашины - чтобы освободить место для посадки вертолётов, достаточно было бы просто сдвинуть их тяжёлым грузовиком или бульдозером. А вместо этого... Такое ощущение, что здесь поработал смерч из пламени: разбросал машины, а заодно сжёг их. Ни один вид известного нам оружия так не действует - во дворе нет даже намёка на воронку, как нет и других следов взрыва. Данные анализов взятых здесь проб также не свидетельствуют о применении каких-либо взрывчатых веществ.

Далее, - продолжал он, и на экране возникло изображение входной двери - вернее, того, что от неё осталось, - такой эффект мог бы произвести мощный кумулятивный заряд, но, - Блад выдержал многозначительную паузу, -...микрочастиц ВВ не обнаружено. Такое впечатление, что в дверь Приюта ударил сноп огня - точнее, чистой энергии неизвестного происхождения. Избыточный радиоактивный фон отсутствует, значит, источником этой энергии не мог быть атомный взрыв сверхмалой мощности.

По залу-кабинету пронёсся лёгкий шорох - кого-то из Правителей явно проняло.

– А боевой лазер? - пожевал губами Эссенс. - Скажем, с ядерной накачкой?

"Ты ещё про вакуумную бомбу спроси!" - с иронией подумал докладчик, но пояснил безукоризненно вежливо.

– Лазер прямого действия подобной мощности потребовал бы транспортного средства таких габаритов и веса, что оно просто увязло бы в асфальте, как в болоте, не говоря уже о невозможности незаметного передвижения такой машины по городу. А накачка - мне - нам, - добавил он, имея в виду военных, - неизвестны реально действующие боевые системы: ни наши, ни восточные, ни русские. Но даже если это устройство у кого-то имеется, налицо логическое противоречие - использовать сверхсекретное оружие для взлома двери элитного пансиона так же нелепо, как, - Джейк замолчал, подыскивая сравнение, - как применять отбойный молоток против мух.

– Приют - это далеко не простой пансион, и нападавшие, похоже, знали об этом, - заметил один из присутствующих мессиров.

– Согласен с вами, - Блад вежливо кивнул. - И тем не менее, ни один из известных нам типов оружия в данном случае не применялся - в этом я абсолютно уверен.

– Тогда что же это было? - вкрадчиво осведомился Эссенс, и глаза его за стёклами очков блеснули.

– По гипотезе научных экспертов, - пожал плечами Джейк, - огромное количество энергии было высосано прямо из окружающего пространства и каким-то образом собрано в ударный луч. Луч разнёс дверь, а затем энергия рассеялась.

– Хм-м-м... - пробормотал кто-то. - Но ведь это...

– Совершенно верно, - подхватил Блад. - Это *магия*. Боевая магия.

Начальник службы безопасности Головного Центра знал, что говорил, и кому. Его слова были восприняты с предельной серьёзностью - люди, назвавшиеся Попечителями Приютов для детей-индиго и знавшие о существовании эсков, отнюдь не считали термин "магия" чисто сказочным атрибутом, хоть и предпочитали более научнообразное выражение "паранормальные способности".

Картина на экране сменилась. Перед глазами собравшихся появились развороченные внутренности Приюта - закопченные потолки, проломленные стены, лестницы с выбитыми ступеньками. И - трупы.

– Характер ранений у погибших также нетипичен, - на экране появился труп одного из охранников, заснятый в разных ракурсах. - Это не следы от пуль - броня проплавлена. А лазер, - Блад бросил быстрый взгляд на нахохлившегося Эссенса, - этот вариант мы уже рассматривали и отвергли. Кроме того, часть обнаруженных тел сожжена - полностью или

частично, - причём не во время начавшегося в Приюте пожара, а раньше, во время самой атаки. Вывод - внутри здания применялось то же энергетическое оружие, назовём его так, что и снаружи.

- Имеются ли фотографии хоть кого-нибудь из нападавших? Кто они такие, в конце концов, и за каким чёртом они всё это затеяли? - не выдержал мессир из числа стариков.

- Из этих трёх вопросов я могу ответить только на первый. - Блад был по-прежнему отменно вежлив, однако Стэрди (она тоже присутствовала здесь в силу своего статуса "приближённой к одному из наиболее весомых Правителей" - так это теперь называлось) тут же заметила тень иронии в голосе своего любовника. - Да, фотографии нападавших имеются - правда, их меньше, чем хотелось бы, и качество оставляет желать лучшего. Дело в том, что эти "ночные призраки" прицельно расстреляли всю внутреннюю видеосистему и уничтожили сервер - мы получили только те снимки, которые сразу же были отправлены в Центр через Сеть. А это всё, - он кивнул в сторону экрана, - снималось уже после нападения, в ходе расследования на месте событий.

Когда на экране замелькали упомянутые фотографии, всем стало ясно, почему Блад назвал нападавших "ночными призраками". Снимки были размытыми и нечёткими, словно атаковавшие Приют двигались с невероятной быстротой или ставили специальные помехи - а может быть, то и другое вместе. Более-менее удачной получилась лишь одна фотография.

На ней была изображена вполоборота женщина в тёмной одежде со вскинутой рукой. А вместо её пальцев виднелось яркое пятно, словно женщина держала на ладони клубок огня.

- Это единственный удачный снимок, - сказал Блад с оттенком торжественности, - зато уникальный! На нём можно разобрать не только черты лица этой дамы, но и - видите это пятно? - оружие нападавших в процессе его применения.

Джейк уже рассматривал эту фотографию, и рассматривал очень внимательно, обрабатывая снимок на компьютере. И он разглядел куда больше того, что сказал сейчас слушавшим его мессирам и хайерлингам. Он разглядел яростный блеск глаз незнакомки и содрогнулся, представив себе, каким был этот блеск не на мёртвом изображении, а вживую. "Да, Стэрди далеко до этой ведьмы, - подумал он тогда. - Если она "роскошная смерть", то эта ведьма - смерть воплощённая. Не хотел бы я встретиться с этой красоткой лицом к лицу и поймать пригоршню колдовского огня, которым наполнена её ладонь...". А ещё Блад разглядел странное ожерелье (или браслет?) на шее женщины на фото - змею, свернувшуюся в кольцо и чуть приподнявшую голову. И у начальника службы безопасности Головного Центра появилось странное ощущение, переходящее в уверенность - с этой змеей он ещё встретится.

Именно поэтому Джейк Блад не стал детально останавливаться на описании снимка "ночной ведьмы" - если кто заинтересуется, то всегда сможет изучить это фото поподробнее (конечно, если статус позволит). За десятилетия совместной работы с мессиром Эссенсом, в корне перевернувшие все представления Блада об окружающем мире, Джейк стал несколько суеверным - *разумно* суеверным.

- А вот я, - раздался вдруг скрипучий голос Эссенса, - могу ответить и на остальные вопросы. Или хотя бы попытаюсь это сделать...

"Мумия решила показать всем, что она всё ещё кое-что значит?" - подумал Джейк Блад и осёкся, уловившись о пронзительные глаза-буравчики мессира.

"Кое-какие выводы ты сделал правильно, малыш, - подумал Арчибалд Эссенс, глядя на смутившего хайерлинга. - Очевидные выводы - те, которые напрашивались. Вот только настоящих выводов ты делать ещё не умеешь - не дорос, да, не дорос. Моя похотливая стерва с вожделением смотрит тебе в штаны, - Эссенс покосился на застывшую справа от него Стэрди, - но всё-таки ты всего-навсего хайерлинг, а я - я мессир!"

- Я отвечу вам, - Эссенс чуть кивнул Правителю, задавшему трёхступенчатый вопрос. - Нападавшие - такие же индиго, как и воспитанники Приюта, только подросшие и... м-м-м... вошедшие в силу. А зачем они это сделали - это яснее ясного: им нужны были дети - новобранцы, так сказать. Поясню, - добавил мессир, заметив недоумение в глазах доброй

половины присутствующих.

– "Ночные призраки" владеют магией - это наиболее разумное объяснение и характера разрушений, и вида ран на телах погибших, и невероятной быстроты движений нападавших, и того факта, что вертолёты - сколько их, кстати, было, Джейк?

– Четыре, - ответил тот, испытывая под взглядом мессира острое желание встать по стойке "смирно", - судя по следам во дворе и по показаниям спасшегося воспитателя.

– И того факта, что четыре вертолёт пролетели над городом незамеченными, - голос Эссенса звучал бесцветно, но все без исключения чувствовали силу и энергию этого старого и внешне дряхлого человека. - Напомню уважаемому собранию, что незадолго перед нападением из Приюта сбежал один мальчишка, и он тоже был невидим - очень похоже, не правда ли?

– А не связано ли само нападение с этим побегом? - осмелился задать вопрос один из хайерлингов.

– Возможно, - согласился Эссенс, - хотя и маловероятно. Однако я попрошу меня не перебивать.

Нарушитель этикета пристыжено сник, а мессир невозмутимо продолжал:

– Целью атаки был захват детей-индиго - хотя сами нападавшие, вероятно, считали этот акт освобождением. Все вы прекрасно знаете, что по проекту "Индиго" в наши Приюты мы собирали детей из разных стран, со всей Земли - любыми доступными методами. Так вот, ещё несколько лет назад мы обратили внимание на незримое, но упорное и неплохо организованное сопротивление этим нашим действиям. В частности, отмечались случаи, когда выбранные нами дети исчезали до того, как мы их забирали - исчезали бесследно.

"А ведь верно! - с досадой подумал Блад. - Как я мог забыть об этом?"

– Обыватель реагирует на детей, наделённых паранормальными способностями, по-разному, - продолжил Эссенс, - и восхищение всё чаще уступает место животному страху перед этими детьми. Уже неоднократно были отмечены случаи насильственных действий по отношению к индиго, и даже имеются жертвы. Это тлеющий огонь, - голос мессира окреп и обрёл металлический оттенок, - который может обернуться большим пожаром. И атака на Приют - первая вспышка этого пожара. Наиболее разумное объяснение всему случившемуся - я имею в виду ночное нападение - индиго консолидируются. Они ощутили себя силой, способной не только защитить, но и... Вы меня понимаете?

Да, его понимали - очень хорошо понимали. Все социальные аспекты феномена детей-индиго - в том числе и реакция толпы - тщательно изучались социопсихологами. И выводы были малоутешительными - вероятность негативной реакции общества на таких детей (равно как и возможность "адекватного ответа" со стороны самих индиго) считалась очень высокой.

– Кажется, наши высоколбы не ошиблись, - буркнул один из Правителей, и на это раз Эссенс не стал делать замечание. - Если это действительно так, то справиться с этими живыми огнёмётами-невидимками будет совсем не просто.

– Какое там справиться! - раздражённо вмешался другой мессир. - Они ведь должны были стать нашим оружием, а вы что, предлагаете теперь это оружие ломать? С ними надо вступить в переговоры!

– Для этого этих "ночных призраков" сначала надо найти, - возразил первый. - А это задача не такая простая, как вам кажется. Индиго-повстанцы - с их-то способностями! - могут прятаться где угодно!

Разгорался спор, и Эссенс счёл необходимым вмешаться.

– Позвольте мне закончить, господа, - произнёс он, и дискуссия тут же прекратилась. - Прежде чем кидаться туда, не знаю куда, нужно рассмотреть все возможные варианты. Почему вы считаете, что идея использовать детей-индиго в своих целях не могла придти в голову нашим восточным противникам? Например, нам известно, что на Тибете не первый год работают так называемые школы, очень напоминающие наши Приюты. Китай бережно относится к древним знаниям, и с них станется развернуть подготовку воинов-индиго в широких масштабах. Что если атака на Приют-семнадцать - это дело рук не гипотетических

инсургентов-индиго, вздумавших жить своим умом, а спецоперация наших традиционных противников?

"Вот же сволочь! - восхитился Блад. - Сначала вбил всем в головы мысль о восстании индиго, а теперь уводит в сторону, смещая акцент на происки врагов с Востока! А что у него на уме на самом деле, знает, наверно, только сам сатана - или Стэрди. Надо будет поговорить с ней..."

— Итак, - резюмировал Эссенс. - Подведём черту. Первое - на Приют семнадцать напали люди, наделённые паранормальными способностями. Во всяком случае, - он кивнул на экран, где застыло изображение женщины в чёрном, - это живой человек, а не робот и не шестирукий инопланетянин. Вывод - оборону всех наших Приютов следует усилить, исходя именно из этой предпосылки. Индиго-бойцы пройдут невредимыми по минным полям, и поэтому экранные генераторы электромагнитного поля должны теперь работать на внешний контур зданий постоянно. Энергии для этого жалеть не будем, - добавил мессир, и один из хайерлингов тут же сделал пометку в своём наладоннике.

— Второе. Вариант превентивного ядерного удара по Тибету рассмотрению не подлежит, - Эссенс пренебрежительно скривил губы, - ввиду его полной бредовости. Вместо этого, - он посмотрел на Блада, - мы проведём прощупывание этого района всеми техническими и нетехническими методами. Мы должны знать, что там происходит - это чрезвычайно важно.

Третье. Все идентификационные приметы похищенных из Приюта-семнадцать детей - включая скан-портреты аур - должны быть в распоряжении поисковых групп. Искать, искать и ещё раз искать - я не верю, что найти их невозможно. Взять под наблюдение родителей этих детей - вдруг кому-то из индиго взбредёт в голову навестить отчий дом.

Четвёртое. Все годные к боевым действиям отряды солдат-клонов держать в полной боевой готовности - постоянно. Полагаю, они не почувствуют от этого чересчур большого дискомфорта.

"Да уж, - подумал Джейк. - По своим боевым качествам эти штампы не превосходят хорошо тренированных спецназовцев, зато увольнение им не нужны, и к девкам их не тянет - этого у детишек профессора Чойса не отнять".

Возле кресла Эссенса бесшумной тенью возник хайерлинг второго ранга - Стэрди тут же подобралась, словно сторожевая собака, - и молча положил перед ним листок бумаги.

— Ну вот, - сообщил Эссенс, пробежав глазами текст, - первое сообщение. Четыре вертолётки найдены в ста милях от города. Машины пусты, хотя горючего в баках осталось ещё достаточно. Значит, наши "ночные призраки" не в состоянии экранироваться от радаров и от визуального обнаружения бесконечно долго. Их возможности ограничены, и это вселяет оптимизм. Я закончил, и готов выслушать соображения любого из присутствующих.

* * *

Час спустя Джейк Блад стоял перед Арчибальдом Эссенсом в так хорошо знакомом хайерлингу кабинете мессира.

— Я не сказал ещё кое о чём, Джейк, - сообщил Эссенс, поглаживая свой перстень с гексаграммой. - В задачке, которую задало нам ночное нападение, много неизвестных, что усложняет её решение. Я доверяю вам, Джейк, и хотел бы кое-что обсудить с глазу на глаз. Наша милая Стэрди не в счёт - она ведь давно стала *нашей*, - мессир подчеркнул это слово, - неотделимой частью.

— Благодарю вас, господин Эссенс, - произнёс Блад, внутренне холодея. "Неужели знает? Наверняка... Впрочем, Арчи достаточно умен, чтобы придавать значение подобным мелочам - подумаешь, его секретарша спит с его избранным хайерлингом! Делов-то... Хуже, если "мумия" догадывается о замыслах этого хайерлинга..."

— Поиски индиго, - продолжал между тем Эссенс, - что детей, что взрослых, - окажутся не таким простым делом. Я в этом уверен. Говоря языком древних, они умеют отводить глаза

- давайте называть вещи своими именами, без этих научных экивоков вроде "паранормальных способностей". Нам нужны детекторы энергетических возмущений, сопровождающих магические действия. Разработка подобных устройств ведётся здесь, в Головном Центре - полагаю, "ночным призракам" будет затруднительно проникнуть в его подземелья. Первые образцы громоздки и ненадёжны, но это лучше, чем ничего. Мне нужен от вас перечень групп, которые вы намерены отправить на поиски, а также районы страны, подлежащие прочесыванию в первую очередь. Мы согласуем с вами этот список, и вы получите эти детекторы. Мне бы также хотелось, чтобы доступ к этой аппаратуре получили только самые проверенные и надёжные люди.

"А разве таковые существуют? - подумал Блад. - Люди - они люди и есть. Пожалуй, доверять можно только штампам - по той простой причине, что им ничего не нужно, и они ни к чему не стремятся".

- И ещё одно, - Эссенс помедлил, словно решая, говорить или нет. - Кроме Тибета, есть ещё одно подозрительное место, и находится оно гораздо ближе. Вот этим-то районом вы и займётесь - лично! - после того, как будет запущена тибетская операция. Это Анды - в Колумбии. Есть информация, что там в предгорьях обосновалось одно подозрительное сообщество.

- Кажется, я догадываюсь, - медленно проговорил Блад. - Речь идёт об окрестностях Пуэбло-дель-Рио, этого нового Лас-Вегаса?

- Вы прекрасно информированы, Джейк, - как всегда. За что вас и ценю... - Эссенс произнёс эти слова со странной интонацией, словно желая добавить "А иначе...", и Блад снова ощутил неприятный холодок вдоль хребта. - Именно об этих местах и идёт речь, и туда вы отправитесь.

- Надолго?

- Вы будете находиться там до тех пор, пока не будет достигнут желаемый результат, - уклончиво пояснил мессир. - Дополнительные инструкции - это позже, перед вылетом. Обстановка меняется очень быстро, и невозможно всё предусмотреть заранее. Придётся импровизировать, Джейк. А с текущими делами справятся и ваши заместители.

"Так вот оно что! Ты просто желаешь засунуть меня в эту латиноамериканскую дыру, кишашую бандитами всех мастей, в надежде на то, что я там непременно сверну себе шею! Хотя нет, если бы ты решил покончить со мной, у тебя есть для этого масса других, куда менее экзотических способов. Ты что-то задумал, старый лис Арчи... И в этих предгорьях действительно существуют какие-то секты - вроде бы адепты древних индейских религий" - все эти мысли вихрем пронеслись в голове хайерлинга, никак не отразившись на его лице. Он ждал, что ещё скажет ему Правитель. И дождался.

- Постарайтесь подготовить списки поисковых групп и закончить подготовительный этап тибетской операции в самые сжатые сроки. Можете привлекать любых специалистов из любых государственных силовых структур - я с ними свяжусь. Не мне вас учить, Джейк, - это ваша стихия, здесь вы как рыба в воде и... как герой-любовник в постели знойной красотики. Только не тяните! Помните, Южная Америка - это очень важно. Может быть, именно там мы найдём ключ к взаимопониманию с людьми-индиго - даже с самыми непримиримыми.

"Пора прервать ваш затянувшийся медовый месяц со Стэрди, - подумал Эссенс, - надо дать девочке шанс одуматься. А не одумается - ну что ж, каждый выбирает сам. А когда ты вернёшься, малыш, - если ты вернёшься, - я подготовлю тебе небольшой сюрприз. Нет, ты вернёшься, и никаких "если"! Зря я, что ли, готовил свой сюрприз? Да и работник ты ценный - надо лишь выбить из твоей головы разные дурацкие мысли о верховной власти. Каждому сверчку свой шесток - так, кажется?".

"Значит, ты решил убрать меня подальше от Центра и... от Стэрди, - подумал Блад. - Ничего, Арчи, я вернусь сюда куда быстрее, чем ты ожидаешь. И тогда мы с тобой расставим все точки над "и".

"Кажется, они вот-вот вцепятся друг другу в глотки, - подумала Стэрди, слушая

разговор мессира и хайерлинга из соседней комнаты через систему наблюдения. - Ну что, ставим на победителя, крошка? Хотя я предпочла бы видеть победителем Джейка. Как вспомнишь дряблое тело и пергаментную кожу Арчи - бр-р-р... А Джейк... Наверно, такими были древние завоеватели, шагавшие к трону по лужам крови, - мужчинами и воинами".

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. АЛАН

Хайк проснулся, когда солнце было уже высоко. Вообще-то он не собирался спать: забравшись в один из контейнеров, показавшийся ему чем-то привлекательнее других, Хайк хотел перевести дух и прикинуть, что же делать дальше. Контейнер оказался необитаемым, и надежда разжиться за чужой счёт едой улетучилась. Надо было идти на окраину и в какой-нибудь продуктовой лавке по отработанной во время походов с Трубогибом методике приобрести за один пристальный взгляд аппетитный кусок ветчины - почему-то Хайку хотелось именно ветчины, а не чего-то другого. Мальчик решил только передохнуть пару минут и собраться с мыслями, но когда он опустился на ворох относительно чистого тряпья, наваленного в углу контейнера (вероятно, одним из временных обитателей этого ржавого ящика), то незаметно провалился в глубокий сон - сказала усталость и напряжение прошедших суток.

Солнце разогрело металлические стенки контейнера, но проснулся Хайк не от жары, а от ощущения чужого присутствия. Рядом с ним был кто-то ещё - об этом Хайку сообщил безошибочный инстинкт уроженца Трущобы, помноженный на чутьё мальчика-индиги.

Даже не открывая глаз, Хайк почувствовал чей-то взгляд, но не враждебный, а скорее заинтересованный, причём интерес этот имел дружелюбный оттенок. Однако привыкший не верить никому и ничему (да ещё после того, что случилось всего несколько часов назад среди мусорных куч свалки), Волчонок счёл за лучшее не показывать, что уже не спит, пока его тело и сознание не будут готовы к немедленному убийственному броску. На него не напали во сне, но это ещё ни о чём не говорит.

— Доброе утро, - услышал он. - Пора вставать.

Хайк открыл глаза.

У противоположной стенки, опершись на неё спиной, сидел сухопарый мужчина в джинсах, клетчатой рубашке и лёгкой синтетической куртке; рядом с ним стояла спортивная сумка. Сколько ему лет, сказать было трудно - светлые волосы скрывали седину, морщины на загорелом лице не слишком бросались в глаза, а тёмные глаза блестели по-молодому. Тем не менее было ясно, что он годится Хайку по крайней мере в отцы, если не в деды.

— Доброе утро, - повторил незнакомец. - Есть хочешь?

Хайк сел, разглядывая незнакомца. Внешне ничего особенного - так одеваются многие обитатели Трущобы. Разве что одежда гостя была чистой - не похоже, что этот тип ночует по подвалам.

— Не бойся, - сказал мужчина. - Я не собираюсь...

— Бояться надо тебе, - оборвал его Хайк. - Если ты только попробуешь...

Волчонок провоцировал незнакомца - любой взрослый мужчина в такой ситуации, услышав подобное наглое заявление от сопляка, тут же возмутится. Вот тогда и можно будет узнать, что у него на уме...

Однако гость только улыбнулся - улыбка его была открытой и доброй - и расстегнул молнию на сумке. Хайк тут же подобрался - а вдруг в сумке оружие? - но мужчина не стал запускать внутрь руку. Вместо этого он придвинул сумку к мальчику и сказал:

— Там сэндвичи с ветчиной и "кока-кола" - пиво, я так считаю, тебе пить ещё рановато.

"Откуда он знает, что я хотел именно ветчины?" - удивился Хайк, но решил отложить разрешение этой загадки на потом. Он решительно залез в сумку и извлёк оттуда пакет с бутербродами и большую пластиковую бутылку. "Что за доброхот такой? - думал Волчонок, вцепившись зубами в сэндвич, но не прекращая исподволь следить за незнакомцем. - Может, он из тех, кто подкармливает бродячих собак и кошек - а заодно и бездомных мальчишек? И

всё-таки, что ему от меня надо? С чего это он такой ласковый?"

— Я искал тебя, - спокойно произнёс мужчина. - Да, да, не удивляйся - именно тебя. И нашёл. Наверно, нам с тобой стоит познакомиться? Меня зовут Алан, но ты можешь звать меня Стариком. Мне много лет, - он чуть усмехнулся, - очень много, так что Старик - это и имя, и точное определение.

— Кто ты... гхм... кто ты такой? - в упор спросил Хайк, проглотив кусок ветчины и сделав жадный глоток. - И что тебе от меня надо?

— Я Старик, - ответил Алан, не меня интонации. - А надо... Ещё неизвестно кому из нас больше надо от другого.

— Знаешь, Старик, - Хайк поставил бутылку с "кока-колой" на пол и отодвинул сумку, - мне сейчас не очень хочется разгадывать загадки. Говори, что тебе надо, или убирайся отсюда - это моё место!

— Ты не очень вежлив, мальчик, - глаза Алана подёрнулись лёгкой дымкой грусти. - Я тебя накормил, а ты вместо "спасибо"... Наверно, у тебя есть основания скалиться на людей, но ведь не все же они одинаковы? Разве не так?

Хайк ощутил что-то похожее на стыд - действительно, этот человек не сделал ему ничего плохого (кроме хорошего), а он...

— Меня зовут Хайк, - буркнул Волчонок.

— И ты сбежал из Приюта - из того самого, что сейчас догорает. Хотя нет, пожар там уже потушили, - Алан наклонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то.

— Откуда ты знаешь? - глаза Хайка зло сверкнули. - Учти, если ты собираешься...

— Тихо, тихо, - Старик успокаивающе поднял ладонь. - Я не учёл, что ты сейчас готов кинуться на кого угодно. Успокойся, Хайк, я вовсе не собираюсь возвращать тебя в Приют - я пришёл тебе помочь.

— Помочь? Мне?

— Да, - подтвердил Алан и, видя недоверие в глазах Хайка, добавил. - Подожди, я всё тебе расскажу.

Ты индиго - из тех, кого называют "детьми с паранормальными способностями". А я - я тоже индиго, только, - он снова улыбнулся, - давно уже не ребёнок. Правда, в моё время и термина-то такого - "дети-индиго" - не было и в помине.

— А дети-индиго, значит, были? - недоверчиво спросил Хайк.

— Они были всегда - просто сейчас их стало гораздо больше. Наступает новое время, а новому времени нужны новые люди. Жаль, что мой брат не дожил до этого времени...

— Брат? А при чём здесь...

— Брат-близнец. Но вопросы потом, иначе мы засидимся здесь до темноты, а это будет не очень разумно.

— Боишься трущобников?

— Я мало кого боюсь, - спокойно ответил Старик. - Разве что очень глупых людей, не понимающих, что творят. А таких, к сожалению, очень много... Но мы отвлеклись. Так вот, мы с братом рано поняли, что способны на многое - на очень многое. Не перебивай меня, пожалуйста. - Он чуть поморщился, заметив, что Хайк снова порывается задать вопрос.

— Мы учились много лет - учились понимать, на что же мы способны, и учились применять свои способности. А потом, - Алан тяжело вздохнул, - наши дороги разошлись. Брат был и оставался мечтателем, верящим, что все люди добрые, и что им надо просто помочь это понять. А я - я понял, что мы с ним опередили своё время, и что это время сотрёт нас в порошок, если мы попытаемся пойти наперекор. Так оно и вышло... Брат обратился к кому-то из сильных мира сего с просьбой помочь - он хотел растить новых людей из детей со способностями к магии.

— И ему помогли? - не удержался от вопроса Хайк.

— Нет, - сухо уронил Старик, и на лбу у него пролегла горькая складка. - Его убили - убили, как только поняли, чем грозит нынешнему порядку вещей появление новых людей, способных существовать вне экономических рамок общества, гордо именующего себя

"цивилизованным".⁶

– Ты отомстил? Как?

– Нет, Хайк, - Алан покачал головой, - я не отомстил. Хотя, наверно, мог бы. Я стал ждать - и я дождался. Дождался появления тебя, Хайк, и других детей, которые наконец-то станут, - глаза Старика блеснули, - новыми людьми! Время пришло!

– И теперь ты отомстишь? - Волчонок, несмотря на свой присущий индиго высокий интеллект, оставался выкорышом Трущобы с её непреложным законом "око за око".

– Мсть - это не главное Хайк, - заметил Алан. - Жизнь - это куда важнее. В каждом человеке живёт змея, состоящая из зависти, жадности и злобы. И если эта змея берёт верх над человеческой сущностью, человек перестаёт быть человеком. И мсть - это тоже корм для этой змеи.

– Это что же получается, - не выдержал Хайк, - подставь щёку, если тебя бьют? Так учат пасторы, но вот там, - он махнул рукой в сторону свалки, - не проживёшь и дня, если будешь выполнять это правило!

– Можно и нужно отвечать ударом на удар, - глаза Старика посуровели, - но нельзя умножать зло. Змея прожорлива, и слишком часто люди не замечают, как становятся для неё просто кормом. И мы... - тут он вдруг осёкся и замолчал, прислушиваясь. - Нет, показалось. Однако на философские темы мы с тобой ещё побеседуем - сейчас для этого не время и не место. Скажу главное: я умею отслеживать магические действия - конечно, в ограниченном диапазоне. Так я и заметил тебя - ещё до того, как ты оказался в Приюте. Меня опередили - те, подобные которым убили моего брата. И вы, индиго, нужны этим людям. Зачем? Вряд ли для того, чтобы обеспечить голодных бесплатным хлебом. Ты сбежал, и тебя ищут. Правда, после того, что случилось этой ночью в Приюте, у них хватает и других забот.

– А что там случилось? Я видел огонь и дым.

– Приют навестили взрослые индиго - истинные ньюмены, как они себя называют. Вот они-то как раз не размышляют, подставить или не подставить другую щёку - они всегда стараются бить первыми, - Алан заметно помрачнел и хотел сказать что-то ещё, но Хайк его уже не слушал.

– Мне надо идти, - заявил он, вставая. - Спасибо тебе за еду, а твой интересный рассказ я дослушаю как-нибудь в другой раз.

– И далеко ты собрался? - поинтересовался Старик, не меняя позы.

– В Приют. Там осталась Мэй, и я должен...

– Ты должен слушаться меня! - перебил его Алан. - Никого в Приюте нет - я имею в виду детей. Конечно, если ты горишь желанием встретиться с солдатами, и ещё раз испытать на себе, как подействует на твоё сознание направленное электромагнитное поле высокой напряжённости или что такое усыпляющая стрелка, тогда иди. Нет, Хайк, никуда ты не пойдёшь - даже не думай. Я тебя не пущу.

– Думаешь, сможешь меня остановить? - глаза мальчика сощурились, а верхняя губа дрогнула. - Попробуй...

– Сядь и успокойся! - осадил его Алан, не делая попытки встать. - Мне известно, что ты натворил ночью на свалке - это было очень... шумно, так скажем. Я засёк тебя именно по энергосбросу, которым ты поджарил тех бедолаг на свалке. Сначала-то я обратил внимание на магическую сумятицу вокруг Приюта и поспешил туда, но вовремя сообразил, что с двумя дюжинами ньюменов мне не справиться. А вот с тобой - с тобой я справлюсь без труда, если ты будешь настолько глуп, что...

Он не договорил. С пальцев Хайка сорвалась полоса огня, плеснула Алану в лицо и... бессильно угасла, не причинив Старика никакого вреда. А самого Хайка отбросило назад, чувствительно припечатав спиной о стенку контейнера.

– Сядь и успокойся, - повторил Алан. - Я сильнее тебя, но я тебе не враг. Не стоит

⁶ Роман "Вкрадчивый шёпот Демона"

делать глупости. Ты ничем не поможешь своей подружке Мэй, если снова окажешься в лапах Попечителей - убежать во второй раз они тебе не дадут, можешь не сомневаться.

— А почему ты тогда не с этими, с ньюменами? - прохрипел Хайк, морщась от боли в ушибленной спине. - Ведь они такие же, как ты?

— Взгляды у нас несколько... разные, - уклончиво объяснил Старик. - Значит, так: ты будешь слушаться меня, Хайк. Я не собираюсь покушаться на твою свободу - я просто не хочу, чтобы ты стал игрушкой в руках тех, кто не слишком обременён высокими этическими принципами. А мальчик-индиго может оказаться очень опасной игрушкой... Нам пора идти, Хайк. Трущобу скоро оцепят - я перехватил их переговоры. А твою девчонку мы разыщем - верь мне.

И Волчонок подчинился, поверив этому странному человеку с добрыми и мудрыми глазами. Он подчинился и поверил не потому, что Алан легко погасил его огненную полосу - ему очень хотелось хоть кому-нибудь верить.

* * *

...Они шли на юг - шли, конечно, не в буквальном смысле этого слова, в огромной стране не обойтись без транспорта. И скоро Хайк понял, что значит быть частью общества и одновременно находиться вне его экономических рамок: они со Стариком подчинялись тем правилам этого общества, которые им не мешали, и капелькой ртути проскальзывали между тех, которые казались обременительными. Они покупали билеты и расплачивались за еду в кафе и ресторанчиках - деньги у Алана были (Хайк не счёл нужным уточнять, откуда они взялись). Но иногда обходились и без денег, хотя Алан отнюдь не злоупотреблял своими способностями и возможностями - например, он не стал "приобретать" для мальчика новую одежду в каком-нибудь магазине известным Хайку способом. Вместо этого Старик изменил цвет и покрой старой одежды Хайка - изменил до неузнаваемости.

— Тебе нельзя оставаться в этом, - сказал он, имея в виду форму воспитанника Приюта, - первый же патруль тут же поймёт, кто ты и откуда. А вас - тебя - ищут, и усердно ищут. Неплохо бы изменить тебе черты лица, но... Я не слишком хорошо умею это делать, так что ограничимся "маской" - этого будет вполне достаточно. И ещё одно - воздержись от своих магических фокусов. У тех, кого Попечители пустят по твоему следу, наверняка есть детекторы, реагирующие на энергетические искажения. Не понял? Ах да, ты же не знаком с теоретическими основами магии. Ладно, этим мы займёмся потом, а пока не спеши наводить мороки на каждом шагу - ты при этом так "светишь", что с Гавайских островов видно. Так что не встравай - я всё сделаю сам, и гораздо аккуратнее.

...Из города они выбирались автостопом.

— Поезд, а тем более самолёт - это слишком рискованно, - объяснил Алан. - Можно обмануть человека, заставив его видеть то, чего на самом деле нет; можно одурачить пару-тройку видеокамер; можно даже укрыться от спутникового наблюдения. Но на вокзалах и в аэропортах система контроля многослойная, и мы с тобой можем не заметить какой-нибудь чересчур хитрый сенсор нового типа. И он, змей электронный, сделает своё дело.

Несколько раз Хайк замечал патрули и сжимался, ожидая чего угодно, однако Алан оставался невозмутим. "Пронесёт" - неизменно говорил он, и их действительно проносило. И лишь на южной окраине мегаполиса, когда и Трущоба, и руины Приюта остались далеко позади, Старик вдруг насторожился.

Они только что нашли подходящий транспорт - водитель междугороднего грузовика *очень легко* согласился их подбросить, - однако за ближайшим поворотом широкого шоссе оказались в плотной пробке. И причина пробки скоро выяснилась - дорога была перекрыта, и не просто полицией, но и парочкой армейских бронетранспортёров.

— Вот же пакость какая... - пробормотал Алан. - Горячо-то как... Значит, у них детекторы... И сканеры ауры. Seriously...

Пробка двигалась относительно быстро - солдаты не утруждали себя проверкой

документов. Они только сканировали машины и людей, но этого было более чем достаточно.

– Серьёзно, - повторил Старик, мрачняя. - Ну что ж...

Автомобили один за другим проскальзывали в щель между бортами бронемашин, и Хайк видел неразличимое обычным зрением зеленоватое свечение, в которое они ныряли. "Ауру не подделать, - стучало у него в голове. - Значит, как только наш грузовик войдёт в зону действия сканеров...". И тут раздались автоматные очереди.

Пули с визгом рикошетировали от брони. Кричали люди; один из солдат грузно осел на асфальт, заднее стекло входящей в контрольную зону машины рассыпалось сверкающими брызгами - серебряные осколки запрыгали по капоту их грузовика, следовавшего прямо за ней.

– Ох, чёрт, - простонал водитель-мексиканец, стремительно бледнея. - Madre mia...

– Уноси задницу, - зло и весело выкрикнул Алан, бросив на него быстрый взгляд, - пока в ней не проделали лишнюю дырку!

Водитель понимающе кивнул и направил грузовик в проход, уже освобождённый машиной с разбитым стеклом - её владелец благоразумно решил как можно скорее выйти из-под обстрела. Солдатам было уже не до проверки - несколько человек, выскочивших из съехавшего к обочине микроавтобуса, вели по ним яростный огонь сразу из нескольких стволов. Случайные зрители этого трескучего спектакля, не желая стать его участниками (особенно в качестве жертв), торопливо вываливались из своих машин и плюхались ничком на дорогу. Дальнейшего Хайк уже не видел - грузовик резво проскочил проход и понёсся по шоссе, радостно урча мотором.

Что случилось на дороге, они узнали вечером. В маленьком кафе мотеля, где Алан с Хайком остановились на ночлег, было пусто, но стереовизор работал.

– На автостраде номер... - вещал диктор канала новостей, - возникла перестрелка. Как выяснилось, виновниками её были наркоторговцы, перевозившие большую партию нелегальной "прелести". У бандитов не выдержали нервы - они схватились за оружие, опасаясь понести заслуженное наказание за контрабанду в особо крупных размерах. Но от наказания никому из них уйти не удалось. К сожалению, среди полицейских, а также среди водителей и пассажиров машин, находившихся в это время на шоссе, имеются жертвы. Подробности слушайте...

– У бандитов не выдержали нервы? - Хайк подозрительно посмотрел на Алана. - Какие они слабонервные! И потом, денежный штраф, тюремный срок и пуля на месте - это большая разница. Не идиоты же они, в конце концов?

– Ты правильно всё понял, - Алан был спокоен, но не улыбался. - Это я их *попросил*. Повезло - мне удалось засечь всплеск нечистой совести и страха всего за три машины от нас. Жаль, конечно, но что поделаешь...

– Что значит жаль? - не понял Хайк. - Кого жаль? Этих крыс? Видел я их в Трущобе, где они обделывали свои делишки с Трубогибом! Да им человека пришить - что чихнуть! Нашёл кого жалеть...

– Это люди, Хайк, - люди, а не крысы, - холодно ответил Старик. - И ещё там были другие люди, случайно оказавшиеся в недобрый час в плохом месте. Да, нам с тобой надо было прорваться, но... Я очень не люблю делать такой выбор, и дай тебе Вечнотворящий делать его как можно реже.

Алан молча допил кофе, потом подозвал официантку и расплатился за ужин.

– Деньги у нас есть, - объяснил он наблюдавшему за этой процедурой Хайку, - зачем же подставлять девчущку? Ведь хозяин-то повесит недостачу на неё - мол, сама виновата, надо было лучше считать! А разве она виновата, что к ней на огонёк забрели старый колдун с учеником да пожадничали, а?

Старик наконец-то улыбнулся - в первый раз после того, как они покинули город, - и Хайк решился задать ему вопросы, давно мучавшие мальчишку.

– Куда мы направляемся, Алан? И зачем? И где мы будем искать Мэй - ведь ты же мне обещал!

– Не всё сразу, - Алан в притворном испуге поднял руки. - Давай по порядку. Нам с тобой надо убраться из этой страны, и как можно скорее.

– Почему?

– Всё очень просто. Индиго - таких, которые сами по себе, - здесь уже не осталось. Во всяком случае, я их давно уже не встречал. Подобные тебе быстро становятся известными - они привлекают внимание своими сверхспособностями. Первыми эти способности обычно замечают родители, и многие из них тут же решают заработать на своих чадах - зря, что ли, рожали? И Попечители этим пользуются - они выкупают индиго, оформляя опеку и соблазняя корыстолюбивых пап и мам внушительными суммами, которые те получают при отказе от родительских прав. А Попечители вместе с новым воспитанником получают хороший козырь - когда ребёнок узнаёт, что родители его попросту продали, словно собаку или кошку, он не испытывает к ним приступа пылкой сыновней любви.

– И что же, все родители вот так сразу и соглашаются? - не поверил Хайк.

– Не все. Но Попечители умеют убеждать - у них есть для этого разные... хм... методы. Правда, некоторые всё-таки не соглашаются, и тогда детей-индиго похищают.

– Попечители?

– Это делают ньюмены - Попечителям сподручнее действовать законным путём. Как ты думаешь, почему ньюмены напали на твой Приют? То-то. Зачем собирать детей-индиго поодиночке, когда можно забраться в чужую корзинку и опустошить её подчистую? Так что все индиго, так или иначе, попадают или к одним, или к другим. Скорее всего, ты последний, кого мне удалось найти. И нам надо уходить отсюда - система детектирования непрерывно совершенствуется, и скоро мы не сможем даже безбоязненно выйти на улицу. А стоит мне или тебе колдануть по серьёзному - сделать что-то, связанное с большим расходом энергии, - как нас тут же учуют ньюмены. Хорошо ещё, что они были слишком заняты, унося ноги после атаки Приюта, - иначе не я, а кто-нибудь из них разбудил бы тебя на пустыре.

– Ну и что в этом плохого? Они ведь тоже индиго!

– Индиго тоже люди, а люди - они разные, Хайк. Из твоего Приюта они увезли детей силой, не спрашивая на то их согласия, и при этом перебили кучу народу - по-твоему, это хорошо?

– Ты тоже не очень-то спрашивал моего согласия, - буркнул Хайк.

– Я тебя не держу, - усмехнулся Старик. - Если хочешь, дальше можешь идти один. Только, думаю, гордым одиночеством ты будешь наслаждаться очень недолго. Я просто хочу дать тебе возможность самому выбрать свою судьбу. И ты получишь эту возможность, как только мы доберёмся до цели нашего путешествия.

– А куда мы всё-таки идём?

– На юг. На севере холодно, и там нас никто не ждёт.

– А на юге ждут?

– На юге, - Алан не обратил никакого внимания на иронический тон Волчонка, - есть те, с кем можно найти общий язык. Я знаю - *смотрел*.

Хайк понял, что это значит. Он уже обратил внимание, что некоторые странновато звучащие слова Старика имеют другой смысл. Ведь "попросил" вовсе не означало, что Алан обратился к наркоторговцам с просьбой открыть огонь по полицейским и солдатам.

– А как же Мэй?

– Она у ньюменов, Хайк. Скорее всего, у Змеи, - так зовут одну из самых агрессивных предводительниц "истинно новых людей". В прямой драке нам с тобой вдвоём против них не выстоять. Нам нужны союзники, и мы их найдём.

– На юге?

– На юге. Однако время позднее. Надо отдохнуть - силы нам ещё ой как понадобятся. Мы ведь с тобой люди, пусть даже не совсем обычные, а не маги, живущие среди звёзд. Пошли спать - утро вечера мудренее. Есть такая пословица на этой планете... Только не пытайся мысленно звать Мэй - она вряд ли тебя услышит, а вот внимание ньюменов ты привлечёшь наверняка.

Хайк не стал спорить - он устал и понимал, что Алан прав. Не придавал он значения и словам Старика о "звёздных магах" - уж очень это походило на сказку, - хотя эти слова ему почему-то запомнились.

Они шли на юг. Они меняли поезда и автобусы, а иногда действительно шли пешком, хоть такой способ передвижения был не слишком распространён в двадцать первом веке. И с каждым днём Хайк всё отчетливее понимал, что без Алана он просто потерялся бы в этой огромной стране с её сложными взаимосвязями между людьми. Это и неудивительно - детство Хайка прошло в уродливом замкнутом мире Трущобы, а потом он оказался в серых стенах Приюта. И ещё Волчонок всё сильнее привязывался к своему спутнику. Чутьё не обманывало мальчика-индиго - Старик излучал добрую силу, и Хайк верил ему.

Они шли на юг.

* * *

Гремучая змея грелась на солнце, свернувшись в кольцо. Она наслаждалась теплом и сытостью - охота была удачной. Змея дремала, но насторожилась, уловив лёгкое содрогание почвы. Это шли люди, а встречаться с ними змее не хотелось - против этого предостерегал весь её опыт. И змея заскользила прочь текучей металлической лентой и скрылась в зарослях жёсткой сухой травы.

— Вот так это выглядит, Хайк, - произнёс Алан, оглядывая раскинувшуюся перед ними унылую картину: песок, песок и ещё раз песок, кое-где пробитый ломким невысоким кустарником. - Из всех достопримечательностей - только кактусы. Но мы ведь с тобой не туристы, верно? Нам надо просто перейти границу.

— Сейчас? - деловито осведомился Волчонок. - Тогда пошли, чего зря терять время!

— Нет, - покачал головой Старик. - Подождём до темноты. От приборов она нас не укроет, а вот от любопытных глаз - вполне. А здесь этих глаз хватает, Хайк, - это только кажется, что южную границу никто не охраняет.

Они расположились в тени большого камня и стали ждать. Алан потряс пустую флягу, потом прикрыл глаза, и через несколько минут фляга в его руке заметно потяжелела.

— Хорошо, - сказал Алан, сделав глоток из запотевшего горлышка, - когда ты можешь вот так запросто заказать холодной чистой воды. Отыскать в этих местах источник я бы не смог.

Он передал флягу мальчику и прищурился, рассматривая тонущий в пыльном мареве горизонт.

— И ещё хорошо, что стражи границы в основном обеспокоены тем, чтобы никто не пришёл оттуда, а не ушёл туда. Там, - Старик показал в сторону юга, - не очень-то любят нас, гринго. Хотя ты-то на гринго не похож и запросто сойдёшь за местного жителя. А вот мне придётся надевать "маску" индейца.

— Границу охраняют люди?

— Есть и люди - на машинах и на вертолётах, - но в основном это делает электроника. Людям надо платить деньги - и хорошие деньги, поскольку здесь есть риск поймать пулю, - а электроника есть не просит.

— Так ведь операторам тоже надо платить!

— Видеокамеры подключены к Сети. Правительство выплачивает вознаграждение за каждого замеченного нарушителя - нелегальные иммигранты оттуда валом валят, - и для множества бездельников это стало своего рода спортом. Они сутками пялятся в мониторы в надежде получить приз и не требуют за это еженедельной зарплаты. Юг не любит Север, а Север боится Юга - боится, что в один не очень прекрасный день оттуда хлынет настоящий человеческий поток, сметающий всё на своём пути. Границу укрепляют, но лазейку найти можно - пока можно. Так что мы пройдем, Хайк, - индиго мы с тобой или нет?

И они прошли. Если кто из добровольных помощников пограничников и просматривал в это время транслируемые в глобальную Сеть изображения, его вряд ли заинтересовали два

койота - крупный и чуть поменьше, - серыми тенями промелькнувшие по экранам. Койотов в этих пустынных местах хватает - эка невидаль! А скупой на похвалу Алан похвалил Хайка - опыт побега Волчонка из Приюта очень пригодился.

Из осторожности они держали "обманку" ещё целых два дня, сменяя друг друга. А потом они встретили древний джип охотника непонятно за чем, и молчаливый абориген без долгих уговоров довёз старика-индейца и мальчика-метиса до ближайшего городка, где беглецы смогли передохнуть.

Дальнейший путь показался Хайку калейдоскопом, причём далеко не разноцветным. Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Коста-Рика - он слышал эти названия в Приюте на уроках географии, но не думал, что эти страны так похожи. Везде было одно и то же - откровенная нищета облезлых домов, лишь кое-где прореженная пятнами вызывающей роскоши белых вилл, окруженных пышной зеленью. В глазах бедно одетых людей, похожих на обитателей Трущобы, читалась усталость и злость, перемешанная с надеждой, и глядя на них, Хайк понимал, почему Север боится Юга - боится не зря. "Неужели среди этих людей мы сможем найти союзников?" - думал Хайк, но не задавал Алану никаких вопросов. Он знал - придёт время, и Старик сам всё расскажет.

С документами проблем не было - об этом позаботился Алан. Электронный контроль здесь был куда менее изощрённым, а кое-где достаточно было показать угрюмому толстому полицейскому чистый лист бумаги (понятное дело, не просто показать, а ещё и кое-что при этом сделать), чтобы беспрепятственно следовать дальше.

И только один раз случилась осечка.

В Никарагуа они решили сократить путь, проехав напрямик через джунгли. Машину - старый раздолбанный "лендровер", который можно было назвать машиной только с большой натяжкой, - они взяли напрокат, причём вместе с проводником-водителем, который должен был и отогнать машину обратно. Проводник почему-то не выказал особого восторга, когда хозяин машины коротко объяснил ему задачу, однако ни Хайк, ни даже Алан не обратили внимания на его недовольство. Мало ли чем этот малый мог быть недоволен? Ну, хотя бы тем, что ему надо делать что-то, чего он совсем не хочет делать!

Узкая дорога, больше похожая на лесную тропинку, петляла среди густых тропических зарослей. Было тепло, но не жарко - деревья давали тень, - и Хайк расслабился, изредка поглядывая по сторонам, а Старик даже задремал. Хайка тоже клонило в сон - пейзаж не радовал разнообразием, - однако его что-то беспокоило, не давая заснуть. И скоро он понял, что именно - страх. Чужой страх.

От водителя, беспокойно вглядывавшегося в плотную зелень джунглей, ощутимо веяло страхом. "Чего он боится? - подумал мальчик. - Того, что на него из-за кустов прыгнет ягуар или прямо на голову свалится голодная анаконда? Ерунда какая-то...". Тем не менее он тоже стал пристальней следить за тянувшейся по обеим сторонам дороги плотной зелёной стеной, невольно проникаясь беспокойством проводника.

Выстрел грохнул неожиданно - Хайку сначала показалось, что в джунглях хрустнула сломанная ветка. Но когда водитель бессильно уронил голову на руль, и мальчик увидел аккуратное отверстие в ветровом стекле, обрамлённое ореолом мелких трещин, он понял, что это за ветка.

Джип съехал на обочину и уткнулся в переплетение древесных стволов, колючих лиан и широких глянцевых листьев, а из чащи выскочили четверо в пятнистом камуфляже. В руках у них были древние АКМ, недвусмысленно направленные на "лендровер", а о том, что шутить они не собираются, свидетельствовала кровь, капавшая из простреленной головы проводника.

Хайку не было страшно - наоборот, он испытывал злую радость. Эти парни не знают, с кем они связались - они будут очень сильно удивлены, когда узнают. И удивление будет их последним чувством в этой жизни.

В груди мальчика вспух горячий ком, обернувшийся острым жжением в кончиках пальцев. Он шевельнулся и тут же ощутил железную хватку руки Алана на своём запястье.

– Dinero! - хрипло каркнул крижистый человек в чёрном берете, заросший бородой до самых глаз. - Rapidamente!⁷

Трое других демонстративно передёрнули затворы и угрожающе подняли автоматы. Они стояли рядом с заглохшей машиной, и Хайк почувствовал застарелую вонь их давно не мытых тел. "Почему Алан держит меня за руку? С каким удовольствием я сейчас..."

– Вам не нужны деньги, - услышал он невероятно спокойный голос Старика. - Вам нужно молиться о спасении ваших заблудших душ.

В лице бородача что-то неуловимо изменилось.

– Amigo... - пробормотал он. - Disculpeme...⁸

Откуда-то сверху на дорогу с шумом рухнул ещё один пятнистый и остался лежать неподвижно, неловко поджав под себя вывернутую правую руку. Глаза людей с автоматами остекленели; воронёные стволы дрогнули, опускаясь к земле. Хайк повернул голову к Алану.

Глаза Старика пылали тёмным огнём. Черты его лица показались мальчику какими-то размытыми, словно голову и всё тело Алана окутывала раскалённая завеса, дрожащая, как воздух над разогретым асфальтом. Старик приподнялся на сидении и коснулся пальцами левой руки - правой он по-прежнему сжимал запястье Хайка - поникшей головы водителя.

– Мёртв, - произнёс он с сожалением и вздохнул. - Эх, люди, люди - почему вам так нравится всё время убивать друг друга? Неужели не надоело?

Четверо в камуфляже стояли неподвижно с отрешёнными лицами, и Хайк не мог понять, слышат они эти слова или нет.

– Вы похороните этого человека, и всю жизнь, - голос Старика звучал размеренно и чётко, будто неживой, - будете помнить о том, что вы сделали. Всю свою жизнь!

* * *

– Почему ты их не убил, Алан?

– А почему я должен был их убивать? - ответил Старик вопросом на вопрос, не отводя глаз от дороги - теперь ему пришлось самому вести машину.

– Они напали на нас! И они сами убийцы!

– Послушай, Хайк, - Алан на миг оторвал взгляд от колеи и посмотрел на мальчика, - кто дал тебе право примерять на себя одежды высшего судьи? Убить человека - это не жука растоптать каблуком! Тогда, на свалке, ты расправился с трущобниками, движимый страхом и гневом, а сейчас - сейчас тебе просто хотелось убить! Убить тех, кто даже не сможет тебе сопротивляться - ты ведь был уверен в этом! Твоя внутренняя змея поднимает голову, Хайк, и это опасно - опасно для тебя самого. Ощущение силы и непобедимости пьянит - от этого очень легко потерять голову.

– Но ведь ты всё-таки убил одного из них - того, кто упал на дорогу!

– Он не умер - просто потерял сознание. Кажется, сломал плечо, падая с дерева. Будет жить, даже если останется калекой - это разумная плата за то, что он отнял чужую жизнь.

Какое-то время они ехали молча, а потом Алан снова заговорил, искоса посматривая на мальчика.

– Убийцы... В здешних джунглях все воюют против всех. Тут полно всяких людей с оружием - наркоторговцы, охотники за рабами, обычные бандиты. Есть и партизаны, сражающиеся непонятно за что - лишь бы стрелять. Не надо было нам ехать через лес - мы оплатили наш выигрыш времени чужой жизнью. Это моя вина... - Он замолчал, сердито хмурия брови.

– А что ты с ними сделал? - осторожно спросил Хайк. - Я почувствовал, как ты...

⁷ Dinero! Rapidamente! - Деньги! Быстро! (исп.)

⁸ Amigo... Disculpeme - Друг... Прости меня... (исп.)

– Я заставил их вспомнить, что они люди, а не придатки к спусковому крючку.
– И теперь они станут другими? - не отставал Волчонок. - Тогда, может, надо идти в джунгли и переделывать их всех?

– Как у тебя всё просто! - Алан горько усмехнулся. - Раз - и убил, раз - и переделал! Телепатическое воздействие кратковременно - хорошо, если они похоронят этого беднягу, а не бросят его у дороги на поживу муравьям. А играть в миссионера, несущего людям свет добра... Это нереально, Хайк. В конце концов меня бы попросту прикончили, и всё осталось бы по-старому. Люди меняются очень медленно - путь вверх тернист. И начинать нужно с самого себя - только так. Этот мир жесток, но если мы, *особенные*, будем подчиняться его правилам, он таким и останется - навсегда. А может быть, станет ещё хуже...

...К Панамскому каналу они вышли у шлюза Мирафлорес. Хайк с жадным детским любопытством разглядывал огромный контейнеровоз, возвышавшийся над стенками шлюза, и маленькие швартовные локомотивы, передвигавшиеся по рельсам - по двум обычным и одному зубчатому. Однако Алана куда больше заинтересовала парусная яхта, выглядевшая по сравнению с громадным океанским теплоходом изящной игрушкой, и пока Хайк считал контейнеры на палубе судна, Старик перебросился несколькими словами с хозяином яхты.

– Эй! - окликнул он Хайка, оторвав мальчика от созерцания стальной громады. - Пошли. У нас новый транспорт - дальше мы с тобой поплывём. Ты ведь раньше не плавал? Тебе понравится.

Алану не пришлось даже прилагать особых усилий, чтобы попасть на борт яхты - в зоне канала путешественники-одиночки охотно брали на борт попутчиков: так веселее, да и лишняя бесплатная пара рабочих рук не бывает лишней на крошечной скорлупке среди океанских волн. Владелец яхты, седой англичанин из Плимута, шёл к Бермудам, однако согласился (на сей раз не без вмешательства Алана) доставить их к устью Магалены.

Путешествие Хайку понравилось - Старик не ошибся. Карибское море было идеально спокойным, а тропический зной на воде не был таким нестерпимым. Даже не верилось, что можно расслабиться, не ожидая ежеминутно появления откуда ни возьмись полицейских, солдат или лесных бандитов. Вокруг яхты сновали дельфины, подплывали вплотную, словно пытаясь понять, что это такое.

– Интересные они здесь, - заметил оказавшийся в меру разговорчивым англичанин, - я хожу по морям тридцать лет, но таких дельфинов не встречал нигде. Мне порой даже кажется, что они хотят мне что-то сказать, да только вот не умеют.

Хайк и сам ощутил что-то непонятное. В сознании мальчика-индиго зазвучали вдруг неясные голоса, произносившие слова и целые фразы на каком-то неведомом ему языке. И Алан тоже что-то почувствовал.

– И верно, - задумчиво произнёс он, провожая взглядом литое дельфинье тело, взметнувшееся высоко вверх над водой. - Странно, очень странно...

...Они сошли на берег в Барранкилье, где пересели на катамаран на воздушной подушке, направлявшийся вверх по течению Магалены.

– Осталось уже недолго, - сказал Старик, когда они с Хайком устроились в мягких креслах пассажирского салона катамарана. - Скоро мы будем на месте.

Катамаран несся по реке, оставляя за собой длинный шлейф мельчайших водяных брызг. В салоне было тихо - звукоизоляция на судах туристического класса превосходная, - по берегам тянулись уже изрядно надоевшие Хайку джунгли, удобное кресло убаюкивало, и мальчик незаметно уснул.

Проснулся он от лёгкого толчка в плечо и, открыв глаза, увидел сквозь панорамное остекление салона бетонный причал, множество машин и вдалеке высокие белые здания большого города. А на противоположном берегу реки таинственно синели горы.

– Ну, вот мы с тобой и прибыли, - коротко объяснил Алан. - Это Пуэбло-дель-Рио - Город-на-Реке.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СТЭРДИ

Под крылом самолёта проплывали горы, купающиеся в море белых туч. Острые пики прокусывали облачное одеяло могучими чёрными клыками, подставляя солнцу свои облитые серебром ледников вершины, и лёд казался запёкшейся белой кровью насквозь пробитых ими облаков.

Начальнику службы безопасности Головного Центра было не до поэтических изысков: погружённый в размышления, он лишь изредка бросал рассеянный взгляд в иллюминатор. Джейк Блад напряжённо думал - наступало время принятия решения. Приближалась точка возврата - пилотский термин, обозначающий ту точку маршрута, в которой топлива ещё хватит для возвращения назад (если нет уверенности в успехе дальнейшего полёта). Нет, Блад отнюдь не беспокоился о благополучном исходе спецрейса - его обслуживали лётчики высочайшей квалификации, а личный самолёт хайерлинга первого ранга был проверен до последней заклёпки. Точка возврата, о которой размышлял Джейк, лежала отнюдь не в географической плоскости.

"Об отступлении не может быть и речи - это решено, - думал он. - Но вот пора ли сбросить маску дисциплинированного хайерлинга, почтительно смотрящего в рот мессииру в ожидании его очередных мудрых откровений, и нанести удар? Или ещё подождать? Всё ли подготовлено и не упустил ли я из виду какой-то незначительный на первый взгляд фактор, который может оказаться решающим?"

Генералитет на моей стороне - им до чёртиков надоело главенство торговцев. Военным до зуда в ладонях хочется выдернуть наконец из ножен заскучавшие мечи и показать всем, кто в доме хозяин. Контроль над всеми отрядами солдат-клонов, дислоцированными на тайных базах и в подземельях периферийных Центров, тоже у меня. Силловые структуры и государство - декорация для обывателей, тупо верящих в "демократические ценности", - с этим проблем не будет. Внешняя обстановка - у всех на этой планете свои хлопоты, им будет не до наших "внутренних разборок". А когда враждебные друзья - или дружелюбные враги - поймут, что происходит, будет уже поздно. Кто остался? Остался сам Арчибальд Эссенс и... люди-индиго: те из них, которых можно считать самостоятельной силой".

Поведение мессиира беспокоило Блада. Кто-кто, а уж Джейк прекрасно знал, что Мумия Арчи (с некоторых пор это прозвище прижилось) опаснее любого из генералов, пусть даже командующих ракетными частями или космическими силами, и стоит всех Правителей вместе взятых. Почему Эссенс не противился - во всяком случае, открыто, - концентрации в руках начальника службы безопасности реальных сил и возможностей, способных не то что изменить, но и перевернуть "статус кво"? Что за этим кроется? Блад кожей ощущал - что-то здесь не так: старый шулер Арчи наверняка припрятал пару козырных тузов в рукаве...

Блад бросил короткий взгляд на помощницу, сидевшую у противоположной стенки салона возле дисплея компьютера, и через пару секунд девушка поставила перед боссом стакан с виски. "Хороша, - подумал Джейк, взбадривая мозг глотком алкоголя. - И в постели не уступает Стэрди... Одно из неоспоримых преимуществ властителей - это возможность иметь гарем. Женщины - это цветы, украшающие власть, и сладкий приз победителя. Но победы ещё надо добиться".

Последним неизвестным в уравнении оставались индиго - точнее, неизвестных было несколько. Воспитанники Приютов пока не порадовали Попечителей чем-то из ряда вон выходящим - сырой материал. Возможно, через несколько лет из них и будет какой-то толк, но в настоящее время Блад не видел ничего, что могло быть использовано с пользой для дела. Если среди детей-индиго и были ценные уникамы, то их ещё растить и растить. К тому же Джейка раздражала независимость этих детей и необходимость обращаться с ними крайне осторожно. То ли дело штампы: приказал - и вперёд!

Жаль, что не удалось разыскать мальчишку-беглеца - он как в воду канул. А ведь этот Хайк мог бы быть полезным: подчинение других людей своей воле и пирокinez - это уже немало. И та девчонка, Мэй (Джейк помнил её лицо - память у него была великолепной), - её тоже пока не нашли. Если верить тому, что сообщили из Приюта-семнадцать незадолго до

той злополучной атаки "ночных призраков", эта девчонка сможет заменить чуть ли не всю систему ПВО. Сбивать самолёты мыслью - ничего себе ребёнок!

А "призраки" явно противодействуют Попечителям. Некое противодействие проекту "Индиго" отмечалось и раньше, но было неясно, кто за всем этим стоит. Теперь, после нападения на Приют, одним неизвестным стало меньше, хотя вопросы остались. Кто они, эти "призраки", сколько их, каковы пределы их возможностей? И главное - их цели? И почему они атаковали в открытую? Сеть Приютов существует давно, и ни разу ничего подобного не случилось. Значит, на то была причина, и причина серьёзная. Неужели... Неужели причиной послужила Мэй - точнее, то, что она сделала за сутки до атаки?

Джейк вдруг вспомнил женщину со змеей - "ночную ведьму" с единственной удачной фотографии. "Интересно, а какова она в постели? Несвоевременная мысль - что-то меня развлекло...". Он снова взглянул на помощницу, прикидывая, не позвать ли её на четверть часа в спальню, расположенную в хвостовой части самолёта, однако передумал - не время, - сделал ещё глоток и вернулся к своим размышлениям. Девушка не поняла взгляд Блада и некоторое время смотрела на него вопросительно, ожидая распоряжений, а затем вернулась к экрану компьютера.

Индиго-повстанцы, как их окрестили, были не единственными самостоятельными "новыми людьми" на планете - теперь это выяснилось окончательно. Начальник службы безопасности Головного Центра Правителей Джейк Блад располагал точной информацией о неформальных объединениях индиго в разных странах. Он знал о небольших европейских группах, о русских - Ищущих Ответы, о гнезде "новых людей" в Колумбии. А теперь Блад знал и о тибетцах - Созерцателях, и знал (пусть даже приблизительно) и их доктрину.

...К неудовольствию Эссенса, провести подготовку операции в Тибете "в самые сжатые сроки" с тем, чтобы тут же отправиться в Южную Америку, Бладу не удалось.

Операция забуксовала. Орбитальное слежение не выявило ровным счётом ничего, что заслуживало бы хоть какого-то внимания. Горы, уединённые монастыри с бритоголовыми монахами, пещеры - картина та же, что и сотни лет назад. Но что-то там явно происходило - аппаратура, насколько она способна была сделать это с большого расстояния, отмечала слабые всплески ментальной активности. И - пещеры: под их своды орбитальные глаза проникнуть не могли.

Прямое проникновение также провалилось - несколько опытейших агентов Центра, признанных специалистов своего дела, как в воду канули. До Тибета они добирались - подтверждения от них приходили, - но затем связь бесповоротно обрывалась. И тогда Блад решил сам отправиться в Гималаи. Хайерлинг не боялся риска, наоборот - беснующийся в крови адреналин был для него своеобразным наркотиком, придававшим жизни особый вкус и остроту.

Против ожидания, китайские власти не чинили ни малейших препятствий "эзотерико-этнографической экспедиции", хотя китайские спецслужбы были прекрасно осведомлены о том, кто именно организует эту "экспедицию". И это обстоятельство сразу насторожило Джейка - если тебе не мешают, значит, наверняка уверены - ты непременно свернёшь себе шею без дополнительных усилий со стороны силовых структур. Однако и по прибытии на место экспедиция не встретила никаких затруднений, не говоря уже об опасностях.

А через три дня, когда группа углубилась в сердце гор, и Блад прикидывал, куда лучше двинуться, в лагере появились два человека. "Тебя хотят видеть, гость, - коротко объяснили они. - Тебя одного". Намётанным глазом Джейк тут же распознал в пришельцах взрослых индиго и без колебаний принял приглашение - он понимал, что самостоятельно экспедиция будет блуждать по этим горам месяцами, но так ничего и не найдёт.

...Полумрак пещёрного храма - чем было это место на самом деле, Блад не знал, - дышал спокойной и уверенной в себе силой - силой, абсолютно равнодушной к тревогам и заботам внешнего мира. Не мог Джейк и понять, где именно расположена эта пещера, - миниатюрный электронный ориентатор, который Блад предусмотрительно захватил с собой, высвечивал полную чушь. Если верить его показаниям, начальник службы безопасности

Головного Центра пребывал в данный момент где-то в Антарктиде, что не укладывалось ни в какие логические рамки.

– Здравствуй, - прозвучал негромкий голос, и Джейк увидел тщедушную фигуру в тогоподобном коричневом одеянии. Тлеющие ароматические палочки не давали света, но свечей здесь хватало, и Блад смог различить черты лица своего собеседника.

Перед ним был глубокий старик, но какой старик! Если Арчибальд Эссенс производил впечатление злобной мумии, одержимой навязчивой идеей, то этот темнолицый старик походил на ожившую статую Будды - на бога, стоящего вне понятий добра и зла.

– Садись, гость, - всё так же негромко произнёс старик. - Мы будем говорить.

Блад опустился на устилавшие каменный пол циновки - странно, тёплые! - а старик продолжал тем же шелестящим ровным тоном.

– Мы знаем, кто ты, и кто тебя послал, и чего вы хотите. Поэтому не стоит бесцельно опустошать сосуд времени на пустые разговоры. Мы - Созерцатели, главная ценность для нас - знание, а вся та суета, в тенётах которой бьётся этот мир, нам неинтересна. Ты хочешь знать, не враги ли мы вашим начинаниям? Отвечу - нет. Мы не враги, мы - посторонние. И теперь, когда приходящих к нам новых людей - тех, кого вы называете индиго, - становится всё больше, у нас есть возможность заниматься тем, что представляется нам единственно имеющим смысл: познанием.

"Интересно, а что вы будете делать, если на ваши головы посыпятся ядерные бомбы?" - подумал Блад.

– Не посыпятся, - тут же отозвался старик. - Вы не будете ссориться с Поднебесной Империей - на это у вас хватит остатков благоразумия. А если вы всё-таки взорвёте этот мир, - плечи старика чуть шевельнулись в подобии пожатия, - что ж, значит, таков замысел Вечнотворящего. Но скорее всего, Созерцатели всё равно выживут - мы многое умеем. И у нас много тайных нор, которые не сможет выжечь даже Адский Огонь. Так что не тратьте зря силы и не лезьте в наши горы - вам здесь нечего делать. Я сказал достаточно, но если хочешь что-то спросить - спрашивай.

"Так, - пронеслось в голове Джейка, - нейтралы, значит. И плевать нам на вашу возню, неразумные...".

– Да, - бесстрастно ответил темнолицый. - Ты правильно меня понял. А теперь иди - в тебе слишком много зла, и находиться рядом с тобой мне неприятно.

Ментальная тренировка помогла Бладу погасить родившуюся было мысль "Погодите, отшельники, дайте срок!" и не дать ей оформиться до читаемого уровня - хотя чёрт его знает, каков уровень чувствительности у этого воплощённого Будды. Говорить дальше было не о чем - всё равно он не узнает больше того, что этот старик сочтёт нужным ему сообщить.

Джейк связался с Эссенсом, доложил о результатах и получил приказ возвращаться. Мессир не выказал никаких эмоций, но что-то неуловимое в тоне его голоса заставило Блада насторожиться. И поэтому сейчас, когда горы с их таинственными обитателями уходили за горизонт, и под крылом уже синела гладь Бенгальского залива, Джейк думал не о том, что осталось позади, а о том, что ждёт его по возвращении в Центр. К тому же Блад был уверен - Созерцателям действительно нет дела ни до Правителей, ни до соперничества новых сверхдержав, ни до других людей-индиго. Они сами по себе - ещё одним неизвестным стало меньше.

Самолёт летел на восток. "Точка возврата" приближалось.

* * *

Бурые скалы медленно расползались в стороны, словно ветхая ткань под могучими руками невидимого великана. Каменные плиты весом в миллионы тонн разошлись, и между ними сабельным шрамом обозначилась тускло блестящая нить взлётно-посадочной полосы.

Джейк Блад не впервые наблюдал с воздуха величественную картину открытия ворот Головного Центра, но каждый раз это зрелище впечатляло. Он вспомнил высказывание

Эссенс: "Наша крышечка выдержит прямое попадание пятидесятимегатонной водородной боеголовки!". Как профессиональный военный, Джейк понимал, что такого не выдержит ни один рукотворный объект, и тем не менее вскрывающаяся по воле человека гора производила на него впечатление.

Шасси коснулись бетонки настолько мягко, что момент касания был практически незаметен - элитные пилоты Центра не зря получали высокие оклады. Самолёт пробежал по полосе, гася скорость, зарулил под скальный козырёк, где теснились ангары, и остановился прямо перед сплошной стеной. "Прибыли, - подумал Блад, вставая с кресла, - врата ада ждут своих грешников... Как там сказал этот темнолицый старик: "В тебе слишком много зла"?"

Стена дрогнула и раскрылась, словно ненасытная пасть подземного чудовища. Хайерлинг встряхнулся, поправил форму и пружинистым шагом охотящегося зверя пошёл к выходу из самолёта.

Отсюда, из этого Центра, правили миром. Эта власть не требовала фанфар и воплей ликующей толпы - она была выше этого. Здесь сидели игроки, передвигавшие на огромной шахматной доске размером с планету пешки и фигуры, именуемые президентами, премьер-министрами и главами транснациональных корпораций. Сюда сходились золотые нити, за которые дёргали кукловоды, заставляя своих марионеток послушно шевелить ручками. До поры до времени нужды в таких титанических убежищах не было, но когда противостояние обострилось, их начали строить - строить под видом обычных военных баз и научно-исследовательских центров. Правители, готовые пройти по Земле огненной метлой с тем, чтобы избавиться от излишков населения и освободить мир для "золотого миллиарда", вынуждены были считаться с наличием Меча Демонов у тех, кого они приравняли к мусору и намеревались смести. В словах Эссенса о "крышечке" была доля истины - Центр был хорошо защищён от любого удара известным человечеству оружием.

Центр был мозгом, но догадывались об этом (а тем более знали) немногие. Так средний обыватель, глядя на мускулатуру борца или боксёра, не задумывается о том, что всей этой грудой тренированного мяса управляют нервные окончания, передающие сигналы мозга.

...Электрокар бесшумно скользил по длинному тоннелю в голубом свете скрытых ламп, направляясь к шахтам лифтов. Джейк не смотрел по сторонам - он хорошо знал эту дорогу, да и смотреть здесь было не на что. Людей в "предбаннике" не было, зато бесчисленные глаза разнокалиберных сенсоров контрольных систем не оставляли во входном тоннеле и дюйма непросматриваемого пространства. И Эссенс уже извещён о прибытии начальника службы безопасности - в этом Блад не сомневался.

- С прибытием, Джейк, - раздалось в горошине коммуникатора, - я жду вас у себя.

"Ну вот, лёгок на помине...". Хайерлинг внутренне подобрался, словно хищник перед прыжком. Реакция Блада была чисто рефлекторной, выработанной за долгие годы, но вместе с тем Джейк звериным чутьём ощутил холодок скрытой опасности, притаившейся где-то здесь, за тусклыми стенами, а точнее - в подземном кабинете мессира Арчибальда Эссенса.

Лифт остановился на уровне "Z". Доступ на этот уровень имели немногие - слишком много было здесь тайн. Именно отсюда получали команды "смазчики" - на какую пружинку исполинского экономического и политического механизма планеты капнуть капельку масла, чтобы он продолжал работать - работать так, как было задумано творцами и хозяевами этой грандиозной машины. "Вот только всё больше винтиков этого глобального агрегата норовят проявить самостоятельность, выйти из-под контроля и пойти наперекор программе, - думал Блад, шагая по чуть пружинящему под ногой покрытию пола уровня "Z". - Эту машину пора модернизировать, иначе она пойдёт вразнос и похоронит под своими обломками нас самих".

Блад остановился перед знакомым входным контуром и приложил правую ладонь к панели идентификатора - стандарт безопасности на уровне "Z" был наивысшим. Неважно, что за Бладом следили с того момента, как шасси самолёта коснулись взлётной полосы, что начальника службы безопасности здесь знали в лицо, что его просканировали по крайней мере трижды, пока он добирался до этого уровня, что компьютер давно уже сообщил - это именно Джейк Блад, и никто другой. Это он, а не его клон и не индиго, принявший облик

хайерлинга, - и всё равно: стандарт безопасности. Правители очень ценили свои жизни - куда выше, чем все жизни всего остального населения Третьей планеты системы Жёлтой звезды.

Засветился разрешающий зелёный. Часть стены отошла назад, мягко сдвинулась вбок, и начальник службы безопасности шагнул в открывшийся проём - шагнул в освещённый холл с чувством пловца, ныряющего в неведомую тёмную глубину.

Место за полукруглым столом справа от входа, где обычно сидела Стэрди, пустовало. Стол этот представлял собой управляющий терминал, связанный со всеми системами Центра, - изречённая воля мессира Арчибальда трансформировалась здесь в электрические импульсы, мгновенно доводилась до сведения обитателей подземного города и принималась ими к исполнению. Эссенс мог и сам отдать нужное распоряжение - прямо из кабинета, - но проворные пальцы "роскошной смерти" были незаменимы, если приказ был сложным и расходился по многим информационным каналам (в том числе и уходящим за пределы Головного Центра).

Блад миновал пустой холл. Он был предельно собран и внешне выглядел совершенно спокойным - исполнительный солдат, прибывший к командиру для доклада. Ещё два шага по глотающему звук ковро - до открытой двери кабинета Правителя. И последний шаг - через порог.

— Здравствуйте, Джейк. Давно мы с вами не виделись.

Голос мессира был знакомым, и в то же время в нём звучали какие-то непривычные обертоны - словно на старую запись наложили новую, причём из-за небрежности оператора наложили не очень тщательно, и получилась смесь двух голосов.

Всю противоположную входу стену занимал огромный стереоэкран, на который могла быть выведена любая информация со всей планеты. Но сейчас по экрану плыли только белые облака - казалось, подземный кабинет уровня "Z" расположен на вершине высокой горы, а весь мир где-то там, далеко внизу. Правители - и в первую очередь сам Эссенс - любили ощущать себя богами-олимпийцами.

Мессир сидел на своём обычном месте, за столом, а в двух шагах от него изваянием застыла Стэрди с обычным для неё выражением полной бесстрастности на холёном лице.

— Здравствуйте, господин Эссенс, - Джейк привычно-почтительно склонил голову. - Действительно давно - около месяца.

— Тридцать два дня, если быть совсем уж точным. Садитесь, и рассказывайте - есть вещи, которые нельзя доверять средствам коммуникации, что бы там не говорили эти спецы по электронике про абсолютную защищённость наших линий связи.

Да, о самом важном мессир всегда предпочитал говорить только с глазу на глаз. Его апартаменты тоже перекрывались системами видеонаблюдения, но Эссенс, пользуясь своей статусной привилегией, в особых случаях отключал эти системы, а защита от перехвата и подслушивания на уровне "Z" действительно была абсолютной.

Мессир Арчибальд Эссенс и хайерлинг первого ранга Джейк Блад не виделись больше месяца. Конечно, они общались ежедневно, но лично не встречались. У Блада дел было по горло, и ему было не до бесед на философские темы. Эссенс тоже не мог пожаловаться на недостаток занятости, причём часть его занятий осталась неизвестной начальнику службы безопасности. Несмотря на тщательно организованное наблюдение, в подробной записи дел и встреч Эссенса (эту запись Джейку ежедневно сообщал один из его помощников) имелись обширные лакуны, и это тревожило Блада.

Первое, что его поразило, как только он бросил взгляд на мессира - это внешний вид Правителя. Мумия превратилась в кожаный мешок - лицо Эссенса сделалось бесформенным, и по-прежнему пронзительные глаза выглядели чужеродными, искусственно вставленными в оплывшую маску из дряблой складчатой кожи. "Кажется, - мелькнуло в голове Блада, - мне не удастся лично свернуть ему шею. Всевышний - точнее, сатана, - прибёрёт эту рухлядь прежде, чем я дотянусь до его глотки. Разве что сделать это прямо сейчас... Бедная Стэрди, неужели этот полутруп всё ещё требует от неё любовных ласк? И костюм Арчи топорщится, словно под тканью расплывшийся студень, забывший, как надо двигаться". Блад посмотрел

на неподвижную секретаршу, одетую в белую блузку и короткую серую юбку, открывавшую великолепные ноги, и почувствовал брезгливость, перемешанную с глухой яростью.

Но вся эта гамма чувств никак не отразилась на лице хайерлинга - он скупно и поделовому доложил о результатах тибетской экспедиции.

— Неплохо, неплохо, - резюмировал мессир. - Значит, им нет до нас дела. Созерцатели решили выстроить башню из слоновой кости... Забыли, наверное, чем обычно кончали их предшественники, ступившие на этот путь. Ладно, с этим ясно. Что у нас там ещё? Поиск мальчишки, похищенные из Приюта-семнадцать дети-индиго и "ночные призраки" с их предводительницей-ведьмой в змеином ожерелье. Впрочем, этим займутся другие - вы не единственный способный хайерлинг, Джейк, хотя и один из лучших. А вас ждёт Колумбия.

При этих словах старчески шуршащий голос мессира изменился и наполнился силой и звучанием, словно переключили программу. И тут Джейк поймал боковым зрением быстрый блеск в глазах Стэрди.

"Не соглашайся! - ясно читалось в её взгляде. - Ты оттуда не вернёшься! Арчи уже всё решил - решай и ты!"

— А есть ли в этом необходимость, господин Эссенс? - возразил хайерлинг, почти физически ощущая приближение опасной грани. - Латиноамериканские индиго никак себя не проявляют, а вот "призраки" явно ступили на тропу войны. В конце концов, пошлите туда кого-то другого - вы же сами сказали, что хайерлингов у вас хватает.

Бесформенное лицо Правителя дрогнуло - он то ли усмехнулся, то ли выказал подобие удивления. Но в глазках-буравчиках метнулась искорка торжества: "Ага, вот ты и оскалил зубки, мальчик!"

— Вы стали обсуждать приказы, Джейк? - ласково прошелестел Эссенс. - Это что-то новенькое...

— Нет, но... - у Блада вспотели ладони. - Я прежде всего думаю о пользе дела - об эффективности использования тех или иных сотрудников Центра для...

— Предоставьте это мне, - перебил его мессир, - не пытайтесь выйти за пределы своих полномочий! - Голос Эссенса вновь сменил оттенок, став из шепелявого раскатистым. "Что за дьяволыщина? - растеряно подумал Блад. - У него что, усилитель-синтезатор в воротнике пиджака? Но зачем?"

— Мне кажется, - продолжал Правитель, пристально глядя на начальника службы безопасности, - что пора прояснить некоторые нюансы, вы не находите? В последнее время вы стали... э-э-э... чересчур самостоятельным. Это нехорошо, Джейк. Не забывайте, кто вы, и кто я, и какая между нами разница! Или вам кажется, что периодически заменяя меня в постели нашей милой девочки, - он мельком взглянул на Стэрди, - вы с таким же успехом сможете заменить меня и здесь, в этом кресле? Уверю вас, господин Блад, вы заблуждаетесь - опасно заблуждаетесь!

"Да он же попросту издевается! Играет со мной, как кошка с мышкой! Но неужели он не знает, что военные только ждут моего приказа, чтобы перевернуть здесь всё вверх дном?"

— И не слишком уповайте на ваш контроль над силовыми структурами и над отрядами штапов, - Эссенс словно прочёл мысли хайерлинга. - Я всегда думаю на два хода дальше, чем вы. Проект "Индиго" принёс свои первые реальные плоды - есть уже первые новые люди, готовые идти с нами рядом и помочь нам в осуществлении наших начинаний. Кто они, сколько их, и как они получают приказы - от меня, заметьте, только от меня! - вам знать необязательно. Вы и так достаточно... любопытны - даже решили следить за мной. Но могу вас заверить, что эти наши новые люди, - он подчеркнул слово "наши", - ничуть не уступят в бою "ночным призракам". А что упомянутые "призраки" натворили в Приюте-семнадцать, вы, надеюсь, прекрасно помните.

Взгляд Стэрди жёг Блада, да и само её присутствие действовало на Джейка, как шпоры на норовистого скакуна. И хайерлинг первого ранга поднялся с кресла, словно бросаясь вниз с высокого обрыва.

— Ты прав, Арчи, - резко бросил он, преодолевая сухость в горле, - пора расставить все

точки. Думаю, что ненужных свидетелей здесь нет, так что давай поговорим начистоту.

Блад шагнул вперёд. Теперь его и Эссенса разделял только стол - ничтожная преграда для профессионала рукопашного боя, способного преодолеть это препятствие одним рывком. Стэрди по-прежнему оставалась неподвижной, и Джейк был уверен, что не получит от неё удар в спину. Стол перед мессиром пуст, а если у Мумии и есть какое-то оружие в столе или под одеждой, достать его он уже не успеет - никак не успеет. У самого Блада оружия тоже нет, но оно ему и без надобности. Один удар, и...

— Ах, Джейк, Джейк, - Эссенс покачал головой. - Меня всегда изумляло, насколько глупой бывает молодость...

Кресло Эссенса отлетело в сторону, а сам он необъяснимым образом оказался стоящим на ногах у самого экрана, по которому величественно плыли облака. А в следующую секунду Блад почувствовал себя опасно близким к сумасшествию.

Кожа на лице мессира - жухлая кожа мумии - зашевелилась. Она сползала лоскутами и осыпалась с пергаментным шорохом. А под отваливающимися клочьями мёртвой плоти проступило лицо - молодое лицо мужчины в расцвете сил. С треском отлетели пуговицы, пиджак ненужной тряпкой упал на пол, следом упали рубашка и брюки. Мессир остался почти голым - в одних узких плавках, подобных тем, в которых выступают в боди-билдинг шоу.

Трансформация не ограничилась только лицом. Кожа с бесформенного старческого тела отваливалась целыми пластами, словно кора с гнилого дерева. Но под корой оказалась отнюдь не труха - там было крепкое молодое тело с рельефной мускулатурой, способное вызвать зависть мужчин и вожделение женщин. Змея меняла кожу и обновлялась.

Джейк не стал размышлять над природой увиденного - он и так потерял целых две секунды, ошеломлённый небывалым зрелищем. Хайерлинг прыгнул - чёрт там или дьявол, теперь уже всё равно. Отступать некуда - точка возврата пройдена. Блад прыгнул, и...

...ощущение было таким, будто он со всего размаху напоролся на железнодорожный рельс. Оглушительный удар отбросил Джейка назад, он пролетел несколько метров и рухнул навзничь посередине кабинета. Попытался подняться - и не смог, тело не слушалось. Вот это был удар!

— Ах, Джейк, Джейк, - укоризненно повторил Эссенс (или кто это теперь был?), потирая левой ладонью костяшки правой. - Мне известны твои таланты в сфере убийства людей голыми руками, и я заранее позаботился о том, чтобы эта моя новая оболочка, - он любовно погладил себя по мускулистой груди, - обладала бы соответствующими навыками. Ну что, точка поставлена? И как быстро! Я и не ожидал, что ты окажешься таким хлипким, мой верный хайерлинг. Профессор Чойс сдержал своё обещание - прекрасная работа! Он сделал почти невозможное и заслужил место в будущем - в нашем будущем. То есть в моём - ты ведь уже не наш, Джейк.

Стэрди безмолвствовала, словно её тут и не было. Блад снова попытался встать, и снова его попытка оказалась тщетной. Тело не слушалось - оно превратилось в кучу ваты, не подчиняющейся отчаянным приказам мозга.

— Конечно, можно было бы и не устраивать этот спектакль. Таскать на себе весь этот камуфляж, когда тебе так хочется по-настоящему насладиться своим новым молодым телом, - пренебрежительно, - Эссенс одним легким движением приблизился к столу. - Но в этом мире так мало настоящих развлечений! Особенно когда тебе уже много лет, и ты всё в этой жизни попробовал и испытал. Вот я и решил устроить театр одного актёра - для очень узкого круга зрителей. В любом человеке дремлет артист, и так хочется хоть раз в жизни сорвать бурю аплодисментов. Как, нравится? - обратился он к секретарше. - А вот эта штука, - мессир положил ладонь на свои эффектно вздутые спереди плавки, - тебе очень понравится, не сомневаюсь. Ты ведь ставила на победителя, верно? Победитель определился, все точки расставлены. Хотя нет, не все - осталась одна, последняя.

Он выдвинул ящик стола и достал оттуда тяжёлый автоматический пистолет. Держа оружие в опущенной правой руке, мессир подошёл к Стэрди, заглянул ей в глаза и протянул

пистолет телохранительнице.

– Давай, девочка, - сделай свою работу. Проигравший платит по счётам. Наш Джейк абсолютно прав - свидетелей здесь нет, системы контроля заблокированы. А потом павшему при выполнении ответственного задания хайерлингу первого ранга Джейку Бладу будут устроены пышные похороны, и мы с тобой уроним скупую слезу на его могилу. И будем жить дальше, и очень долго жить, девочка.

Стэрди взяла оружие. Джейк, хотя он по-прежнему не мог шевельнуться, видел, что Эссенс настороже, и вздумай их общая любовница развернуть ствол не в ту сторону, эта попытка тут же будет пресечена. Похоже, что это понимала и сама Стэрди. Мессир уже продемонстрировал своё умение владеть своим новым телом - так вот чем он занимался, ускользая из-под наблюдения! Правда, навыки не приобретаются за столь короткий срок, но что знал Блад о возможностях клонирования? Очевидно, профессор Чойс мог теперь не только вырастить новую ткань или орган, но и придать специфические особенности обновлённому экземпляру. Недаром быстрота реакции штампов изумляла даже бывалых командос...

Мессир стоял рядом со Стэрди, на расстоянии протянутой руки, наблюдая и за ней, и за лежащим на полу Бладом. И Джейк не сомневался - "роскошная смерть" выполнит приказ Эссенса и выстрелит. А что ей ещё оставалось делать? Правила игры, приз в которой - власть над миром, хорошо известны всем её участникам. И что с того, что она стонала от наслаждения в объятиях хайерлинга? Мессир со своим новым телом одарит её и не такими ласками. Женщины - это цветы, украшающие власть, и сладкий приз победителя. А победитель - Эссенс.

Держа пистолет обеими руками, Стэрди подняла оружие. Глаза её были холодны и пусты. Глядя в чёрную точку ствола - в чёрную дыру, через которую вот-вот вытечёт его жизнь, - Блад не испытывал страха. Ему было досадно, и ещё он почему-то сожалел о том, что так и не узнал, а какова же в постели та ведьма со змеиным ожерельем на шее...

Выстрела он не услышал. Он услышал короткий смачный хруст и не сразу понял, что произошло.

Правая рука Стэрди сорвалась с рукоятки пистолета и описала короткую смертельную дугу. Движение было настолько стремительным, что глаз его не отметил. Если командос завидовали солдатам-клонам, то Стэрди могли позавидовать даже гремучие змеи или зелёная мамба. Телохранительница мессира не зря носила своё прозвище.

Ребро ладони "роскошной смерти" с хрустом врезалось в горло Эссенса чуть выше кадыка. Мессир успел заметить это движение, но не успел перехватить руку Стэрди или даже просто опустить подбородок.

Ещё секунду он стоял, потом обмяк и покачнулся. Глаза Эссенса остекленели, ноги подогнулись, и великолепный образчик элитного человека будущего упал лицом вниз - мёртвый, как та сухая кожа, которую он только что сбросил.

Стэрди проводила глазами падение трупа, а затем перевела взгляд на Джейка. Она так и не опустила пистолет, и рука её не дрожала под его весом. И хайерлинг готов был поклясться чем угодно - "роскошная смерть" размышляет, а не пристрелить ли заодно и его, Блада? Но теперь он был уверен - Стэрди не выстрелит. Эта женщина обладала не только внешностью, постельными талантами и умением молниеносно убивать без оружия, но и здравым умом. И она прекрасно понимала, что в сложном клубке интриг, сплетённых внутри Центра, у неё слишком мало шансов самостоятельно занять одно из первых мест. Кто она такая в сложной иерархии мессиров и хайерлингов? Одно дело - Джейк Блад, начальник службы безопасности, контролирующий мускулы - вооружённые силы - и пользующийся авторитетом среди военных, и совсем другое - приближённая одного из Правителей (пусть даже очень весомого), да к тому же ныне покойного. И Стэрди не выстрелила.

Вместо этого она положила пистолет на стол и негромко сказала:

– Вставай, Джейк. Спектакль окончен, аплодисментов не будет. Актер играл бездарно - он слишком увлёкся внешними эффектами.

Это были первые произнесённые ею слова с того момента, как Блад переступил порог кабинета Эссенса.

Джейк с трудом приподнялся на локтях и со стоном снова упал на спину. Перед глазами колыхалась серая муть, а голова раскалывалась от боли.

— Не могу... - прохрипел хайерлинг. - Дьявол... Чтоб ему в аду... "Почему я вообще не потерял сознание? - подумал он через пелену мутной боли. - Наверно, Арчи точно рассчитал удар, - какой смысл разыгрывать спектакль, когда зритель в отключке...".

Стэрди секунду подумала, изучающе глядя на Джейка, потом, небрежно перешагнув через мёртвого Правителя, порывалась в его столе и извлекла оттуда упаковку разноцветных ампул. Присев возле бессильного тела хайерлинга - при этом её колено чуть коснулось его щеки, - она разорвала упаковку, достала ампулу-самовпрыску и приложила её к запястью Блада.

— Сейчас поможет.

Помогло - через минуту Джейк смог встать, хотя его шатало. Он попытался сделать шаг и тут же зашипел от боли во всём теле.

— Вот же сволочь... Так попасть в болевую точку...

— Не ной! - оборвала его Стэрди. - Ты мужчина или нет? Времени мало - надо действовать.

— Круто ты, дорогая, - Блад попытался улыбнуться, и это у него почти получилось. - Надеюсь, ты не будешь столь же бесцеремонна со мной на людях?

— Не буду, - одними губами усмехнулась она и добавила. - Мессир Блад.

— Предпочитаю генерала, - пробормотал хайерлинг. - Мессир, - он бросил взгляд на ворох органических лохмотьев у стены-экрана, и его передёрнуло, - плохо кончают, как мы имели удовольствие видеть.

— Насчёт кончать - это у тебя всегда выходило классно, - ухмыльнулась "роскошная смерть", - и самое главное, вовремя. На, вколи ещё одну, - она протянула Джейку вторую ампулу, - и за дело, генерал Блад.

Стэрди оказалась незаменимым помощником. Вряд ли Эссенс посвящал её во все тонкости, но она сама сумела разузнать всё необходимое - мужчины слишком часто считают женщин глупее, чем они есть на самом деле. И в сложной паутине связей личного терминала безвременно почившего мессира его секретарша разбиралась превосходно.

Распоряжения военным Джейк отдал быстро - на этот случай у него давно уже был припасён специальный код-сигнал; оставалось лишь передать его на личные коммуникаторы генералитета. Отряды штапов, возглавляемые офицерами, тщательно подобранными самим Бладом, немедленно приступили к боевому развёртыванию. Джейк знал - по всем уровням и Головного Центра, и периферийных Центров уже бегут исполнительные и нерассуждающие биороботы, для которых выполнение приказа - единственный смысл существования.

Сложнее обстояло дело с политиками и финансистами. Да, какой-то организованной группировки, способной оказать перевороту серьёзное сопротивление, среди них не было, но вероятность непредсказуемой реакции на смену тайной власти существовала. Поэтому Блад выждал, пока не пришли доклады от всех боевых частей о завершении развёртывания, и только потом занялся оповещением мессиров и прочих значимых фигур на игровом поле.

Как Блад и ожидал, энергичного отпора его действиям не последовало. Его очень многие знали, и многие боялись. Если кто из мессиров и лелеял втайне желание занять место Эссенса после его смерти, то к такому резкому повороту событий никто из них не был готов. Да и внешне всё осталось по-прежнему - та же страна, тот же президент, та же конституция. И какое дело рядовому обывателю до того, что в каком-то там научно-исследовательском центре скоростно скончался директор, и его место занял его заместитель? А в закулисы - там действовали свои законы.

И уже между делом Блад связался с преданным лично ему хайерлингом третьего ранга, ведавшим охраной уровня "Z". Через три минуты после получения приказа на контрольном дисплее кабинета появились три фигуры, замершие у входного контура, - хайерлинг и два

солдата-штампа, бесстрастные, как каменные идолаы с острова Пасхи.

– Заберите тело, - коротко распорядился Джейк. - В холодильник. Дело чрезвычайной важности. Есть подозрение, что произошла подмена личности. Как - предстоит выяснить. Мессира Эссенса больше нет. Командую я. Вопросы?

Вопросов не было. Штampы сноровисто упаковали тело мёртвого атлета в пластик, а офицеру Блад сказал:

– Времена меняются. Вторые становятся первыми, третьи - вторыми. Ты меня понял?

– Я понял вас, мессир.

– Генерал, - поправил его Джейк. - Времена изменились - хватит с нас мессиров.

– Я понял вас, генерал, - послушно повторил хайерлинг третьего ранга и козырнул.

...Когда всё было сделано, и ритуальная фраза: "Мессир Арчибалд Эссенс скончался от внезапного апоплексического удара, - Блада так и подмывало добавить "в горло", - бремя власти принял генерал Джейк Блад" дошла до всех, кто должен был её услышать, Джейк напрямик спросил Стэрди.

– Послушай, а почему ты не выстрелила?

– Когда? - хладнокровно уточнила та. - В первый раз или во второй?

– Гхм... В первый, конечно, - ответил новоиспечённый генерал, подумав при этом: "Видал я циников, но ты, крошка, дашь им сто очков вперёд..."

– А мне воины нравятся больше торговцев. И я по гроб жизни буду помнить запах разлагающейся плоти Арчи, - на лице Стэрди проступило выражение гадливости, - им пропахла вся его постель.

– Постараюсь до такого не дожить.

– Надо просто вовремя омолодиться, - "роскошная смерть" пожала плечами. - Арчи - мир его праху! - наглядно продемонстрировал нам, что это возможно. А профессора Чойса теперь надо беречь как зеницу ока - не дай бог, с ним случится какое-то несчастье.

– Знаешь, в древности ты по праву заняла бы трон какой-нибудь царицы.

– Думаю, что и в настоящем это возможность для меня не потеряна.

Блад внимательно посмотрел на женщину и понял, что та отнюдь не шутит.

– Надеюсь, ты не будешь спихивать меня с этого трона? - спросил он полушутя.

– Если нам с тобой там не будет тесно, - Стэрди не отвела взгляда, и в голосе её не было и тени шутливости, - нет, не буду. И ты мне всё-таки небезразличен, Джейк.

– Благодарю за откровенность. Ну что ж, поиграем в королевскую чету.

– Поиграем. И каким будет наш первый ход?

– Экстренное совещание Правителей - пора действовать. Террористы так и не осмелились нанести удар, на который можно было бы ответить атомными бомбами, а население планеты растёт. Значит, надо начинать самим.

– Рискованно, - покачала головой Стэрди. - Ядерное оружие есть у многих, в том числе у Поднебесной Империи и у эмиров Нового Халифата. Как бы самим... не обжечься. Надёжных убежищ мало, а штампов в нашем распоряжении пока только тысячи, когда надо раз в десять больше. И ещё эти "ночные призраки"...

– Кстати, эти прирученные индиго, о которых говорил наш покойный мессир? Ты что-нибудь о них знаешь? Или это блеф?

– Думаю, не блеф. Что-то такое и в самом деле есть. Не думаю, что это боеспособный многочисленный отряд магических воинов, хотя всякое может быть. В компьютере Эссенса есть ряд файлов под его паролем - дай срок, и я их вскрыю. Тогда и посмотрим. И ещё одно - войну ведь можно начинать по-всякому. Например, можно указать на нового врага, причём на такого, война с которым обернётся очень большой кровью. Понимаешь, кого я имею в виду?

– Понимаю, - Блад медленно кивнул. - Да, Стэрди, в древности ты по праву заняла бы трон какой-нибудь царицы - и в настоящем тоже.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. СЕРПЕНТА

Гудящее пламя костра рвалось в тёмное небо, как будто силясь откусить от него кусок. Огонь менял оттенки, обретая то алый цвет крови, то желтизну золота, то багрянец солнца, сажающегося в океан над умирающим миром. Деревья испуганно шевелили ветвями, словно заслоняясь от палящей ярости огня, и робко шептали что-то неразборчивое, прося пощады.

Женщина в тёмном, ниспадающем до земли одеянии стояла у костра, и звучание её голоса изменялось в такт дыханию пламени. И светились яркими точками глаза змеи, обвившейся кольцом вокруг шеи женщины и чуть приподнявшей голову. А вокруг костра сидели люди - многие сотни людей. Люди слушали голос женщины со змеей, заворожено глядя в огонь.

— Мы пришли, и прежние, не достигшие высот и не сумевшие жить, должны уйти. Это закон - закон Вселенной! - Костёр выбросил крутящийся клуб пламени, и голос женщины в чёрном окреп, подхваченный этой вспышкой. - Новому - жить, старому - умирать. А если старое не хочет умирать и путается под ногами у нового, отчаянно цепляясь за последние мгновения бытия, новое поможет ему уйти.

Связанная тысячами трепещущих незримых нитей с внимавшими ей ньюменами и детьми-индиго, Змея купалась в потоках Силы - сила переполняла её и пьянила. Она сейчас может всё! Стоит только захотеть - и рухнут горы, и реки изменят свой путь, и высохнут моря, превратившись в прокалённые беспощадным жаром пустыни. И жалкие людишки - те, что наивно мнят себя хозяевами этого мира, червяки, копошащиеся в паутине придуманных ими самими нелепых правил и ограничений, будут корчиться у её ног, на что-то надеясь - напрасно надеясь.

— Несовершенные, тысячелетиями убивавшие себе подобных, будут сопротивляться - они не уйдут без боя. Значит, мы дадим им бой и станем хозяевами этого мира - по праву сильного, по праву нового, по праву более совершенного. Да, их гораздо больше, но мы - мы сильнее, и мы победим!

Перед внутренним взором женщины со змеей на шее всплывали картины прошлого - далёкого прошлого. Так же рвался к звёздному небу огонь огромного костра, и остро пахло звериными шкурами, и лязгало во тьме оружие. Воины кланов слушали её - точно так же, как слушают её сейчас другие воины, несравненно более могущественные. И она сама - она повелевает ныне куда более грозными силами: теми, что однажды уже откликнулись на её зов и явили гнев свой...

Сerpента чутко следила за аурами людей у костра. Она знала - сотни бойцов-ньюменов, "истинных новых людей", воспитанных ею самой, пойдут по её слову куда угодно. Но вот с тысячами детей-индиго, собранных со всех концов планеты и похищенных из Приютов, сложнее - Змея ощущает их колебания. "Война? Зачем? Разве мы не можем поделить этот мир, который так велик, и жить рядом, вместе, не мешая друг другу? Неужели обязательно надо кого-то убивать - разве это справедливо?". Владение магией подразумевает иную этику, отличную от примитивной этики обезьяноподобных, - будь проклят этот закон, так мешающий сейчас женщине со змеей-ожерельем на шее! Ничего, она сумеет доказать этим детям, из которых скоро вырастут воины, что иначе нельзя - никак нельзя. Или ты, или тебя - по-другому не получится. И ей помогут убедить неофитов сами несовершенные - помогут тем, что первыми бросятся на людей-индиго в слепом ужасе: в ужасе перед могущественным непонятным (и значит, опасным!) новым.

Инкарнированная в теле женщины-индиго душа друидессы древних кельтов и вдовы погибшего в Цусимском бою матроса с броненосца "Ослябя"⁹ впитала в себя мудрость многих перевоплощений. Но мудрость бывает разной, в том числе и жестокой, хотя сама она полагает эту жестокость разумной...

⁹ Роман "Колесо Санасары".

Не найдя Хайка ни в одном из вертолётот, Мэй взбунтовалась.

– Вы убили его! - закричала она. - Убийцы, убийцы!

Она бросилась на Змею с кулаками, и той стоило немалых усилий удержать отчаянно бьющуюся и кусающуюся девчонку. К счастью для предводительницы истинных ньюменов, ослеплённая яростью Мэй не сообразила пустить в ход свои специфические способности, и вертолёт благополучно приземлился, а не рухнул вниз на полдороге вместе со всеми своими пассажирами.

Напрасно Серпента уверяла, что они и пальцем не тронули никого из воспитанников Приюта, что "призраки" пришли для того, чтобы вырвать детей-индиго из лап Попечителей, а не за тем, чтобы их убивать, - Мэй её не слушала. Змея хотела уже парализовать девочку (хотя ей очень не хотелось прибегать к насилию, доверие - материя тонкая), но тут вмешался один из находившихся в вертолётот и наблюдавших всю эту дикую сцену подростков.

Мальчишка рассказал, что ещё задолго до ночной атаки в Приюте поднялась тревога. Воспитатели бегали по этажам "как ошпаренные кипятком тараканы", заглядывали во все комнаты, проверяя, все ли воспитанники на месте, и вообще "стояли на кончиках ушей". Из обрывков их разговоров (и мыслей) паренёк понял, что пропал кто-то из детей, а как - никто из воспитателей не может понять. А одна из девочек добавила, что поздно вечером она, подчиняясь смутному чувству, выглянула в коридор и увидела неясный зыбкий силуэт, промелькнувший у выхода на лестничную площадку. И вскоре началась та самая ночная сумятица.

Мэй немного успокоилась и села в дальний угол, обхватив руками колени, хотя время от времени поглядывала на Серпенту исподлобья. Та вроде бы и не обращала на строптивую девчонку внимания, однако Мэй чувствовала, что на самом-то деле женщина со змеиным ожерельем на шее не спускает с неё глаз: причём не в прямом смысле слова, а... И Мэй мало-помалу начала понимать, что значили слова Змеи: "Я такая же, как и ты, только постарше тебя, и умею намного больше". Именно так - *умею намного больше*. И в этом девочку-индиго убедила не проплавленная броня на спине солдата-охранника, а ощущение незримой - но очень прочной - нити, на которой её держала сейчас Серпента.

Вертолётоты шли над самой землёй, прячась от радаров, но Мэй видела напряжённые лица ньюменов и догадалась, что сподвижники Серпенты не уповают только на этот манёвр. "Призраки" *работали* - Мэй улавливала энергетические колебания, - и работа эта была не из лёгких. Девочка видела, как они уставали - кожа всё резче обтягивала скулы, под глазами сгущались сиреневые тени. Осторожно *пошарив* вокруг, Мэй нащупала тоненькую силовую *вуаль* и поняла, в чём дело: ньюмены экранировали стремительно несущиеся сквозь ночь машины от визуального и приборного обнаружения. Окружавшее вертолётоты поле отличалось от того, которое окутывало подземную комнату в Приюте, хотя природа этого поля была той же самой. Но в подземелье работали "глушилки", а здесь - здесь поле генерировали люди, без помощи какой-либо техники.

"Вот это да! - с уважением подумала она. - А я - я смогу когда-нибудь вот так же..." - и вдруг поймала чётко различимую мысль Серпенты: "*Конечно, сестрёнка!*". Ниточка-привязь работала исправно.

Они летели недолго - меньше часа. Один из ньюменов вдруг пошатнулся, лицо его побелело, и он бессильно осел на пол кабины, свесив голову на грудь. Змея тут же сделала жест ладонью - вниз, - и вертолётоты один за другим дружно пошли на посадку.

Серпента хорошо знала пределы возможностей своих бойцов - машины как раз дотянули до укромного уголка, где их уже ждали. Без спешки, но и без промедления "призраки" усадили детей в автобусы, и те с урчанием направились в разные стороны - всё было продумано и подготовлено заранее. Оказавшись в одной машине со Змеей (и более того, на одном сидении), Мэй ничуть не удивилась, хотя и подумать не могла, что это именно из-за неё ньюмены разгромили Приют - она узнала об этом гораздо позже.

Мэй уже успокоилась. Теперь она была уверена - Хайк жив, и с ним не случилось ничего плохого; значит, они встретятся - а как же иначе? Однако девочка поостереглась мысленно звать друга: ньюмены (в особенности Серпента) - это вам не тупая электроника. Да, "призраки" не сделали ничего плохого никому из детей (наоборот, они обращались с ними крайне заботливо); да, они настроены очень дружелюбно по отношению к бывшим воспитанникам Приюта (ауры не обманывают); да, Мэй смутно ощущает то, что называется "мы с тобой одной крови, ты и я", но... Пусть уж лучше Хайк остаётся на свободе - да, так будет лучше. В конце концов, ещё неизвестно, что понадобится от них ньюменам, - а ведь ни она сама, ни он (девочка успела немного изучить характер Волчонка) не будут ничего делать не по своей воле! Попечители вон тоже мастера петь сладкие песни, а что у них на уме...

- Никто не собирается тебя ни к чему принуждать, сестрёнка, - Серпента, глядевшая до этого в темноту за стеклом автобуса, повернула голову. - Да, мы с тобой одной крови, ты и я, это ты верно подметила. И этим всё сказано. Подробности - ты их узнаешь, и скоро. А твоего парня мы найдём. Чем скорее он окажется у нас, тем будет лучше - для вас обоих. - Серпента улыбнулась, но глаза её при этом остались холодными - такими же, как маленькие неживые глаза змеи на её ожерелье.

"Вот дурёха! - мысленно обругала себя Мэй. - Совсем забыла, с кем имею дело... Как это, оказывается, неприятно, когда тебя читают, словно раскрытую книгу! Придётся дробить и прятать мысли". - Последнюю мысль девочка тут же *растёрла* - так, как они делали это с Хайком, обманывая аппаратуру контроля психополя. И вроде бы получилось - во всяком случае, Серпента ничего ей больше не сказала.

Под утро автобус остановился на лесной поляне, где располагалось несколько уютных коттеджей. Дети настолько устали от всех перипетий этой ночи, что большинство из них уснули ещё в автобусе, и ньюмены бережно переносили спящих индиго на руках. Дремавшая на ходу Мэй гордо отказалась от помощи и сама дошла до постели, но уснула тут же, как только коснулась головой подушки. И до самого последнего момента бодрствования девочка ощущала невидимую тугую нить, связывающую её и Серпенту.

* * *

Проснулась она от ощущения солнечного луча на щеке. Ощущения *нити* не было, но Серпента была здесь, рядом, и внимательно смотрела на проснувшуюся Мэй.

- Доброе утро, - голос предводительницы ньюменов звучал дружелюбно и мягко. Не верилось, что эта женщина ночью шла по трупам, щедро рассеивая смерть направо и налево. - Пора вставать, сестрёнка Мэй. Вопросы потом, - Серпента подняла руку. - Сначала поешь, а потом мы будем говорить.

- Кто это мы? - хмуро буркнула Мэй.

- Мы - это мы: истинные новые люди и вы, дети-индиго, которые вправе выбирать, кем вам быть.

Через полчаса на поляне собрались пятнадцать индиго в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет - в эту группу отобрали самых старших - и трое ньюменов во главе со своей предводительницей. Дети были спокойны, чего нельзя было сказать о Серпенте - она напоминала туго натянутую струну.

- Братишки и сестрёнки, - начала Змея, заметно нервничая. - Вы самые старшие, и вы хорошо знаете, кто вы такие. Люди называют вас детьми с паранормальными способностями, и они...

- А мы разве не люди? - спокойно осведомился рыжий веснушчатый мальчишка.

- Люди, - как ни странно, к Серпенте при этой реплике вернулось спокойствие, - но не просто люди, а *новые* люди. Вы будущие хозяева этой планеты. Вы все изучали историю, и знаете о неандертальцах и кроманьонцах - так вот, вы те самые кроманьонцы, которые сменяют обезьяноподобных, не сумевших стать настоящими людьми.

Серпента замолчала и оглядела детей-индиго, ожидая реакции на свои слова, однако

все молчали, лишь в глазах бывших воспитанников Приюта появился неподдельный интерес - так с ними ещё никто не разговаривал. И Змея почувствовала этот интерес.

— Почти всех из вас продали в Приют ваши родители. И все вы испытали на себе, как смотрят на вас обычные дети - с завистью и страхом, постепенно переходящим в ненависть. А Попечители - вы нужны им как удобный инструмент, довесок к компьютерам, который можно использовать для сохранения существующего порядка вещей - порядка, в котором вам нет достойного места. Несовершенные боятся вас и завидуют вам, а страх и зависть - плохие помощники. Вас держали в стенах Приюта под недремлющим электронным оком и под готовыми к запуску "глушилками". Были в Приюте и другие комнаты: она, - Серпента показала на Мэй, - знает об этом.

— А разве ты сама, - тут же взъерошилась девочка, - не держала меня на цепочке, словно пёсика? И разве все воспитанники так уж радостно пошли с вами после того, как ты со своими учинила в Приюте кровавый погром? Нет, вы увезли нас силой, разве не так? Чем же вы тогда лучше Попечителей, а?

— Кое в чём ты права, сестрёнка Мэй, - невозмутимо согласилась Серпента. - Да, нам пришлось... м-м-м... чуть-чуть поколдовать, чтобы вы с перепугу не наделали глупостей. Вы всё-таки ещё дети, хотя по интеллекту стоите академиков из обезьяноподобных, не говоря уже о ваших сверхспособностях. Вы новые люди, запомните это! Вы - будущее этого мира, будущее, которое хотят посадить на привязь, и не на час-другой, а на всю жизнь! А чем мы лучше Попечителей - тем, что мы такие же, как и вы. И на нас тоже смотрели косо, и кляли, и шипели нам в спину! А бывало, - она горько усмехнулась, - и похуже. И ещё одно: мы не держим никого из вас. Да, да, не держим, - повторила Серпента, заметив недоумение на лицах ребят. - После того, как вы меня выслушаете, вы будете выбирать, что делать дальше. Кто захочет - останется здесь, кто решит по-иному - мы можем вернуть вас в любой Приют. Их тут много, этих оранжерей строгого режима для чудо-детей... Можем даже отвезти желающих к их родителям - правда, в этом случае вы тоже скоро окажетесь в Приютах. У Попечителей на вас оформлены опекунские права, и ваши законопослушные и чадолюбивые папы и мамы не будут спорить - они ведь достойные члены общества несовершеннолетних! К тому же они получили за вас деньги - много денег! - а деньги для обезьяноподобных - это всё.

Мэй призналась себе, что убеждать Серпента умеет. И она говорила правду - Мэй хорошо помнила, о чём думала её мать, когда в их доме появился человек по имени Джейк Блад.

— Несовершенные изучали вас, - продолжала Серпента звенящим голосом, - а мы - мы будем вас учить. Например, вот этому, - на её ладони родился слепящий шар и обернулся воющей огненной спиралью, начисто сбившей верхушку ближайшего дерева, - и многому другому. Это магия - настоящая магия, доступная вам, новым людям этого мира.

"После такого фейерверка мальчишки точно останутся, - подумала Мэй, - все. Хайк запрыгал бы от восторга".

Она ошиблась, но не намного: остались все - и мальчишки, и девочки. Да, Змея умела убеждать. И самое главное - дети-индиго почувствовали в ней *свою*. А этого им всем так не хватало...

Посёлок в лесу жил своей жизнью. Когда-то здесь была летняя база бойскаутов, а затем Серпента каким-то образом (впрочем, Мэй догадывалась, *каким* именно) выкупила весь этот участок в личную собственность. Посёлок значился на карте, но местные власти почему-то не проявляли к нему особого интереса (опять-таки *почему-то*), а среди простых граждан этой страны не принято было совать свой нос в пределы чужой частной собственности. Живут себе там какие-то люди, никому не мешают, ни в чём предосудительном не замечены - так в чём проблема? Правда, оставалось не очень понятным, как Попечители обошли своим вниманием эти коттеджи в лесу - тут, как подозревала Мэй, не обошлось без магии (и совсем простенькой, на уровне воздействия на сознание чиновников и блюстителей порядка, и посложнее - вплоть до сбивания с толку континентальной следящей системы "гражданской

безопасности" в этом районе и локальной экранировки от средств наблюдения с орбиты).

Серпента уделяла Мэй особое внимание. У Змеи было много хлопот - ей подчинялись сотни (если не тысячи) ньюменов, разбросанных по всей стране. Она постоянно держала в голове множество дел, каждое из которых было важным и не терпело отлагательства. И тем не менее, она зачастую проводила с Мэй целые дни, а когда возвращалась в посёлок после отлучки, то первым делом спрашивала у девочки: "Ну, как дела, сестрёнка Мэй?". Мэй поначалу дичилась и держалась насторожённо, но в конце концов Серпенте удалось растопить ледок отчуждения самым верным способом - терпением и пониманием: она умела не только говорить, но и слушать. Мэй рассказала Змее свою немудрёную историю, а когда девочка-индиго узнала историю жизни самой Серпенты, ей стало страшно, и одновременно захотелось тоже назвать эту молодую женщину - она была старше Мэй всего на одиннадцать лет - сестрой.

...Они сидели у негромко бормочущего ручейка, и пятнистая тень листвы выплетала на траве причудливый узор.

— Да, сестрёнка, - тихо сказала Серпента, выслушав рассказ девочки, - кое в чём наши с тобой судьбы схожи. Но, - в её глазах появился пригасший было и уже хорошо знакомый Мэй злой блеск, - есть и различия.

Ты не слишком, как я поняла, любила своего отца, а я, - она помолчала, - я своего отца любила. Я помню его чуть ли не с момента моего рождения - мы, индиго, сама знаешь, рано начинаем помнить себя и ощущать окружающий нас мир. Я родилась не в этой стране, а там, - Серпента махнула рукой куда-то на восток, - далеко. Мой отец делал карьеру - работал в очень крутой фирме и зашибал большие бабки. Там тогда из ничего делались огромные состояния, и вчерашние бандиты становились уважаемыми бизнесменами... И вдруг - мне было тогда около трёх лет - он всё бросил и стал заниматься только мной, за что я ему благодарна. Нет, отец продолжал работать - в другой фирме, - и хорошо зарабатывал, но я - я стала для него главным делом жизни.

Мы очень быстро воспринимаем информацию - в любом виде: книги, видео. Я даже научилась напрямую считывать данные с компьютерных винчестеров - я покажу тебе, как это делается. Я буквально поедала всё, до чего добиралась. Мать даже беспокоилась, не повредит ли мне такое усердное восприятие знаний, накопленных за тысячелетия истории, однако отец только посмеивался. И он радовался моим успехам - искренне радовался! И при этом никогда - никогда! - не делал даже попыток выставить меня напоказ. Однажды я сама предложила ему обратиться к учёным авторитетам, - Змея скривилась, произнося эти слова, - но отец только сурово посмотрел на меня и сказал всего пять слов: "Нельзя. Это опасно. Для тебя". Иногда мне казалось, что он чувствует за собой какую-то вину, и что он искупает эту вину заботой обо мне. Наверно, так оно и было - я не успела посмотреть...

— Посмотреть? - не поняла Мэй.

— Посмотреть прошлое моего отца и ленту его реинкарнаций. Я научилась этому уже позже, когда его... В общем, он прятал меня от чересчур любопытных глаз, словно боялся чего-то. И скоро я поняла, что отец был прав. Дети чувствовали во мне что-то непонятное - у меня не было ни друзей, ни подруг. Мне неинтересны были их примитивные игры, а они не умели - и не хотели - играть в то, что предлагала я. В школе мне было скучно выслушивать занудливые объяснения учителей, когда они объясняли этим детёнышам обезьяноподобных простейшие вещи, которые любой индиго поймёт раньше, чем научится ходить. Мне делали замечания, я дерзила в ответ... Сверстники объявляли мне бойкот - они месяцами со мной не разговаривали, а когда я изредка что-то у них спрашивала, отворачивались и делали вид, что не расслышали. Тогда я экстерном окончила школу и в четырнадцать поступила в Оксфорд - это такой университет в Англии.

— Я знаю.

— Не сомневаюсь, сестрёнка. К тому времени я уже очень много знала и кое-что умела - примерно то, что ты умеешь сейчас, и даже больше. Спасибо отцу - он позаботился о том, чтобы я узнала как можно больше за кратчайшее время.

В университете было интереснее, но... Через пару лет я могла уже на равных спорить с любым преподавателем, и рано или поздно мной бы заинтересовались. Отец запретил - нет, посоветовал, запретов я не терпела, - мне не высовываться, чтобы не привлекать внимание, и я старалась следовать его совету. Я и в университет могла бы поступить лет в двенадцать, но это было бы слишком необычно. Я уже поняла - несовершенные терпеть не могут, когда кто-то хоть чуть-чуть приподнимается над их средним уровнем. Нет, если ты носишь серьгу в пупке или покупаешь роскошную машину, - что в принципе одно и то же, неважно, чем ты выделяешься, - это допускается и даже приветствуется, а вот когда они замечают, что ты *умнее* - и не скрываешь этого! - всё, твоя песенка спета!

Мэй слушала Серпенту и понимала - да, она права.

- Но в конце концов я прокололась. Как то раз на лекции я не слушала преподавателя - *ушла в контакт*, пытаюсь в очередной раз достучаться до Внешних, и...

- Внешние? А это кто такие? - перебила её Мэй. - Я никогда о них не слышала! Боги, что ли? - девочка иронически скривилась. - Но ведь боги...

- Нет, не боги, - усмехнулась Серпента. - Скорее это индиго, только... Не забегай вперёд, сестрёнка, - ты узнаешь всё, что знаю я. Так вот, педагог заметил, что я его не слушаю, и решил примерно одёрнуть нерадивую студентку - в назидание всем остальным, которые шушукались и перебрасывались любовными эсэмэсками. "Юная леди, - сказал он. - Вы меня не слушаете. Надо полагать, вы в совершенстве знаете всё то, о чём я говорю, не так ли? Не будете ли вы тогда столь любезны продолжить за меня лекцию, а я передохну и с удовольствием вас послушаю!". "О чём он там тарахтел?" - шёпотом спросила я соседку, скромно потупив глазки и послушно вставая. - "О гипотезах появления человека и истории развития человечества..." - также шёпотом отозвалась та, глядя на меня с интересом: как, мол, ты вывернешься, малолетка-всезнайка? И я выдала этому надутому индюку - всё, по полной программе!

Мэй улыбнулась, зримо представив себе всю эту картину, а Серпента продолжала:

- Я рассказала об австралопитеках и синантропах, о неандертальцах и о "снежном человеке", о генетическом родстве всех людей на Земле, о теории Дарвина и о поисках "недостающего звена" - словом, изложила всё, что имелось на эту тему в печатных и сетевых публикациях, - понятное дело, вкратце. Этот тип обалдел, а меня понесло на волне мстительного удовлетворения. И я выдала: "Всё это чушь, господин профессор, и на самом деле всё было совсем не так. Правда, наблюдая некоторых представителей так называемых *homo sapiens*, - точнее, подавляющее большинство из них, - невольно приходишь к выводу о правоте Чарльза Дарвина: человек очень недалеко ушёл от обезьяны, причём даже трудно сказать, в лучшую или в худшую сторону".

Конечно, разразился скандал. Нет, преподаватель оказался достаточно воспитан и сдержан - он не стал устраивать разборки тут же, на глазах изумлённой публики. Чужал, что может оказаться далеко не в самой выигрышной позиции... Он пожаловался в ректорат, меня вызвали. Дело принимало скверный оборот - мною теперь мог заинтересоваться кто угодно, от врачей-психиатров до... до уже известных тебе Попечителей.

- Это в Англии-то? Ведь они же...

- А чему ты удивляешься? Попечители - то есть Правители - распустили щупальца по всему миру. Думаешь, все воспитанники Приютов - исключительно уроженцы этой страны? Как бы не так! Например, тот рыжий парнишка - он из Европы. В общем, я поняла, что вляпалась. Надо было как-то выкручиваться, но тут пришло известие из дома. Страшное известие...

- Твой отец? Он...

- Его убили, сестрёнка Мэй. Застрелили из снайперской винтовки на террасе нашего дома. Во время ужина - прямо на глазах у матери. Он только-только открыл с лёгким хлопком бутылку вина, и упал лицом на стол. Отец опрокинул бутылочку с кетчупом, и мать не сразу поняла, что за красная жидкость забрызгала скатерть...

Серпента замолчала. В глазах её металось тёмное пламя, и Мэй не решалась спросить:

"А что было дальше?"

– Я примчалась домой. Были проблемы с билетами, но я решила их нашим способом - магией. Я уже многое умела, только не применяла на практике. А теперь - применила.

Я не узнала мать - она в одночасье постарела на много-много лет. Отец был для неё солнечным лучом, а она - она была солнечным зайчиком, светом этого луча, отражённым зеркальцем нашей семьи. И вот этот лучик погас... Когда я увидела мать, я тут же поняла, что она проживёт недолго. Так и случилось - я похоронила её через месяц.

Налетели адвокаты, якобы наследники, страховые агенты и прочая разнокалиберная сволочь, норвящая захватить опеку над мной и самое главное - над моей завидной недвижимостью: я ведь была ещё несовершеннолетняя. Но я уже знала, что делать - когда читаешь мысли этих обезьяноподобных, не так сложно найти их слабые места и выход из любой ситуации. Один даже порывался предложить мне руку и сердце, и очень удивился, когда я наотрез отвергла это завидное, с его точки зрения, предложение. Они думали, что имеют дело с глупенькой девчонкой, а на самом-то деле... - и Серпента погладила пальцами крошечную змеиную головку на ожерелье. - Смерть отца разделила мою жизнь на "до" и "после" - умерла взбалмошная девочка-индиго и родилась женщина по имени Серпента.

После смерти матери меня ничто больше не держало в той стране, где я родилась. Ничто, кроме мести.

– И ты...

– Да. Я отомстила. Мать успела рассказать мне кое-что о той фирме, где работал отец, - о той первой фирме. И она сказала мне, что отец всю жизнь чего-то опасался, причём он боялся не столько за себя, сколько за нас с матерью. Я не стала обращаться к властям - я знала, что они ничего и никого не найдут. Прав тот, у кого больше денег; тот, кто может нанять наёмного убийцу, оставаясь при этом в густой тени. Но я уже очень многое знала и умела - пришло время применить это моё знание и умение.

Я нашла киллера - отследила его по тонкоматериальным отпечаткам. Я долго кружила вокруг него - осторожно, чтобы не спугнуть. Он не знал меня в лицо, но до него вполне могли дойти слухи о дочери убитого им человека.

Мы познакомились в ночном клубе - среди похотливых лиц, похотливых мыслей и похотливых аур обезьяноподобных. Убийца быстро клюнул на меня - мне даже не пришлось приманивать его магией. Это было несложно... Правда, когда я просмотрела его мысли и увидела, с каким смаком он предвкушает, как будет иметь меня во всех ракурсах и во все дырки, мне захотелось тут же оторвать ему голову - я знала, что смогу это сделать. Но мне надо было не просто убить тупого исполнителя - мне нужно было узнать, кто отдал приказ.

Конечно, я не могла привести его к себе - киллер узнал бы место. Мы пошли в отель и сняли номер. Как только мы оказались в апартаментах, он тут же начал лапать меня своими потными руками и тащить на постель...

"Я тоже знаю, что такое потные руки на моём теле, - подумала Мэй, вспомнив отчима, - и что такое запах перегара, бьющий тебе в лицо..."

– ...и тогда я его обездвижила. Он лежал на кровати бревном, не понимая, почему тело перестало его слушаться. А я - я счистила с него всю одежду и брызнула ему на грудь яда.

– Яда?

Вместо ответа Серпента чуть подалась вперёд и поднесла к земле сложенные щепотью пальцы. Она чуть прикрыла глаза, и из-под её пальцев брызнула тонкая янтарная струйка. Травинки, на которые попали жёлтые капли, мгновенно пожухли, рассыпаясь в пыль, - по земле разползлось чёрное пятно размером с ладонь.

– Разрушительная субстанция, - пояснила Серпента, - или, если хочешь, заклятье. Привыкай к магическим терминам, сестрёнка Мэй. Живая органика при соприкосновении с этим "ядом" растворяется - мне надо лишь подпитывать заклятье энергией, чтобы процесс не прерывался.

Яд растёкся плёнкой по всему телу убийцы. Он не мог шевельнуться, не мог закричать, - но боль чувствовал: я видела это по его глазам и по его корчащейся ауре. И я упивалась его

болью, и мне было сладко! - голос Змеи упал до шуршащего шёпота.

– Он всё мне рассказал: и кто его нанял, и сколько заплатил. Он не знал, почему моего отца хотели убить, но это уже не имело значения. Его убили, а за что - неважно.

– А если твой отец совершил что-то, - осторожно спросила Мэй, - нехорошее? Извини, Серпента, я не хотела...

– За нехорошее не нанимают киллеров - даже обезьяноподобные. Но мне плевать, что там было, и за что моего отца хотели убить и убили. Это был мой отец - человек, создавший тело, в котором воплотилась моя душа! - прошипела Серпента. - Узнав всё, что хотела, я ушла - теперь мне надо было добраться до заказчика.

– А тот человек? Киллер?

– Я оставила его лежащим на кровати в гостиничном номере. Уходя, я *зарядила* своё заклятье - на следующий день криминальные новости обсасывали подробности о загадочных останках в отеле. Там нашли только потемневшие куски плоти и одежду на полу. Постельное бельё не пострадало, и эксперты не могли это объяснить. Я сдала ключи от номера портье и заставила его забыть о том, что кто-то вообще занимал в эту ночь этот номер. Я могла бы просто убить этого человека - сейчас, наверно, я бы так и сделала, - но тогда я ещё жалела этих несовершенных.

Мэй ощутила исходящую от Серпенты волну ненависти и зябко поежилась, но Змея не обратила на это внимания.

– Тот, кто всё это затеял, был большим человеком. Он принадлежал к бизнес-элите и намеревался выставить свою кандидатуру на ближайших президентских выборах. Похоже, мой отец знал что-то неприглядное из прошлого этого бизнесмена, и перед выборами этот "большой человек" тщательно зачищал тылы во избежание любой случайности, способной нарушить его далеко идущие планы.

Этот обезьяноподобный был очень осторожен, и подобраться к нему - даже мне - было совсем непросто. И всё-таки я это сделала...

Мне удалось попасть на одну его предвыборную пресс-конференцию. Я стояла далеко, на балконе огромного концертного зала, но сумела *зацепиться* и подсадить к нему в карман крошечную золотую змейку - на языке теоретической магии это называется материализация убийственной мыслеформы, - и Серпента вновь коснулась своего ожерелья.

– Он говорил что-то красивым голосом и правильными словами, убеждая всех, как всё будет здорово, когда он станет президентом, а в кармане его пиджака медленно росла его смерть. И когда этот несовершенный уже сел в свой роскошный лимузин, окружённый плотным кольцом охранников, змейка созрела и укусила его в горло...

– И он умер?

– Не сразу, сестрёнка Мэй, не сразу... Он начал разлагаться заживо, и медицинские светила только беспомощно разводили руками. И он умер, источая смрад, - такой же, какой источал всю жизнь. Только на этот раз запах смогли почувствовать все, кто был рядом с ним. После этого я продала дом и уехала - мне там нечего было больше делать. Я изменила всё: внешность, имя, документы - всё, что делает человека опознаваемым, - и приехала сюда, в эту страну

– Зачем?

– Что зачем? Зачем приехала?

– Нет, зачем ты перестала быть прежней?

– Видишь ли, в окружении многих элитариев есть те, кто именуют себя магами. Были такие и у этого человека. Конечно, до настоящих магов им как светлякам до звёзд, но кое-что они умели. Не так уж сложно сложить два и два и связать смерти киллера и заказчика, да ещё такие труднообъяснимые смерти... И обо мне - о моих способностях - всё-таки кое-что было известно, несмотря на все старания моего отца. Уже потом я узнала, что мною интересовались - спрашивали у новых хозяев моего бывшего дома, где я, куда уехала и что собиралась делать. Но мне удалось сбить ищеек со следа. Вот и всё, сестрёнка Мэй.

– И теперь ты, - тихо сказала Мэй, глядя на чёрное пятно на земле, - мстишь всем

людям за смерть своего отца...

– Нет, - покачала головой Серпента. - За него я уже отомстила. И я переросла уровень мести - я научилась другим меркам справедливости и целесообразности. Несовершенные должны уйти - неужели это не ясно? Вспомни, как ты задыхалась среди их аур на улицах; вспомни, кто они такие, и что ими движет! Посмотри вокруг - что они сотворили с этим миром? Ещё немного - и они просто взорвут всю эту планету! И мы - мы, люди-индиго, - должны этому помешать. Ты не задумывалась, а почему мы вообще появились, а? Потому что пришло время - время спасти этот мир и очищать его от грязи, именуемой несовершенными людьми!

– Но ведь среди этих людей были и такие, как твой отец, и наверняка есть другие такие же, и даже лучше. И что, их тоже надо убить?

– Таких мало - очень мало, - возразила Серпента. - Разве ты встречала в своей жизни хоть одного такого человека? Возможно, среди бесчисленных стад обезьяноподобных есть единицы достойных, и если они мне встретятся, я обязательно их сберегу. Но искать таких людей специально - это нерационально. Слишком большие энергозатраты.

– Лес рубят - щепки летят... - пробормотала Мэй.

– Ого! - удивилась Змея. - Ты знаешь русские пословицы?

– А почему бы и нет? Мы, индиго, - сама знаешь, - очень быстро впитываем любую информацию!

– Ты способная ученица, сестрёнка, - усмехнулась Серпента. - Из тебя будет толк!

"Толк, который нужен тебе? Ты ведь и не собираешься искать достойных людей - ты намерена смести всех, без разбору!" - подумала Мэй и тщательно *раздробила* свою мысль - она отнюдь не предназначалась Серпенте.

* * *

Пламя костра никло, жалось к земле и медленно угасало, оставляя рдеющие угли. Серпента отпускала нити, связывающие её и людей-индиго, - ритуал заканчивался. И Мэй чувствовала изменения в аурах индиго - Змея умела убеждать и обладала качествами вождя. И она создаст своё войско истинных ньюменов и пошлёт его в бой - девочка уже ничуть в этом не сомневалась. Вот только будет ли этот бой праведным?

– Послушай, Серпента, - спросила она, когда поляна мало-помалу опустела. - Я давно хотела тебя спросить: зачем вы напали на Приют? Сил у тебя ещё мало, так разумно ли привлекать к себе внимание такими выходками? Зачем дразнить обезьянопод... то есть людей, раньше времени?

– А ты разве ещё не поняла? - Серпента выглядела усталой, но держалась бодро. - Я ведь сказала тебе ещё тогда, в подземелье Приюта.

– Вы пришли за мной? И только ради меня...

– Да, - жестко сказала Змея. - Только ради тебя. Ты оружие, Мэй, - страшное оружие.

– И ты хотела завладеть этим оружием... - полуутвердительно-полувопросительно произнесла девочка-индиго.

– И это тоже. Война будет, а несовершенные не так слабы, как кажется. Мы рассеяны по всей стране, нас не так-то легко найти, но если они вздумают накрыть какой-то из наших лагерей бомбовым ковром, то я не знаю, сможем ли мы отразить такой удар.

– И ты хочешь, чтобы я сбивала самолёты...

– Военные самолёты, сестрёнка, военные, - те, что несут под крыльями управляемые ракеты. Но самое главное - тебя нельзя было оставлять в руках Попечителей. Если они будут уверены, что ты сможешь прикрыть всю страну от ракетного удара - например, через сеть компьютеров для усиления твоих способностей, - они тут же отдадут команду на запуск своих ракет, и эта планета станет пустыней. У них нет другого выхода - Правители зажаты в угол. Этот мир отторгает их, а уходить они не хотят. Я многое узнала об этих людях...

– Серпента, - Мэй дотронулась до руки Змеи. - Сестра... Ты уверена в своём праве

качать? Миллионы людей...

– Да, сестрёнка, - ответила та, положив руку на плечо девочки. - Если не мы - то нас. Увидишь, всё будет именно так. Я знаю обезьяноподобных лучше, чем ты. А миллионы - это всего лишь капля в океане жизни. Той, - Серпента подняла голову и посмотрела в звёздное небо, - которая буйствует вон там, далеко и совсем рядом. Это закон Внешних - закон Познаваемой Вселенной - закон Совершенствования. Формы жизни меняются: земноводные уступают пресмыкающимся, а тех вытесняют млекопитающие. А люди - на смену людям придут эски.

– Эски?

– Сверхсущества. Внешние - ты уже кое-что знаешь о них.

– И этот переход обязательно должен быть кровавым? По-другому никак нельзя?

– Кровь, - медленно проговорила Серпента, - это целебная влага, которая питает новую жизнь. Моя магия раскрылась и усилилась, когда я убила первых несовершенных, - алая кровь одарила меня новыми возможностями. Да и ты сама - ты ведь стала куда сильнее после того, как сбросила в море тот самолёт с сотнями людей!

Мэй не сразу нашлась, что ответить, но тут их прервали.

– Серпента! - из темноты вынырнул высокий ньюмен. - Там по стерео идёт передача - обращение к народу какого-то генерала. И это касается нас!

* * *

– Сограждане! - проникновенно произнёс человек в военной форме. Стереозэкран в одном из коттеджей, где сгрудились ньюмены, создавал полный эффект присутствия, и Мэй вздрогнула, увидел лицо этого человека.

– Я знаю его! - крикнула она. - Это Джейк Блад, один из Попечителей! Это он купил меня у моей матери!

– Похоже, сестрёнка, - бросила Серпента, - это уже не "один из", а главный "над ними". Правительственный канал и чрезвычайное сообщение - это говорит о многом.

– Сограждане, - повторил генерал с выражением вселенской скорби на лице и в голосе, - я должен сообщить вам страшное известие. В нашей стране началась эпидемия - невиданная эпидемия. Она началась давно, но только сейчас проявилась во всей своей чудовищности. Это не обычная эпидемия, вызванная каким-то неизвестным вирусом, - с такими эпидемиями наша наука давно научилась бороться. Это генетическая эпидемия, поразившая к настоящему времени тысячи людей. Причины эпидемии пока неясны, но её последствия ужасны. Люди - жертвы этой эпидемии - превращаются в злобных монстров, одержимых жадой убийства себе подобных.

– Неужели он думает, что этому бреду хоть кто-то поверит? - иронически произнёс один из ньюменов.

– А! - небрежно махнул рукой другой. - Несовершенные - особенно в этой стране - привыкли верить любому бреду. Он поверят даже в то, что исчадия Ада...

– Тихо! - оборвала его Серпента. - Слушайте!

– Но проблема в том, - продолжал генерал Блад, - что эти больные куда опаснее сумасшедших или маньяков с топорами. В силу своего генетического уродства они наделены необычайными убийственными способностями - речь идёт о так называемых детях-индиго и людях-индиго. Они могут становиться невидимыми, могут убивать на расстоянии, могут проникать куда угодно. Они здесь, рядом с нами, и они жаждут нашей крови - крови людей, нормальных граждан великой страны! Но мы - мы не сдадимся! Мы победим, как побеждали всегда и везде!

В стране вводится чрезвычайное положение, и отныне долг каждого законопослушного гражданина - немедленно сообщать обо всех подозрительных личностях по горячим каналам связи. Более того, любой гражданин отныне имеет право убить любого индиго на месте - этим он совершит величайшее благо для своей страны и всей нации. Мы истребим эту заразу

на корню, пока болезнь не стала неизлечимой!

– Ну что, сестрёнка Мэй, - губы Серпенты искривила злая усмешка, - что я тебе говорила? Теперь ты мне веришь? А ты, обезьяноподобная тварь, - обратилась она к стереоизображению генерала, - ты хочешь войны? Так ты её получишь!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДИЕГО

...Убийственный свет затопил мир. Свет породил огонь - спичками вспыхивали деревья, закипала вода, и размягчались древние скалы, таяли, словно воск брошенной в костёр свечи. Огненная лавина не встречала преград - она сметала всё, что попадалось на её пути. А потом пришёл звук - тяжкий, как рык пробудившегося монстра. Но слишком мало осталось тех, кто смог этот звук услышать...

Город умер, не успев даже вскрикнуть от боли. И над мёртвыми Развалинами, до краёв напоёнными Проклятьем Адского Пламени, завыл ветер - Горячий Ветер Пустыни...

– Что с тобой? - встревоженный шёпот Мерседес вырвал Диего из чудовищного в своей осязаемости сна. - Ты кричал... Что ты видел?

Рохо помотал головой, стряхивая остатки кошмарного видения. Приснится же такое... Давненько к нему не приходили вещие сны... Тот мир, который он описал в своём романе, ещё какое-то время напоминал о себе, а потом мало-помалу начал блекнуть, пока не растаял без следа. Этот мир жил теперь только на страницах многократно переизданных книг Диего, но крик из будущего смолк, и Рохо не мог сказать наверняка, услышан этот крик или нет.¹⁰

– Успокойся, любимая, - сказал он, легонько погладив жену по тёмным волосам, уже кое-где пробитым сединой. - Да, это был сон - жуткий сон, - но не из тех, которые я видел раньше. Спи, до утра ещё далеко...

Мерседес задремала, прижавшись щекой к плечу мужа, но сам Диего не мог заснуть. Он промаялся с полчаса, стараясь не шевелиться, чтобы не потревожить уснувшую жену, но потом всё-таки потихоньку высвободился - Мерседес только сонно вздохнула, - встал, и, осторожно ступая, вышел из спальни. Пройдя на кухню, Диего сделал себе кофе и закурил, глотая тёмный обжигающий напиток. Чета Рохо давно уже жила не в маленькой квартирке, а в собственном доме на берегу Магдалены, и у Диего был в этом доме свой кабинет, и кухня была куда просторней той, в которой Рохо когда-то работал над своим первым романом, но старая привычка пить ночью кофе, сдабривая его вкус сигаретным дымом, осталась.

Увиденное во сне тревожило - уж больно реальным был этот сон. Диего допил кофе, подошёл к окну и привычно отыскал еле различимые в густой ночной темноте очертания гор - там, за рекой. И тут он вдруг явственно ощутил - что-то не так. И через секунду понял, что именно.

Когда Диего подносил сигарету ко рту, взгляд его скользнул по запястью, и... Там, на запястье, у основания большого пальца правой руки была татуировка - маленький синий якорёк. Эту татуировку пацан по имени Игорь Краснов сделал без малого полвека назад, в другой жизни и в другой стране. А сейчас этой татуировки не было - хотя она была на руке Диего ещё вчера вечером.

Не веря собственным глазам, Диего дотронулся пальцем до запястья - ровная загорелая кожа и ни малейшего намёка на синий якорёк! Шрам от ножа - памятка бурной молодости - был, а вот татуировки *не было*. "Вот так так, - подумал Рохо, - вот так так... Приплыли... И ещё этот сон - не связан ли он как-то с этим странным исчезновением?"

Диего закурил вторую сигарету и долго смотрел во тьму, силясь собрать суматошно мечущиеся мысли. И только когда он выпил вторую чашку кофе, он понял, что надо делать, и даже обругал себя за тугодумие. "Эухенья! Кто, как не она, сможет дать чёткий и ясный ответ на эту загадку? Ведьма Эухенья - Эухенья Мудрая, как зовут её там, в Катакомбах..."

¹⁰ Роман "Крик из будущего"

— Чтобы получить ответ, надо правильно задать вопрос. И ещё надо быть уверенным, хочешь ли ты получить ответ, или ты всё уже для себя решил - сам. Истина может оказаться совсем не той, которая тебя устраивает, но от этого она не перестанет быть истиной. Прими её или отринь - нет абсолютных истин, как нет абсолютного добра или абсолютного зла.

Капля воды сорвалась с тёмного потолка пещеры и упала в чашеобразное углубление, подняв крохотный фонтанчик. Поверхность воды на миг дрогнула и вновь стала зеркально гладкой. "Вот так и человек, - подумал Диего, - рвётся куда-то, силясь что-то совершить, а в итоге он не более чем маленькая капля, потревожившая на секунду безмятежное спокойствие других капель, дремлющих в чаше вечности. Но фонтанчик всё-таки был, и упорядоченность нарушена, и одной каплей в чаше стало больше... Значит, не зря".

В Катакомбах было сухо - везде, и только здесь, у входа в Зал учеников, постоянно и равномерно капала просачивающаяся откуда-то вода. Каменная чаша была полна, но вода не переливалась через край. "Это Чаша Равновесия, - сказала как-то Миктекасиуатль, - сколько воды в неё добавляется, столько же испаряется за то же самое время. Гармония - нарушь её, и чаша либо переполнится, либо высохнет. А здесь, в этом Мире, равновесие покачнулось..." - "И в какую сторону?" - спросил её Диего. - "Мы иссыхаем - это хуже" - ответила ведьма, и Рохо понял, что под "мы" Эухенья имела в виду отнюдь не их маленькое сообщество, обосновавшееся здесь, в горах, а всё человечество. У них-то самих - у братства (или у секты, как иногда называли братство не слишком сведущие) - дело идёт скорее к переполнению...

— Кому многое дано, тот за многое в ответе. Шагая к горизонту, не забывай смотреть себе под ноги - не из боязни споткнуться, но чтобы не растоптать ненароком цветок или не сломать травинку. И не разрушай встреченное тобой только потому, что оно тебе непонятно или кажется некрасивым.

Диего присел в углу Зала, стараясь не привлекать к себе внимания. Миктекасиуатль нельзя мешать - она не просто плетёт вязь наполненных двойным смыслом слов. Старая bruja¹¹ *смотрит* неофитов - тех, кто могут стать ими: в Зале несколько десятков мальчишек и девчонок, и далеко не все пройдут первичный отбор. "Горная обитель", "гнездо знания", "центр древних парапсихологических методик" - братство называют по-разному (хотя ни одно из этих названий не отражает точно сути этого сообщества). Сюда едут со всей Южной Америки (и не только) - жаль, что интерес людей к "горному гнезду" далеко не всегда носит доброжелательный характер. Впрочем, с нежелательными визитёрами - спасибо Эухенье - они научились справляться...

Подростки слушают плавную речь старой женщины, а она очень внимательно изучает свечение их аур - как они воспринимают услышанное? Эухенье не нужны сканеры ауры - Рохо слышал об этих новомодных штучках, гринго вроде бы даже налаживают их серийное производство, - Миктекасиуатль обходится без них. И можно быть уверенным - если среди этих ребят есть истинно *ценные*, она их заметит - обязательно. За много лет знакомства с ведьмой Диего так и не понял, как она, что называется, видит человека насквозь. Понятно, что дар, но вот как этот дар работает... Хотя может ли человек объяснить, как он дышит, думает или творит? Можно, конечно, очень подробно описать процесс растворения в крови кислорода воздуха или рассказать обо всех видимых внутренним зрением оттенках биополя, но понимания от этого вряд ли сильно прибавится. А детишки - да, многие из них очень даже интересны. Диего далеко до Эухеньи, однако некоторые из этих ребят *светят* так, что и слепой заметит. Индиго - их появляется всё больше. И Рохо уже умеет распознавать таких детей, особенно ярко выраженных. Ещё бы - у него четырнадцать лет перед глазами Наташа

¹¹ Bruja - ведьма (исп.)

с Андреем. Другие дети Диего и Мерседес: Эстебан, Кончита-Ракушка¹², любимица матери, и малыш Хуан - они *обычные*, а вот первенцы-близнецы...

— Сильный свет - если ты к нему не готов - может ослепить, и даже обжечь. Подумай, разводя огонь во тьме, - не зажжёшь ли ты пожар? - Миктекасиуатль говорила негромко, но голос её звучал отчётливо: акустика в Зале учеников просто феноменальная. Да и вообще Катакомбы - странное, мягко говоря, место. Британские спелеологи - они провели здесь месяц - растеряли к концу этого месяца всю свою знаменитую английскую сдержанность. И это притом, что их не допустили на нижние горизонты пещер - Эухенья мастерица отводить глаза, к тому же ей помогали её самые способные ученицы...

Каждый раз при посещении Катакомб и особенно Зала учеников Диего охватывало чувство сопричастности к чему-то очень важному и сокровенному. Здесь, под сводами этих пещер, всё дышало магией: древней и новой, ставшей продолжением древней. Настоящей магии обучали там, внизу, подальше от чересчур любопытных глаз и ушей, и далеко не сразу (и не все) новые ученики признавались пригодными для получения тайных знаний. Зато те, кого строгая Мать-Ведунья (именно так называл ведьму Диего) сочла достойными принять и нести этот опасный груз... Рохо иногда сравнивал Миктекасиуатль с мастером-ювелиром, под умелыми пальцами которого необработанный алмаз становился бриллиантом, и число бриллиантов увеличивалось - медленно, но верно. "Мы нанизываем драгоценные камни - плетём ожерелье будущего, - говорила Эухенья. - Одно неосторожное движение - тонкая нить лопнет, камни рассыпятся и покатаются, и могут угодить в липкую грязь...".

Диего не переставал удивляться энергии, таящейся в тщедушном сухом теле старой колдуньи. Она успевала принимать и научные делегации, направляемые сюда из самых разных стран, и одиночек-энтузиастов. Не брезговала Эухенья и толстосумами, которых манил в Катакомбы терпкий аромат экзотики, хотя этих она откровенно водила за нос, изрядно облегчая их кошельки в обмен на "откровения жрецов Мачу-Пикчу" или на "тайны богов Тауантинсуйю". И при этом Миктекасиуатль не забывала главного - она плела и плела драгоценное "ожерелье будущего". "Ты одна могла бы освещать весь Пуэбло-дель-Рио, - пошутил однажды Рохо, - и разорить дотла все энергетические компании!". "Большинство жителей этого города, - серьёзно ответила ведьма, - слепы: им не нужен свет. Я буду светить тем, у кого есть глаза".

На первых порах власти города довольно косо смотрели на обосновавшуюся в пещерах странную компанию, но постепенно привыкли - в конце концов, каждый сходит с ума по-своему - лишь бы другим не мешал. В последователях Карлоса Кастанеды в здешних местах недостатка не наблюдалось, к тому же "горная обитель" привлекала внимание туристов (к этому времени Мерседес зарегистрировала туристическое агентство, специализирующееся на экскурсиях "в магическое прошлое", и исправно платила налоги в городскую казну). Получаемая городом прибыль была ощутимой - роман Диего Рохо "Предупреждение" имел резонанс, и находились желающие взглянуть собственными глазами на те места, "где всё это будет". Правда, неофициальные власти Пуэбло-дель-Рио и его окрестностей вознамерились было подмять братство под себя, но Эухенья каким-то образом (каким - Диего мог только догадываться) решила этот вопрос, побеседовав пару раз наедине с серьёзными "сеньорами из джунглей", прибывавшими в Катакомбы в сопровождении целой своры гориллоподобных охранников, увешанных оружием от ногтей пальцев ног до мочек ушей.

Негативную реакцию "поклонники языческих идолов" вызвали у католической церкви, и справиться с тайным и явным противодействием "святых отцов" оказалось посложнее, чем найти общий язык с бандитствующими наркоторговцами, однако и это препятствие удалось преодолеть.

Пещерный посёлок крепко стоял на ногах. Катакомбы вызывали интерес, а вместе с этим интересом притекали деньги. В разной форме: от оплаты подземных экскурсий до

¹² Concha - раковина (исп.)

грантов солидных научных структур, изучающих паранормальные явления. Были и другие доходы - платное целительство (Эухеня безошибочно определяла источник благосостояния и размер кошелька очередного посетителя и "элов" потрошила нещадно) и даже магический синтез драгметаллов (впрочем, к этому последнему способу прибегали крайне редко и с предельной осторожностью). Было у жителей Катакомб и своё подсобное хозяйство - в этом отношении братство ничем не отличалось от сотен и тысяч религиозных, псевдорелигиозных и иных сообществ "по интересам", во множестве возникших на Земле XXI века в противовес неумолимому прессингу глобализации.

Да, на первый (и даже на второй) взгляд "пещерное братство" ничем не отличалось от множества ему подобных групп и сект. О том, что на самом деле скрывали своды Катакомб (или "Пещер Миктекасиуатль" - *brija* жила здесь постоянно), никто не догадывался - так, по крайней мере, считал сам Диего. Эухеня на этот счёт была гораздо менее оптимистична. "Я ощущаю чужое внимание" - обмолвилась она как-то, но от объяснений уклонилась.

...Задумавшись, Рохо не заметил, как закончился ритуал, - его вернул к реальности чуть насмешливый голос ведьмы:

– Ты не уснул, *chico guso*?¹³ Зал учеников - не самое лучшее место для сна. Ты искал меня - что случилось?

– Случилось, мать Эухеня, - отозвался Диего, вставая. - Случилось.

Миктекасиуатль выслушала его внимательно, не перебивая, и он обратил внимание на тревожный огонёк, мерцавший в чёрных глазах Матери-Ведуньи. Диего ждал привычного: "А ты что, сам не догадался?", однако вместо этого она произнесла торжественно и тихо:

– Свершилось, *chico guso*, свершилось...

– Свершилось что? - не понял Рохо.

– Твой сон не был сном - точнее, он был не совсем сном. Ты снова видел.

– Будущее? И... очень близкое будущее? Опасная грань рядом, я чувствую её! Я...

– Нет, - покачала головой Эухеня, - ты видел уже прошлое.

– Проще?! Но небоскрёбы Пуэбло-дель-Рио стоят, как ни в чём не бывало, и вокруг нас зелёная сельва, а не мёртвая выжженная пустыня! Какое прошлое, мать Эухеня?

– *Соседнее* прошлое, - терпеливо объяснила колдунья. - Не понимаешь? А ведь не так сложно догадаться...

– Неужели... Неужели?!

– Да, *chico guso*, - это свершилось. Пойдём-ка наверх - я хочу взглянуть.

Выйдя из пещер, Эухеня, щурясь от яркого солнечного света, долго смотрела на реку, серебристой лентой опоясывающую предгорья, и на город - там, за рекой.

– Дай руку, - потребовала она наконец, повернувшись к Диего. - Всё верно, следа нет, и быть не может. Реальности разделились, и в каких-то мельчайших деталях они отличаются друг от друга - даже Творящим Миры невозможно скопировать такие огромные и сложные структуры с абсолютной точностью. Ты ещё не понял? Сагайо, тебе уже шестьдесят - пора бы и научиться!

– Значит... - пробормотал ошеломлённый Рохо. - Значит... Значит, тот всё-таки был услышан?

– Да, - Миктекасиуатль медленно кивнула. - Крик услышан. Мы - ты, я, и многие другие, о которых не знаем ни я, ни ты, - сделали это. Этот мир родился благодаря нашему неистовому желанию хоть что-то изменить и остановить топор палача, падающий на шею обречённого. А ты видел во сне гибель старого мира, в котором вспыхнул Адский Огонь, - того мира, где через сотни лет родятся Вестники. Ты, то есть твой двойник, видел гибель Пуэбло-дель-Рио - город действительно умер, только не *здесь*, а *там*. А за этот мир, - и ведьма снова перевела взгляд на далёкие белые здания Города-на-Реке, - мы теперь в ответе. Он ведь тоже может умереть - ещё одной возможности начать всё сначала не будет.

¹³ *Chico guso* - русский парень (*исп.*)

– А как всё это случилось? - Диего пришёл в себя, и теперь его разбирало жгучее любопытство. - Ну хорошо, я спал, и проснулся уже в новой реальности - это понятно, хотя... не очень. А те, кто бодрствовали? Они что, ничего не заметили?

– Не знаю, - Эухеня пожала плечами. - Возможно, у них закружилась голова. Может быть, они на секунду потеряли сознание. Может быть, что-то зафиксировала электроника... Послушай, я тебе что, Внешняя? Или ты думаешь, что я всю жизнь только и делала, что наблюдала, как рождаются новые реальности? За тот мир в ответе орты, а за этот - мы. И это куда важнее, чем отвлечённые рассуждения о природе этого вселенского феномена. Ты что же думаешь, здесь не осталось Адских Зерён и людей, готовых их бросить? Да и само оружие - оно выковано для того, чтобы убивать, и в конце концов оно само может решить - время пришло. Мы с тобой сделали, что смогли, но это только полдела. Идём - надо собрать старших учеников: тех, кто сможет понять - правильно понять. И - действовать.

– Подожди, - остановил её Рохо. - Но ведь был же какой-то толчок! Точка выбора - точка бифуркации, есть такой термин у альтернативных историков...

– Оставь ты эти термины, именуемые мудрыми! - фыркнула ведьма. - Я с тобой скоро вообще разучусь говорить простым языком. А толчок - толчок был. И не очень далеко - там, на севере. Что-то такое было... Это как если множество людей силится столкнуть с дороги огромный камень, мешающий идти. Люди обливаются потом, и вдруг пролетает крошечная колибри, и взмах её крылышек оказывается достаточно, чтобы камень наконец дрогнул и покатился. И мне бы очень хотелось посмотреть на эту... колибри. Идём, chico ruso. Новорождённый мир - младенец, требующий заботы. Идём - этот мир ждёт наших рук.

* * *

Маленькие острые молнии одна за другой кусали конический обломок скалы. Там, где голубые искры били в гранит, появлялись круглые отверстия с оплавленными краями. Пахло горелым камнем; выбитые молниями огнистые раскалённые пылинки изредка кололи руки молоденькой девушки, скорее даже девочки, - ей не было ещё и пятнадцати. Она морщилась, но упрямо продолжала решетить камень, удерживая его между разведёнными ладонями, как будто мёртвый кусок гранита мог убежать.

– Наташка-а! - гулкое эхо мячиком проскакало по небольшому гроту и отразилось от свода и стен. - Ты где-е-е? - следом за криком в пещере появился темноволосый мальчишка, гибкий и быстрый, как ящерица.

– Чего кричишь? - недовольно отозвалась девочка, сдувая упавшую ей на глаза прядь светлых волос и не прерывая своего занятия. - Делать больше нечего?

– Мать-Ведуныя зовёт, - объяснил мальчик, присаживаясь рядом с ней на корточки. - Ты что, не слышала Зов? Тоже мне, великая магиня, - добавил он, разглядывая изъеденный попаданиями молний камень. - Можно подумать, враг будет вот так стоять и ждать, пока ты его чуть ли не обнимешь! Детская забава - лягушек пугать!

– Бестолковый ты, братец, - тут же отпарировала Наташка. - Зря тебя мать Эухеня хвалит... Я корректировала баланс - видишь, удары шли по кругу и равномерно: получился как бы узор. Сила есть - ума не надо, а вот ты попробуй добиться точности! А сила, - она пренебрежительно сморщила носик и плавным движением подняла правую руку. - Смотри!

Слепящий голубой зигзаг распорол темноту грота, заставив тьму испуганно съежиться и спрятаться в узких проходах. Стену рассекла глубокая трещина, словно в скалу ударил невидимый клинок; с шорохом посыпались каменные осколки, звонко щёлкая по граниту. Резко запахло озоном.

– Ух ты... - выдохнул Андрей с явной завистью и одновременно с гордостью - у кого ещё есть такая сестра! - Вот это да...

– А то! Вот только пальцы, - девочка поднесла к губам изящную ладошку и подула на неё, - немного жжёт. Наверно, сбиваюсь на последних тактах заклятья.

– Покажи. Да, - кивнул мальчик, осторожно проведя рукой над протянутой к нему

ладонью Наташи, - пять точек на ауре. Ожог тонкого тела, сестрёнка, - не шути с этим. Надо показать Эстрелле, она умеет лечить такие штуки. Лучшая целительница, даром что...

- Помешались вы на этой аргентинке, - съязвила Наташа, отнимая руку. - Только и слышишь: ах, Эстрелла, ах, Эстрелла! Какие глазки, какие ножки! Ты бы сам давно швырял такие молнии, если бы поменьше думал об этой знойной красотке!

- Балаболка, - беззлобно бросил Андрей с видом умудрённого жизнью представителя сильного пола. - Какая ещё красotka - ей всего-то тринадцать лет! Завидуешь, что на тебя мальчишки так не смотрят, а? Завидуешь, сестрица! Эх вы, девчонки...

Наташа хотела было надуться, но вместо этого рассмеялась.

- Один - один, Андрюшка. Ладно, идём, - Мудрая зря звать не будет. Только зажги огонёк, хорошо? Я тут вчера какую-то тварь видела - противн-у-у-ую! До мерзости, - она поежилась, словно обычная домашняя девочка, боящаяся мышей и пауков, а не юная магиня, только что расколовшая скалу рукотворной молнией. - А ты с этими змеями-многоножками говорить умеешь...

Андрей сложил ладонь лодочкой, и её наполнило ровное голубое свечение.

- Пошли, - сказал он, и ребята проворно юркнули в галерею, ведущую прямоком к верхним ярусам Катакомб - брат с сестрой хорошо знали все закоулки здешних пещер.

...Они очень торопились, и всё-таки оказались последними.

- А вот и сеньор и сеньорита Рохо явились. Наконец-то, - бросила Эухенья. Андрей с Наташей потупились - строгая Мать-Ведунья не давала поблажек никому, даже детям Диего. - Слушайте! - Миктекасиуатль встала и оглядела Зал учеников. - Время пришло.

В Зале собрались лучшие из тех, кого приняли Катакомбы за пятнадцать лет, - их было несколько сотен. Большинство составляли подростки в возрасте от десяти до шестнадцати, хотя были и восемнадцатилетние, и даже те, кому за двадцать. Одеты все они были схоже: джинсы и куртки (это на верхних ярусах тепло, а если спуститься вниз, туда, где камень дышит холодом...), на ногах прочные сапоги (в каменных щелях попадают разные зверюшки, и далеко не все они безобидны...). Но по-настоящему всех учеников - от самых старших до самых младших - объединяло другое: отблеск могучего сознания, наделённого сверхспособностями; трудноуловимое нечто, именуемое *светом в глазах*. "Люди будущего, - думала Миктекасиуатль, всматриваясь в юные лица, - и будущее этого мира. От них зависит, каким оно будет, это будущее. Старших уже можно - придётся - посылать в бой: боя не избежать. Северное зло пробудилось - я чувствую его запах. И ещё им всем предстоит самый трудный бой - бой с самим собой; бой, который обязательно надо выиграть".

Среди учеников были представители всех рас, населяющих Третью планету системы Жёлтой звезды: белые, смуглые, бронзовокожие, чернокожие - дар не зависит от цвета кожи. Что есть тело - оболочка, а суть - это Первичная Матрица, та самая душа, о которой знают все религии всех Носителей Разума Познаваемой Вселенной. И слишком часто эти души уносятся во тьму порывами чёрного ветра, и очень труден для них обратный путь - к свету.

Эухенья просматривала ауры людей-индиго. Аура многоцветна, и цвета эти меняются, но главенствующим цветом аур учеников был ярко-синий - поэтому-то их и называли индиго. "Сколько этих синих цветков погаснет..." - подумала Мать-Ведунья и тут же *спрятала* эту мысль: очень многие из находившихся в Зале прочли бы её без труда. Миктекасиуатль хорошо знала способности каждого ученика - люди-индиго могли быть и целителями, и мыслителями, и созидателями. И ещё они могли быть воинами, и, похоже, именно этого потребует от них время нового мира - в первую очередь.

- Слушайте, - слова, обычно легко стекающие из уст ведьмы, превратились в тяжёлые камни, которые не так просто сдвинуть с места. - Слушайте! Вы знаете о Вести из будущего - её слышали многие. Знайте - перед вами и вокруг вас *новый* мир, и его будущее туманно. Берите этот мир, и несите его осторожно и бережно, и не уроните.

Её поняли - очень хорошо поняли. По залу пронёсся лёгкий шорох, и снова упала тишина, изредка нарушаемая только звоном капель, падающих в Чашу Равновесия. Эухенью обдало вихрем чужих мыслей: "Что? Как? Почему? Новый мир... Новая реальность... Войны

не будет? Адский Огонь не вспыхнул! И что теперь?"

– Легко идти, когда путь известен, и когда знаешь, где споткнулся шедший до тебя. Идти в неведомое - трудно. Главное - сказано. Идите, и прислушайтесь к себе. Думайте. Будет что сказать - говорите, я услышу.

Диего всегда изумляла та лёгкость и быстрота, с которой мать Эухенья умела донести до учеников всё, что она хотела им сообщить. Он не перестал удивляться даже тогда, когда понял - слова служили ведьме всего лишь своеобразным скелетом, несущей конструкцией, на которую нанизывалась сложная вязь мыслеобразов, воспринимаемых детьми-индиго. Вот и сейчас - полсотни слов, сложенных в несколько размыто-неопределённых фраз, а ученики всё поняли, и вопросов у них нет - пока нет. Вопросы появятся позже - потом, когда индиго *пропустят через себя* звенящие мысли Мудрой...

Зал пустел. Ученики вставали со своих мест и исчезали - один за другим, молчаливые и сосредоточенные. "Люди будущего - орты... А будет ли в этом будущем, - подумал вдруг Рохо, - место *другим* людям? Таким, как я сам, как Мерседес, как наши младшие дети? Или мы обречены уйти и исчезнуть бесследно? Индиго тысячи, обычных - миллионы. Смогут ли они жить вместе? Или...". Мысль об этом причиняла смутное беспокойство, зудела, и Диего поспешил её отогнать - не время, сейчас надо думать о другом.

В Зале осталось три десятка человек - узкий круг: те, кому предстояло действовать.

– Родриго, - обратилась Миктекасиуатль к плечистому смуглому парню лет двадцати пяти, признанному вожаку взрослых индиго, - усиль стражу пещер. Ты знаешь лучше меня, кого из учеников можно считать настоящим воином. Выберешь сам - лучших. В Катакомбах могут появиться гости... не слишком желанные гости. И ещё - пошли в город разведчиков. Отсюда трудно следить за ворохом мыслей, которым наполнен Пуэбло-дель-Рио, - надо смотреть вблизи. Будьте осторожны - не светите магией по пустякам. Смотрите. Слушайте. Запоминайте.

Родриго сдержанно поклонился, а Эухенья повернулась к Мерседес. Жена Диего была полноправным членом братства - ни она, ни её муж не владели магией, но все индиго знали, что эти люди сделали для того, чтобы родился новый мир, и поэтому супруги Рохо (Диего съездил за женой, пока собирались ученики) имели полное право присутствовать здесь, в узком кругу.

– Избавь нас от назойливых туристов - хотя бы на время. Придумай что-нибудь - я не хочу прибегать к чарам. Сочините с Диего статью в "Милагроса Сиудад" - отпугните бездельников. А вы, вечно опаздывающие, - ведьма отыскала взглядом брата и сестру, - для вас тоже есть дело.

В глазах Мерседес на секунду появилось выражение птицы, у которой вынимают из гнезда птенцов, зато ауры Андрея и Наташи полыхнули вспышкой жадного интереса. Диего слегка сжал руку жену и прошептал: "Не бойся - мать Эухенья ничего не будет делать зря и никогда не подвергнет опасности наших первенцев..."

– Поедете к морю, - объяснила Мать-Ведунья. - Не одни, конечно. Возьмёте с собой, - она скользнула глазами по Залу, - двух-трёх талантливых девочек - Эстреллу, например, - Андрей улыбнулся, и Наташа тут же одарила брата ехидной ухмылкой, - а ты, Родриго, дай им пару своих парней. Экскурсия к морю - но в наших беспокойных местах детям не стоит оставаться без охраны. - И Миктекасиуатль тоже еле заметно улыбнулась - она-то хорошо знала, на что способны эти "дети".

– Гонсало и Фернандо, мать Эухенья, - без промедления отозвался Родриго. - Они не подведут.

Мудрая кивнула в знак согласия, и тогда Наташа спросила:

– А зачем, Мать-Ведунья?

– Там есть те, с которыми надо попытаться найти общий язык - Дети Моря. Твой брат сумеет это сделать, а ты - ты ему поможешь. Вы хорошо работаете в паре.

Эухенья не стала тратить время на слова: она превратила их в мыслеобразы - такие яркие, что их видели даже далёкие от магии Мерседес и Диего.

"Новая разумная раса планеты, - думал Рохо, наблюдая разворачивающиеся прямо в воздухе цветные картины. - Значит, отрывочные сведения в Сети не были чистой воды бредом: дельфины Карибского моря - не просто дельфины. Вот это новость... Хотя почему же новость - вспомним Водяных, тех самых, из той реальности. Интересно, чьих это рук дело? Такие вспышки разума не появляются сами по себе...".

...Отпустив всех, Эухенья задержала чету Рохо.

– Перебирайтесь в Катакомбы. Совсем. Забирайте детей - и уходите. Ваш дом скоро может стать не самым безопасным местом этого мира.

Мерседес хотела что-то возразить, но Диего её остановил.

– Хорошо, мать Эухенья. Мы так и сделаем.

* * *

Но сразу последовать совету Мудрой им не удалось. Каждое утро Диего говорил себе "Сегодня - непременно", и каждый раз в веренице повседневных дел находилось какое-то очередное, которое обязательно надо было закончить, и поэтому отъезд снова откладывался. То Мерседес задерживали дела фирмы, то надо было заехать в школу к Эстебану и Кончите и поговорить с учителем, то малыш Хуан немного прихворнул, то у самого Диего возникали неотложные дела с издателями. К тому же Рохо чувствовал, что Мерседес совсем не хочется покидать насиженное за долгие годы уютное гнёздышко, и ему не хотелось принуждать жену к поспешному бегству в Катакомбы. Да и то сказать - всё было тихо-мирно, и ничто не предвещало никаких бед.

Так шли дни за днями, свиваясь в гроздь недель. Минул месяц, но семейство Рохо всё оттягивало свой переезд в Пещеры Миктекасиуатль, пока однажды утром в доме Диего не появились гости.

Мерседес спозаранку уехала в аэропорт провожать двух важных персон из Европы, очень интересовавшихся "горной обителью" и крайне раздосадованных невозможностью её посещения, Диего работал в своём кабинете над статьёй для журнала "Сайентист XXI век". Ракушка и Эстебан были в школе, Хуан с нянькой отправился на прогулку к реке. Наташа в гордом одиночестве раскачивалась в гамаке в саду, наслаждаясь покоем и тёплым ветерком. Они с Андреем только вчера вернулись с побережья, но брат уже умчался за реку, в пещеры, "будучи не в силах хоть на часок расстаться со своей аргентинкой", как прокомментировала его поступок язва-сестрица. Наташа не спешила последовать за ним - им пришлось изрядно потрудиться там, на взморье, и она считала, что заслужила хотя бы маленький отдых.

...Из состояния полудрёмы её вывел шорох гравия - по тропинке кто-то шёл. Наташа открыла глаза и увидела мужчину неопределённых лет, по виду вроде бы индейца, и рядом с ним смуглого кареглазого мальчишку. "Как они попали в сад? - подумала девочка. - Опять эта растяпа-нянька забыла заблокировать ворота!".

– Добрый день, сеньорита, - вежливо поздоровался мужчина. - Можем ли мы видеть вашего почтенного отца? Вы ведь дочь сеньора Диего Рохо, не так ли?

– А кто вы такие, собственно... - начала было Наташа и осеклась. От мужчины веяло силой - силой, сравнимой с той, которой обладала сама мать Эухенья. А мальчишка - он ведь индиго, уж в этом-то одна из лучших учениц Миктекасиуатль никак не могла ошибиться!

Наташа проворно прыгнула на землю, ощупывая взглядом незнакомцев. Положим, с мальчишкой-то она справится, если что, а вот этот мужчина... Или старик - сколько ему лет? "Жаль, что нет Андрея, - подумала она, - вдвоём с ним мы бы с кем угодно..."

– Нас не стоит опасаться, сеньорита, - мягко и дружелюбно сказал вдруг "индеец". - Меня зовут Алан, а его - Хайк. А вас, юная сеньорита?

– Наташа, - ответила "юная сеньорита" и неожиданно для самой себя покраснела, встретившись глазами с Хайком.

– Русское имя... - медленно произнёс Алан со странной интонацией. - Так мы можем увидеть вашего отца?

– А что вам от него нужно? - подозрительно осведомилась Наташа. - В этих местах не ходят в гости без приглашения. Вы из Пуэбло-дель-Рио?

– Нет, мы приезжие. Издалека - с севера.

– С севера? Вы не очень-то похожи на гринго!

– А разве на севере живут одни гринго? Может быть, вы позволите нам войти в дом?

– Я знаю ваши имена, - отрезала Наташа, - если они, конечно, настоящие, но вы так и не сказали, зачем вам мой отец.

Препирательства грозили затянуться на неопределённый срок - Наташа намерена была стоять насмерть, - но в это время в сад вышел сам хозяин дома. Окно его кабинета было открыто, и Рохо услышал голоса.

– Что вам угодно? - спросил он, остановившись в трёх шагах от Алана.

– Здравствуйте, сеньор Рохо. Меня зовут Алан - Алан Ансиано¹⁴. Или Алан Старов, господин... Краснов.

– Краснов? Давно меня так не называли, - медленно проговорил Диего, внимательно глядя на Алана. - Ну что ж, коль скоро вы знаете мою прежнюю фамилию... Наташа, сделай нам кофе, пожалуйста.

– Если позволите, мне хотелось бы поговорить с вами privately.

– Ну что ж... Ната, заberi с собой этого молодого человека, а кофе принеси нам сюда, хорошо?

– Хорошо, отец, - отозвалась дочь и махнула Хайку, словно старому знакомому. - Идём, поможешь. Да не бойся ты, не укушу.

– Я не боюсь девчонок, - подал голос молчавший до того Хайк.

– А... Тогда ты, наверно, - невинным голоском пропела Наташа, - боишься змей? Не бойся, у нас их нет - ни в саду, ни в доме. И вообще - я здесь самая опасная хищница. Не веришь? Зря.

Хайк в свою очередь покраснел (хотя при его смуглой коже это было почти незаметно) и последовал за девочкой в дом, соображая на ходу, как бы ему ловчее отбрызнуть эту нахалку.

– Садитесь, Алан, - предложил Диего, проводив глазами ребят и указывая гостю на плетёное кресло подле стоявшего в тени деревьев столика. - Я вас слушаю. Что вас ко мне привело?

– Вы автор романа "Предупреждение"...

– Вы не ошиблись, сеньор Ансиано. Однако вряд ли вы прибыли сюда только для того, чтобы попросить у меня автограф, не так ли?

– Да, вы правы. Не будем ходить вокруг да около. Я давно хотел попасть к вам, Диего. В Катакомбы.

– А вот это уже не ко мне - это к Миктекасиуатль.

– Миктекасиуатль? Кто это?

– Мать Эухенья. Нетрадиционная целительница. Адепт древних религий. Наставница и глава пещерного братства. Иногда её называют просто ведьмой. Достаточно титулов?

– Диего, вы меня не так поняли...

– А кроме того, господин Старов, вам явно не пятнадцать лет, и даже не сорок пять. В Катакомбы приходят юноши, а мы с вами уже вышли из этого прекрасного возраста.

– Мне без малого сто пятьдесят лет, - произнёс Алан без тени улыбки. - Я орт - один из первых ортов этого мира. Сейчас подобных мне называют людьми-индиго, а тогда... Вы мне не верите?

– Нет, - честно признался Рохо, - не верю. За эти годы я во многое уверовал, но...

– А вы спросите свою дочь - она ведь у вас индиго. Девочка сразу меня *почуяла* - это было видно по её глазам и ауре.

– Хорошо, допустим, это действительно так. И что из этого следует?

¹⁴ Anciano - старик (исп.)

– Я слишком долго был один, сеньор Рохо... Игорь. Человек вообще не может быть один: сказки про святых отшельников - это сказки, и не более того. Эти отшельники быстро дичали и сходили с ума, хотя некоторым везло - их откровения попадали в книги, ставшие раритетами. А груз знания - тяжкий груз, Диего. Он может раздавить, если им вовремя ни с кем не поделиться. Я хочу поделиться с людьми тем, что узнал за сто пятьдесят лет.

– А почему вам непременно нужны Катакомбы? Мало в мире других мест и людей, жаждущих знаний?

– Мне нужны не просто люди, - Алан покачал головой, - мне нужны люди-индиго. То, что я знаю, - это для них, простым людям мои знания ни к чему. Разве нужны ноты тем, кто лишён музыкального слуха?

Диего не нашёл, что возразить - доводы Алана выглядели вполне логичными.

– Этот мальчик, который пришёл со мной, - он индиго. Я подобрал его на севере. Там тоже есть те, кто интересуется новыми людьми, вот только интерес этот грозит обернуться большими бедами. А у вас, я знаю, дело обстоит по-другому. Поэтому я и пришёл к вам.

– И вы думаете, что моя рекомендация...

– Да, сеньор Рохо. Устройте мне встречу с этой вашей Эухеньей. Мне не обязательно лезть в ваши пещеры - мне достаточно поговорить с человеком, который сможет меня понять - правильно понять, Диего! И дело не только в том, что я орт, и что я хочу поделиться знаниями с детьми-индиго. Я принёс вести с севера, сеньор Рохо, - недобрые вести. Если эта ваша ведьма хоть наполовину соответствует тем громким титулам, что вы мне тут перечисляли, она оценит эти известия.

Диего колебался. Этот странный человек располагал к себе и вызывал доверие, но именно поэтому Игорь Краснов и не спешил ему верить. Русская фамилия? Ну и что с того? Можно подумать, Россию испокон века населяли одни только ангелы во плоти! К тому же ещё неизвестно, кто такой этот Алан на самом деле. Может быть, от такой же Старов, как Олд или Ансиано - на Земле сотни языков, и в каждом из них есть слово "старый". А как сказала Мать-Ведунья: "В Катакомбах могут появиться гости... не слишком желанные гости". Не хватало ещё ему самому привести такого гостя в Пещеры Миктекасиуатль!

...Наташа не торопилась нести в сад кофе. Она видела - *чувствовала*, - что отец занят серьёзной беседой, и не хотела ему мешать. Она знала: если действительно понадобится кофе, отец её позовёт. Поэтому девочка с чистой совестью развлекалась игрой с Хайком, оттачивая на нём свои прорезающиеся коготки расцветающей женственности. Волчонок то и дело попадал впросак, сердито сопел, но одновременно эта игра нравилась и ему. К тому же он видел - эта девчонка из того же теста, что и он сам. Ей, конечно, далеко до Мэй, и глаза у неё серые, а не голубые, но всё-таки... А Наташа чувствовала, что заинтересовала Хайка, и резвилась вовсю. Окончательно добив мальчишку коварным вопросом "А ты уже целовался когда-нибудь с девочкой?", она уже торжествовала победу, но в это время стереовизор в холле переключился на другой канал вещания.

На экране появился человек в военной форме, и отбивавший из последних сил игровые наскоки "юной сеньориты" Хайк осёкся на полуслове и замер.

– Ты чего? - не поняла разыгравшаяся Наташа и даже немного обиделась: "Ну вот, а я-то старалась...".

– Я его знаю, - произнёс Хайк, и его верхняя губа дрогнула, обнажая зубы. - Я видел этого типа, когда попал в Приют. Это Попечитель. Они...

– Попечитель? Приют? Кто это? И где?

Хайк не ответил, а через минуту до обоих ребят дошло, *что именно* говорит с экрана этот человек в военной форме. Программа явно шла повтором, и вообще было похоже на то, что развлекательный канал принудительно переключен со спутника.

– Отец! - Наташа пулей вылетела в сад и подбежала к Диего, едва не опрокинув по дороге пустое кресло. - Там... Там... Идём, там по стерео такое... Такое, что...

Все четверо дважды прослушали обращение генерала Джейка Блада "к нации и миру", молча сидя в холле и забыв про приготовленный Наташей кофе. Программа действительно

повторялась, и конца этим повторам не предвиделось.

Когда волевое лицо генерала возникло на экране стереовизора в третий раз, Диего Рохо решительно встал и сказал Алану:

– Идёмте, сеньор Ансиано. У меня катер - через десять минут мы будем на том берегу Магдалены. А ты, дочь, дождись мать и братьев с сестрой. Потом собирайтесь и уходите. За реку. В Катакомбы. Ты поможешь ей, парень?

Хайк молча кивнул.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. БЕЗУМИЕ

Мутное кровавое варево закипало.

Чудовищная и великолепно отлаженная машина оболванивания, прежде нацеленная на вдалбливание в голову непреложных истин - что нужно носить, что пить и что жевать, за кого голосовать и как вообще жить, переключилась на свою основную программу: заставить людей действовать, причём действовать в полном соответствии с желанием программистов. Именно для этого создавалась и совершенствовалась эта машина, и теперь пришло время опробовать её эффективность. И машина не подвела.

Первые часы после выступления генерала Блада - его транслировали по всем сетям, безжалостно вымета оттуда все развлекательные шоу и мыльные сериалы, - не случилось ничего из ряда вон выходящего. Люди пребывали в состоянии шока - им требовалось время для того, чтобы понять: триллер стал реальностью, и жуткие монстры из фильмов ужасов вышли на чистенькие улицы сонных городков и на широкие проспекты мегаполисов. А когда люди поняли, что эти монстры вот-вот постучатся в двери их уютных домов (людей *сумели* в этом убедить), с них тотчас осыпался тончайший лак "цивилизованности", и первобытные инстинкты вырвались наружу, легко сметая хрупкие нравственные ценности.

"Они идут! Они уже здесь!" - кричали все информационные каналы, и гримасы страха и ненависти уродовали хорошенькие личики дикторш стереовидения. Экраны домашних медиа-центров заполнили наспех сляпанные фильмы, в титрах которых значилось "На основе реальных событий", и обыватель легко заглатывал эту немудрёную наживку. В течение суток хитом стал блокбастер "Потрошители детей", где кадры видеозаписи атаки "призраками" Приюта-семнадцать были искусно дополнены превосходно выполненной компьютерной графикой, живописующей во всех тошнотворных анатомических подробностях растерзанные тела воспитанников Приюта. И люди верили - в конце концов, столб дыма над зданием на холме многие видели своими глазами.

Реклама зубной пасты, гигиенических прокладок, мобильных видеофонов, "таблеток молодости" и престижных автомашин с новым типом двигателя уступила место короткому и убийственному старинному слогану, в котором было заменено одно-единственное сходное по звучанию слово: "Каждый индиго - плохой индиго, только мёртвый индиго - хороший индиго!"¹⁵. Этот лозунг появился на всех рекламных постерах, лазерных панно и на первых страницах газет; он настырно лез в глаза, заклиная и призывая: "Убей! Убей! Убей!".

Звериный страх, трансформировавшись в звериную ненависть, искал выход и находил его. И первыми жертвами - как всегда - становились невинные и не причастные...

* * *

¹⁵ "Every Indian is bad Indian, only dead Indian is good Indian!" - известный девиз времён "покорения Дикого Запада".

– Вы ошиблись на двадцать центов, мистер, - вежливо сказала двенадцатилетняя девочка, получая сдачу в небольшом магазинчике.

– Ты-ы-ы... - глаза продавца медленно наполнялись безумием. - Ты сосчитала это в уме?

– Я... - девочка смертельно побледнела, предчувствуя непоправимое. - Я...

– Ты индиго... Индиго!... Индиго!!!!

Слово было сказано, и оно прозвучало смертным приговором. Девочка выскользнула на улицу испуганным зверьком и долго металась, провожаемая несущимся со всех сторон истошным воплем "Индиго!", пока какой-то лихой водитель не расплющил её хрупкое тельце о стену дома бампером своей новенькой машины...

...Толпа школьников забила насмерть бейсбольными битами безобидного очкарика - забила только за то, что этот несчастный парнишка знал, кто такой был Наполеон, и мог без компьютера извлечь кубический корень из восьми. Мальчишка, пока его оружие от ярости сверстники выламывали хлипкую дверь туалета, где он спрятался, успел позвонить домой. Отец загнанного "псевдоиндиго" примчался как раз вовремя, чтобы увидеть на спортивной площадке перед школой бесформенное нечто, оставшееся от его сына, - он опознал его лишь по рваной футболке с весёлым Микки Маусом. Обезумев от горя и ужаса, мужчина вытащил из багажника автоматическую винтовку и начал расстреливать всех подряд, меняя обойму за обоймой. Мстя за своего ребёнка, он убивал чужих детей - убивал до тех пор, пока его самого не изрешетили подоспевшие к месту кровавой бойни полицейские...

* * *

Эти и другие схожие трагические сюжеты, число которых росло в геометрической прогрессии, тут же попадали в ленту новостей - естественно, с *нужными* комментариями, - и распаляли "праведную" ярость людей, необратимо теряющих человеческий облик.

Страх искусно нагнетался и подогревался. Поползли неясного происхождения слухи, что проклятые индиго - это порождение чёрной магии вуду, вызванные на погибель и без того уже малочисленным белым людям. Эти слухи породили волну погромов в районах, густо заселенных неграми и арабами. Полиция бездействовала, зато спецотряды штампов действовали хладнокровно и беспощадно. Солдаты-клоны чётко следовали полученным инструкциям: они дожидались, пока "горячие территории" превращались в один сплошной комок ужаса, боли и взаимной ненависти, и после этого приступали к "умиротворению". Танки и бронемашины крушили огнём и гусеницами горящие дома, а штампы косили ливнем свинца правых и виноватых, тем более что отличить первых от вторых уже не было никакой возможности...

Страна погружалась в хаос, кажущаяся стихийность которого основывалась на тонком расчёте организаторов всего этого безумия. Генералу Бладу требовалось не только сломить сопротивление ньюменов, которых он считал своими непримиримыми противниками, но и сделаться верховным правителем с неограниченными диктаторскими полномочиями. И дело к тому и шло: всё громче раздавались призывы "всего народа" "покончить с обветшавшей и непригодной в чрезвычайной ситуации демократией", приостановить действие конституции на неопределённый срок и "твёрдой рукой" навести порядок.

Конечно, массовое сумасшествие было бы невозможно поддерживать на должном уровне без подпитки реальными фактами. Можно нагнетать истерию и кричать о незримом противнике некоторое (не слишком продолжительное) время, но если не предъявить людям этого врага воочию, истерия неминуемо пойдёт на убыль - одних компьютерных имитаций будет явно недостаточно. Однако враг этот - и враг опасный, как доказала атака Приюта, - действительно существовал, и Блад всерьёз вознамерился с ним покончить.

Автострады перекрывались блокпостами, оснащёнными стационарными детекторами ауры и мощными излучателями-"глушилками"; такую же аппаратуру получили мобильные патрули. Над городами зависли вертолёты, ошестинившиеся многочисленными стволами;

солдаты в бронекембинезонах с оружием наизготовку появились в аэропортах и на вокзалах, возле банков, многоэтажных офисов, правительственных зданий и просто в местах большого скопления народа.

Генерал Джейк Блад (и Стэрди) знали, что делают, и правильно просчитали реакцию ньюменов. Рассеянные по всей стране и застигнутые врасплох "охотой на ведьм" воины Серпенты не колебались, когда перед ним вставал выбор: убивать или быть убитым. И они убивали, пустив в ход всё доступное им смертоносное нечеловеческое умение. А леденящие душу "репортажи с места событий" тоже шли в ленту новостей - прямо с колёс.

* * *

...Плотный парень лет двадцати спокойно шагнул через петлю металлоискателя и вдруг ощутил кожей лица лёгкое жжение. Он заметил, как почти неуловимо изменились лица офицеров службы обеспечения безопасности полётов, перехватил их мысли и понял, что его засекли сканером ауры. И ещё ньюмен тут же понял, что будет дальше, и не стал дожидаться выстрелов в упор или удара электромагнитным полем высокой частоты.

Силуэт парня размазался, словно изображение на плохо настроенном стереовизоре, и молниеносно переместился обратно ко входу в контрольную зону. А в следующую секунду воздух наполнился свистящими трёхгранными остриями в палец величиной.

Со звоном лопались светильники и экраны, засыпая всё вокруг мелкой крошкой стекла и пластика; бессильно откинулся на спинку кресла оператор за терминалом сканера. Вместо левого глаза у него осталось сочащаяся кровью впадина, а из затылка высунулось блестящее металлическое жало. Люди падали; уцелевшие метались, закрывая головы руками, и острые шипы, материализованные из ничего, пришивали им кисти к щекам.

Человек-индиго неясной тенью выкатился в зал ожидания и прокладывал себе дорогу к выходу из здания аэровокзала, щедро рассыпая огненные веера. Корёжилось покрытие стен, загорались диваны и кресла; по стойке бара побежал пламенный ручеёк, рождённый вспыхнувшим содержимым разбитых бутылок, - в этом гордящемся своей репутацией баре продавали качественное и крепкое спиртное. Зал содрогался от многоголосого воя, люди топтали друг друга, спасаясь от ревущего огня, и затоптанных и получивших травмы было куда больше, чем ослепших и обожжённых.

Загremели выстрелы, шальные пули вырвали первых случайных убитых и раненых, а ньюмен стремглав пересек зал, прошил телом огромное стекло, оставив в нём чёткий абрис человеческой фигуры, и вырвался на улицу. Он уже садился в первую попавшуюся машину, мимоходом вышвырнув оттуда её водителя, когда его настигла пуля снайпера, дождавшегося удобного момента.

Паника медленно затихала, вокруг автомобиля с застреленным "призраком" мало-помалу начали собираться зеваки, но их проворно оттеснили налетевшие откуда ни возьмись стереовизионщики. И через пятнадцать минут разбитые стёкла, кровь, неподвижные тела на полу и внушительные подпалины на стенах центрального зала аэропорта увидела вся страна.

* * *

— Докладывайте! - приказал Блад вытянувшемуся перед ним хайерлингу.

— Индиго-психоз достиг апогея, мой генерал. Страна охвачена беспорядками, причём большинство беспорядков имеет ярко выраженную расовую окраску. Индиго слишком мало, они почти неуловимы, но люди подозрительно смотрят друг на друга, не снимая пальцы со спусковых крючков. В такой ситуации гораздо легче вернуться к привычному образу врага, который маячил перед глазами десятилетиями. Можно припомнить все действительные и мнимые обиды и предъявить счёт этому старинному врагу, и потребовать уплатить по этому счёту сполна. А идея связать появление индиго с ритуалами вуду оказалась превосходной - её восприняли сразу, мигом позабыв заботливо насаждаемое понятие политкорректности.

Генерал кивнул, выражая всем своим видом: "А что я вам говорил?".

— Новинки масс-медиа?

Хайерлинг активировал настенный экран, комментируя появляющиеся на нём кадры. Блад внимательно следил за пёстрой лентой, изредка вставляя "Убрать", "Придержать" или "Довести до нужного уровня". А когда на экране пошёл тест-ролик готовящегося к запуску в сеть нового фильма "Алчущие крови", вмешалась сидевшая рядом с генералом Стэрди.

— Аляповато, но пойдёт, - лениво процедила она, наблюдая, как два скелетообразных существа настигли задыхающуюся от ужаса миловидную девушку, содрали с неё одежду, долго насильничали несчастную устрашающего вида зубчатым приспособлением, а потом открутили ей голову и начали жадно слизывать хлещущую во все стороны кровь длинными липкими языками. - Смесь секса и насилия - это терпкое пойло обыватель глотает и усваивает лучше всего. И переваривает без остатка - всё дерьмо оседает у него в душе.

Хайерлинг почтительно поклонился. В Центре очень быстро поняли, кто такая Стэрди, и насколько весомо её слово. "Роскошная смерть" неукоснительно соблюдала негласный этикет иерархии Правителей и всегда держалась на полшага позади Блада, оставаясь как бы в тени, однако её влияние на генерала и на принимаемые им решения ни для кого не было секретом.

— Так, с этим ясно, - резюмировал Джейк. - Правительство?

— В шоке, - и хайерлинг пожал плечами - мол, чего ещё ждать от этих гражданских? - Правда, их в основном волнуют спад производства и падение платежеспособного спроса. Когда на улицах стреляют, а за каждым углом мерещатся кровожадные чудища, людям как-то не до ежедневных покупок. Идут бурные дебаты о введении чрезвычайного правления, и мне кажется, что у вас есть все шансы...

— Выводы предоставьте делать мне, - перебил его генерал. - Какова реакция в мире на события в нашей стране? Как там насчёт "гулкового эха"?

— Сеть глобальна, мой генерал. Вспышки индигофобии наблюдаются в Европе, хотя их интенсивность существенно ниже, чем у нас. Арабский мир и Поднебесная империя - там пока всё спокойно. И настораживает поведение России - волна истерии угасает у её границ, словно наталкивается на невидимую стену.

— Непонятно... - проронила Стэрди.

— И неприятно, - добавил Блад. - У них ведь есть индиго, и немало. Неужели они под контролем силовых структур и мы имеем дело с организованным противодействием? Так, введите в наш пропагандистский спектр некоторые дополнения. Скажем, приравняйте "генетическую эпидемию" к птичьему гриппу, СПИДу или атипичной пневмонии. Пусть ленивые уверуют в то, что это заразно и смертельно опасно. Тогда, может быть, их реакция будет более... м-м-м... адекватной.

— Есть, мой генерал. Позволю себе заметить, что в целом ситуация раскачана - нация жаждет прихода спасителя. Тем не менее, мы ни на секунду не забываем об основной цели операции...

"Ещё вопрос, парень, какая из двух целей этой операции основная" - подумал Джейк, но промолчал.

— ...и детектирование "призраков" ведётся непрерывно, целенаправленно и всеми возможными способами. К сожалению, радиус действия сканеров ауры очень невелик - их невозможно использовать с вертолётов, не говоря уже о спутниках. Генераторы поля также не слишком эффективны: достаточно мощные агрегаты тяжелы и громоздки, они хороши только в обороне, а портативные образцы на индиго практически не действуют - разве что чуть пощекочут им мозги.

— Слишком мала мощность?

— Так точно, мой генерал. Того типа в аэропорту - вы помните, его ещё застрелили в автомашине, - полосовали из нескольких таких блоков, что не мешало ему использовать всю свою боевую магию. Да и дальнобойность у всех модификаций "глушилок" ничтожна: несколько десятков метров - это не расстояние для современного боя. Пока мы уничтожили

всего одиннадцать людей-индиго, и то только благодаря многократному перевесу или после того, как наши противники до предела выматывались. Ещё семнадцать "призраков" были обнаружены, но сумели оторваться от преследования. Они хорошие бойцы, мой генерал.

– Наши потери?

– Если говорить о солдатах, то потери приемлемые: сто девяносто два человека.

– Человека? - переспросил Блад.

– Штапов - пятьдесят семь, - уточнил хайерлинг, - причём это с учётом потерь при умиротворении. А гражданских лиц, - он чуть замялся, - свыше четырёх тысяч. Это вместе с жертвами... гм... недоразумений. Цифры всё время меняются - раненые умирают в больницах. А точное число погибших в ходе расовых беспорядков и при их подавлении неизвестно - во всяком случае, счёт идёт на десятки тысяч.

– Точные цифры в данном случае малосущественны. Фиксация энергетического фона событий?

– В ходе всех боестолкновений производилась подробная видеозапись. Кроме того, регистрировались изменения психополя - по мере возможности. Вся информация передана аналитикам - они сутками не вылезают из-за компьютеров, пытаются разобраться в том, как индиго управляют свободной энергией. Яйцеголовые тужатся описать магию интегралами и многоэтажными формулами, однако пока не преуспели.

Генерал на секунду задумался, посмотрел на Стэрди и коротко бросил офицеру:

– Свободны!

Потом он пробежался пальцами по панели контрольного терминала и произнёс:

– Ответственного за операцию "Неприкаянные сироты" ко мне.

Объявив войну "призракам", Джейк Блад отнюдь не собирался поголовно истребить всех детей-индиго, особенно тех, которые содержались в Приютах. Командирам охотничьих команд было дано распоряжение убивать взрослых индиго, но детей брать живыми. Генерал был неплохо образован и знал, что когда-то из пленных детей разных народов арабские эмиры воспитывали преданных и беспощадных в бою мамелюков. Дети - они ведь как глина, из которой умелый скульптор может вылепить всё, что угодно. А если речь идёт о детях с паранормальными способностями, то уничтожать таких детей просто глупо. И поэтому Блад заранее отдал распоряжение эвакуировать воспитанников всех Приютов в надёжные бункеры Головного Центра. Убеждать детей в необходимости эвакуации (а тем более прибегать к силе) не было никакой нужды - воспитанникам просто показали новости, и дети увидели, что происходит на улицах городов, и как звереют добропорядочные граждане при одном только слове "индиго".

Приказы в Центре исполнялись без промедления - начальник эвакуационной операции прибыл в командный бункер через четыре минуты. Им оказался Джефферсон - тот самый хайерлинг, который с полуслова понял Блада в день переворота, и в награду за понятливость и преданность был повышен на ранг.

– Операция проведена успешно, мой генерал, - доложил он. - Все воспитанники всех двадцати четырёх Приютов, не считая семнадцатого, благополучно доставлены и размещены в Головном Центре. Их общее число - девятьсот шестьдесят два человека. Плюс тридцать девять захваченных при поисковых операциях.

– Экспессы?

– Трижды имели место попытки нападения на Приюты. Дважды атаке подвергались уже пустые здания. Мы не препятствовали. Здания сожжены и разрушены. Жертв среди охраны и персонала нет.

– А среди нападавших? - усмехнулся генерал.

– Не считали, - в тон ему отозвался хайерлинг второго ранга. - Вероятно, в запале они калечили друг друга, но это не в счёт.

– Согласен. А третья попытка?

– Толпа численностью до двенадцати тысяч человек блокировала дороги, ведущие к Приюту-тринадцать...

– Несчастливое число...

– ...ещё до того, как конвой с детьми выехал из ворот. Толпа становилась всё более агрессивной, и мы поняли, что скоро начнётся атака.

– И?

– Я привык точно выполнять приказы, мой генерал, - бесстрастно ответил хайерлинг. - Конвой прибыл по назначению. Без потерь, хотя кое-где нам пришлось в буквальном смысле слова идти по телам этих безумцев. Пришлось также применить оружие - на поражение.

"Представляю... - подумал Блад. - Твои бронетранспортёры наверняка забрызганы кровью по самые башни, а боекомплекты расстреляны до последнего патрона... Но это уже неважно - важно, что дети доставлены, а лишняя кровь сейчас - это лишнее масло в огонь".

– Благодарю. Идите.

Джефферсон отдал честь, щёлкнул каблуками и вышел, а Джейк повернулся к Стэрди.

– Ну, что скажешь, царица? Честно говоря, я ожидал от "ночных призраков" куда более организованного сопротивления. Куда они все подевались? Неужели мы ошиблись?

– Не думаю. Скорее всего, они затаились, реально оценив свои силы и выжидая. Надо бы обратить внимания на подозрительно спокойные зоны - ты знаешь, что я имею в виду.

Джейк знал. Анализ данных спутникового наблюдения выявил ряд районов, общая картина которых наводила на мысль о присутствии маскировки, причём выполненной без применения технических средств. Значит, вполне возможно, что именно эти "тихие омуты" и скрывали тех самых "чертей".

– Проверим, - пообещал Блад - Дельная мысль, царица.

Стэрди холодно улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

– И ещё одно, Джейк. Помнишь, я говорила тебе о секретных файлах Эссенса?

– Ещё бы!

– Так вот, кое-какие мне удалось вскрыть. Информация далеко не полная, но и этого достаточно для тревожного вывода.

– Не тяни.

– Эссенс не блефовал. Его магические бойцы действительно существуют. Более того, они экранированы от стандартного детектирования сканерами ауры.

– Весело... И где же они, эти детишки Арчи?

– Они могут быть где угодно, Джейк. И мне почему-то кажется, что эти "невидимки" вот-вот заявят о себе...

* * *

Ньюмен был измучен. Под глазами его залегли тёмные тени, лоб пересекал длинный кровотокающий рубец, но глаза горели лихорадочным блеском.

– Рассказывай, - потребовала Серпента.

– Мы попались в предместьях. Солдаты прочёсывали жилые кварталы.

– У них была точная информация?

– Не думаю, - воин покачал головой. - Такие облавы сейчас проводятся повсеместно. Их было несколько сотен. И четыре "глушилки" на бронированных транспортёрах. Мэрилин выводила детей нашего гнезда, а мы с Рональдом приняли бой, отвлекая обезьяноподобных. Они не считали патронов и не жалели случайных прохожих - просто мели огнём, не обращая внимания ни на кого и ни на что.

– Покажи.

...Громоздкая туша угловатой чёрной машины втискивалась в узкую улицу, и тупое рыло излучателя тяжело раскачивалось в такт рывкам транспортёра. Со звоном посыпались стёкла - машина прошлась бронированным плечом по окнам первого этажа, высаживая их вместе с рамами. Трещали выстрелы; кто-то побежал через дорогу, споткнулся и упал, и тело его ещё долго дёргалось под ударами пулемётных очередей. Под гусеницами жалко хрустнул и смялся, как бумага, корпус брошенной посреди улицы автомашины; внутри дома взвился

долгий воющий крик. Вокруг автоматных дул плясали венчики огня, и светлые стены домов густо покрывались оспинами пулевых пробоин, словно сыпью - симптомом неизлечимой смертельной болезни. Солдаты шли цепью, беспощадно поливая свинцом всё шевелящееся, - они "умиротворяли" охваченный волнениями район в полном соответствии с полученным приказом...

— И тогда Рональд...

...Зыбкая тень походила на человека только очертаниями. Тень появилась из ниоткуда, вскинула руки, и по лбу транспортёра плеснуло жидким огнём. Пламя быстро поползло по броне, растекаясь и забираясь в щели, но тут вдруг бестелесная тень уплотнилась, утратила стремительность и замерла, словно попавшая в клей муха. А в следующую секунду её уже рвали на части крупнокалиберные пули...

— Рон не пробил броню. Конус поля захватил его, и...

— Смело, но глупо, - холодно произнесла Серпента. - А ты?

— Я ударил, пока они убивали Рональда.

...Головы солдат отлетали, словно по цепи прошлась невидимая стальная коса. Шлемы лязгали о мостовую, обезглавленные тела валились одно за другим. Натужно ревя мотором, машина развалила дом, расчищая место боя, а из-за поворота уже выпячивалась вторая...

— Я дрался, пока у меня были силы. Дважды я попадал в поле - это как затягивающее болото, где не пошевелить мыслью, - но мне удалось вырваться. Я пробил стену и выскочил на соседнюю улицу. Там тоже были солдаты; я убил троих. Выбрался за кольцо облавы. Мне повезло - на шоссе меня подобрала какая-то девица на мотоцикле. Я её *попросил*, - ньюмен криво усмехнулся, - и она довезла меня почти до самого нашего лагеря.

— Ты что, с ума сошёл? - в голосе Серпенты прорезались шипящие нотки. - Привести обезьяноподобную сюда?

— Мы расстались на опушке, в трёх милях отсюда. Я отблагодарил её, - и воин снова усмехнулся, - как сумел. Думаю, она осталась довольна своим маленьким приключением.

— Надо было её убить, - бросила Змея, - а не заниматься с ней любовью. Ты - индиго, она - низшая несовершенная тварь.

— Но она женщина... И она спасла меня... - Ньюмен заметно смутился. - Разве мы можем уподобляться обезьяноподобным, предводительница?

— Это война! - отрезала Серпента. - Или мы их - или они нас, только так! А что с Мэрилин?

— Я *слышал* её ещё какое-то время, но потом... Похоже, солдаты нашли её и...

— ...и убили! - жёстко закончила за него Змея. - И они не думали о том, что перед ними женщина! Хотя, может быть, сначала они тоже "поблагодарили" её, обессиленную "глушилкой", - поблагодарили всем скопом!

Ньюмен пристыжено замолчал, и Серпента чуть смягчилась.

— Ладно, иди отдыхай. Восстанавливай силы - они скоро тебе понадобятся.

— Послушай, Серпента, - спросила сидевшая в уголке и молчавшая в течение всего разговора Мэй, - что мы будем делать? Против нас, - она кивнула в сторону мерцающего экрана стереовизора, где шёл очередной выпуск новостей, - целая страна! Миллионы людей, машины, налаженная система! Неужели ты надеешься взять верх? Да, магия - это сила, но мы же не боги! Да и маги, если разобраться, далеко не всемогущие...

— Ты права, сестрёнка - Змея хрустнула пальцами, - кое в чём права. Этот Блад... Он оказался куда умнее и опаснее, чем я предполагала. И мы далеко не всемогущи, это верно. Наша магия не универсальна - у каждого ньюмена есть узкая сфера заклятий, которые у него получаются лучше всего. И масштабы невелики - мы не можем вызвать землетрясение или связать весь свободный кислород в атмосфере планеты, чтобы обезьяноподобные попросту задохнулись, - и радиус действия мал: например, сидя здесь, я не смогу разрушить в столице даже собачью будку. Ведь магия - это просто берёшь свободную энергию и с помощью своего сознания делаешь с ней, что хочешь: созидаеть, разрушаешь, исцеляешь, убиваешь. Но у магии есть количественные характеристики - условно говоря, один силач не поднимет

грузовик, для этого нужны совместные усилия и умение. А мы, ньюмены, ещё только учимся настоящей магии - пока мы ещё слишком мало умеем.

— Вы слишком рано бросили вызов людям...

— Не вы - *мы*, сестрёнка. Или тебе, - Серпента бросила на Мэй испытующий взгляд, - ближе и родней несовершенные? Ты посмотри, что они творят в собственной стране! И ради чего? Кто всё это затеял, и кто послушно служит ему безмозглыми куклами? А индиго - это всего-навсего повод: удобный повод. Ничего, мы ещё поборемся...

— Они сильнее, Серпента.

— Да, если мы выйдем в чистое поле и предложим им рыцарский поединок, они сотрут нас в порошок своими ракетами, танками, дальнобойными орудиями и бомбардировщиками. Думаю, что генерал Блад именно этого и добивается, гоняя нас по всей стране и вынуждая принять правильный бой. Но мы будем действовать по-другому - запустим в компьютерные сети "гремлинов".

— Гремлинов? Никогда не думала, что эти злые духи реально существуют.

— А это не духи, сестрёнка. Это энергетические сгустки, подчинённые определённой программе. Или, если хочешь, долгосрочное проклятье, материализующееся в компьютерах и разрушающее упорядоченность. Это не просто вирусы - это псевдосущности, бороться с которыми без помощи магии не получится. А созданная несовершенными цивилизация очень уязвима - люди не доверяют собственному разуму и слишком привыкли полагаться на машины. Обезьяноподобные и шагу не могут ступить без помощи компьютеров, и если все эти ящики с электронной требухой вдруг разом сойдут с ума... Представляешь?

Мэй молча кивнула. "Да, это будет катастрофа почище любого землетрясения. Встанет транспорт, прекратится связь, захлебнутся все сети вещания, прекратится подача энергии, будет парализована экономика...".

— Вот-вот. Над "гремлинами" работают те из нас, кто понимают суть электричества - не ту суть, которая описывается мудрёными формулами, а *истинную* суть. И когда в этой стране - да что там в стране, во всём мире! - воцарится хаос, мы выйдем из своих тайных убежищ и довершим дело. А пока пусть обезьяноподобные убивают друг друга - это нам только на руку. Ньюменам сейчас нужно уйти из-под удара капелькой ртути, рассеяться и затаиться. Но самое главное - спасти детей. Мы уйдём в северные леса, растворимся среди обитателей гетто - многие из индиго темнокожие, и нас примут те, кого сейчас обвиняют в злом колдовстве. Эти дети видели, как обезьяноподобные охотятся на людей-индиго, и из них скоро вырастут настоящие воины. И тогда... - Серпента замолчала, но Мэй видела, как пульсирует и наливается алым её аура. - Мы уже вывезли всех детей из этого лагеря - так будет надёжнее.

— А я?

— А ты останешься со мной. Я к тебе привязалась, сестрёнка Мэй.

Это было сказано вроде бы искренне, но что-то в голосе Серпенты и в выражении её глаз насторожило девочку. "Похоже, ты ни в коем случае не хочешь, чтобы я снова попала к Попечителям, - подумала она. - И если у тебя не будет другого выхода, ты меня попросту прикончишь...". Надо ли говорить, что эту мысль Мэй заботливо спрятала - она уже хорошо научилась это делать.

— Ты считаешь, - спросила она, уводя разговор от скользкой темы, - что с генералом Бладом никак нельзя договориться? Переговоры не стоит и затевать? В конце концов...

— Нам с ним не о чём говорить! - перебила её Змея. - Ньюменам и Попечителям тесно на этой планете - кому-то придётся уйти. И я сделаю всё, чтобы этим "кем-то" оказалась не я. Ладно, сестрёнка, - пора спать. Мы хоть и превосходим несовершенных во всём, но сон и еда нам тоже нужны. Может быть, когда-нибудь мы научимся обходиться и без этого, но...

Серпента не закончила фразу и замерла, словно настороженно прислушиваясь к чему-то. При этом она начала чуть раскачиваться всем телом - точь-в-точь как змея, учуявшая добычу или приближение опасности.

— Ну вот, - произнесла она изменившимся голосом. - Так я и думала... Дождались...

– Что... - начала было Мэй, но тут же сама ощутила - увидела - надвигающееся.

...Четыре самолёта, похожие на острые треугольные наконечники гигантских стрел, выпущенных великаном из исполинского лука, летели к лесному лагерю людей-индиго, и не было никаких сомнений в том, зачем они сюда летели. Крылатые машины были ещё далеко, но они стремительно приближались, яростно пожирая мили пастями воздухозаборников...

– Дождались, - повторила Серпента со злым торжеством. - Ну что ж...

Мэй уловила короткий мыслеприказ, брошенный предводительницей своим воинам, а затем Змея повернулась к девочке.

– Идём, сестрёнка, - пришёл твой час. Останови их - ты сможешь это сделать.

Они выскочили из коттеджа под тёмнеющее вечернее небо. Ньюмены - их было около двух десятков - уже собрались на поляне, сосредоточенные и готовые ко всему.

Мэй не спорила. Она и сама прекрасно понимала: на них летит смерть, и если её не остановить, то скоро здесь вместо коттеджей, деревьев и зелёной травы останется только горячий пепел. Девочка *потянулась* к крылатым зверям, увидела безликие головы пилотов, скрытые тёмными стёклами шлемов, ощутила биение пламени в соплах двигателей.

"Стойте! - мысленно закричала она - совсем как тогда, той памятной ночью в Приюте. - Стойте, убийцы! Падайте, падайте, падайте, - вы, привыкшие убивать!"

И... ничего не случилось. Мысль Мэй скользнула по хищным телам самолётов и стекла с них бессильно и безвредно. По-прежнему ревели моторы, и глаза лётчиков уже следили за дисплеями целеуказателей. У людей в крылатых машинах был приказ: залить напалмом одно подозрительное местечко, и они собирались добросовестно выполнить этот приказ.

– Не получается! - отчаянно закричала Мэй, чувствуя, что вот-вот разрыдается самым постыдным образом. - Не получается! - повторила она, хватая Серпенту за руку.

"Как же так? - услышала Мэй отчётливую мысль Змеи. - Почему? Девчонка старается из всех сил - энергия так и хлещет, словно из действующего вулкана... Ничуть не слабее, чем в тот раз, когда я впервые её заметила. Расстояние? Но до этих самолётов куда ближе, чем до того лайнера. Не может толком нацелить заклятье? Но ведь она же сделала это той ночью! Или... Или то была простая случайность? Нет, таких случайностей не бывает".

Однако Серпента не растерялась.

– Кольцо! - выкрикнула она, перехватывая одной рукой руку Мэй, а другой сжимая кисть ближайшего воина. - Кольцо!

Ньюмены поняли женщину со змеиным ожерельем на шее. Мэй почувствовала, как её свободную руку охватила чья-то сильная ладонь - кольцо замкнулось за считанные секунды. Собственно говоря, братья за руки не было особой необходимости - в кольцо смыкались сознания, однако этот ритуальный жест помогал координировать их настройку на общее.

Девочку окатило волной жара - пожалуй, впервые в жизни она поняла истинный смысл выражения: "Вместе мы - сила!". Послушная воле ньюменов энергия накапливалась и ждала приказа; управлять этой Силой мог сейчас любой из воинов кольца. И когда крылатые звери со скрежещущим воем вырвались из-за чёрной кромки леса на открытое пространство, люди-индиго были уже готовы.

– Х-ха-а-а! - резко выдохнула Змея.

У Мэй зазвенело в голове, словно ей по лицу со всего размаху ударили тяжелой тугой ладонью, перед глазами поплыли багровые круги. Первый самолёт врезался в невидимую стену, сложился в бесформенный комок, - Мэй ясно видела это, секунды растянулись, как резиновые, - и исчез в ослепительной вспышке взрыва. Второй проскочил, но оба его крыла срезало по самый фюзеляж, и темное веретено корпуса ввинтилось в землю. Третья машина задрожала, теряя управление, зацепилась за верхушки деревьев и проложила целую просеку, разваливаясь на куски. Земля под ногами Мэй дрогнула, а над лесом вспух клубящийся пузырь рыжего пламени.

Четвёртый пилот успел заложить крутой вираж. Машина пошла вверх, одновременно разворачиваясь на обратный курс, и тогда Серпента приказала:

– Бей, сестрёнка! Этот - твой.

И Мэй ударила. Она обратилась в тонкую иглу, *дотянувшись* до самолёта (равнодушно отметив панику, охватившую сознание его пилота), *проколола* (что именно - она не поняла, только почувствовала что-то горячее) и *отпустила* машину за долю секунды до того, как та превратилась в огненный клубок.

Всё кончилось в считанные мгновения. Девочка ощутила чудовищную усталость, но устояла на ногах, хотя это стоило ей немалых усилий. Кольцо разомкнулось.

– Молодец, сестрёнка Мэй, - услышала она и подняла голову.

Змея была мертвенно бледна - ей досталось больше всех, - но глаза предводительницы "истинных новых людей" светились пылающей тьмой. И в уголке её губ застыла маленькая алая капелька, словно эта женщина только что пила кровь.

– Молодец, - повторила Серпента, погладила змеиную головку на своём ожерелье и повернулась к людям-индиго. - Уходим. Через четверть часа здесь будет ад.

* * *

– Мой генерал, экстренное сообщение. В квадрате 48-62 при проведении тест-рейда погибли четыре истребителя-бомбардировщика. Нестандартная система противовоздушной обороны. Аппаратура слежения зафиксировала сильнейшие энергетические всплески.

– Эта она. Наконец-то!

– Кто "она"? - не поняла Стэрди.

– Моя "крестница" Мэй - та чёртова девчонка, с которой и началась вся эта кутерьма. Та самая, которая сбивла пассажирский авиалайнер. Не сомневаюсь, что гибель истребителей - тоже её рук дело. И наверняка где-то там поблизости и милейшая дама со змеей на шее - такие подарки, как живая система ПВО, ни один здравомыслящий военачальник из рук не выпустит. А уж в здравомыслии "ночным призракам" не откажешь - хотел бы я иметь таких бойцов. Они не принимают боя, словно эти, как их, древние скифы. Но сейчас они попались! Я не могу заливать напалмом всю страну, но локальный участок - легко. Никто и не пикнет, особенно сейчас, когда мы спасаем нацию от генетической эпидемии!

Генерал Джейк Блад хищно усмехнулся и отрывисто скомандовал в коммуникатор:

– Удар РСЗО¹⁶ по квадрату 48-62. Работать на пределе дальности. Авиации: повторный налёт. Пуски ракет с предельной дистанции - в зону предполагаемого действия нестандартной ПВО противника не входить. Аэромобильным частям - охватить весь район по периметру. Джефферсон, назначаетесь командующим операцией. Обо всём докладывать мне немедленно. Особое распоряжение: там должна быть девчонка лет четырнадцати и женщина с оригинальным ожерельем на шее - в виде змеи. Этих взять живыми - любой ценой, не считаясь ни с какими потерями. Как меня поняли?

– Приказ принят и понят, - ответили несколько слитых воедино голосов: команды одновременно передавались всем исполнителям.

– Тогда приступайте, - Блад откинулся на спинку кресла. - Теперь нам остаётся только ждать.

– А ты не боишься получить вместо живых пленниц одни лишь обугленные останки? - поинтересовалась Стэрди. - После массированного удара там не останется в живых даже лягушки.

– Нет, не боюсь. "Призраки" достаточно умны - они не будут сидеть и ждать, пока мы их прихлопнем. Нет, они сейчас уже уносят оттуда ноги - со всей поспешностью. Так что теперь всё зависит от того, сумеет ли Джефферсон не дать им уйти.

* * *

¹⁶ РСЗО - реактивная система залпового огня.

Эта ночь запомнилась Мэй одним сплошным кроваво-дымным пятном.

Ньюмены бежали через лес. Они скользили между деревьев быстрыми призрачными тенями, словно ожившие персонажи древних легенд и преданий, и когда позади - там, где остался опустевший лагерь, - раздался чугунный топот, и на полнеба разлилось оранжевое зарево, люди-индиго были уже далеко.

Мэй ещё не умела толком лететь скользящей походкой - боевым шагом "ночных призраков", - и ей пришлось нелегко. Но Змея держалась рядом с девочкой и подпитывала её своей энергией, поэтому Мэй не отставала.

Дважды над ними проносились самолёты, и ньюмены слышали стрёкот вертолётных винтов, но лес оставался тёмным и тихим. Мэй ощущала вуаль невидимости, накинутаю войнами на маленький отряд, - тоненькую, почти не дающую энергетической засветки, - и понимала, почему "призраки" не обращают внимания на воздушные машины: им надо было как можно дольше оставаться незамеченными. Чувствовала Мэй и нарастающее напряжение Серпенты - предводительницы ньюменов что-то тревожило, и сильно тревожило, - но девочке было не до анализа чужих мыслей: сумасшедший бег по ночному лесу отнимал у неё все силы.

Они достигли опушки леса далеко за полночь, когда чернильная темнота затопила всё вокруг, а кусты и деревья слились в одну сплошную чёрную массу. За кромкой леса пролегла широкая автострада, и она была ярко освещена: десятки мощных прожекторов превратили там ночь в день. Серпента выругалась сквозь зубы, и было отчего.

На шоссе стояли танки, развернувшие стволы орудий в сторону леса. Из распахнутого чрева тяжёлого вертолёта горохом сыпались солдаты в броне, разворачиваясь в длинную цепь; второй такой же вертолёт опускался, сверкая остеклением кабины. И жирными узлами в танковой шеренге выделялись коробчатообразные силуэты транспортёров-излучателей.

Повинуясь беззвучному приказу Серпенты, ньюмены замерли. Мэй колотило, в животе рос леденящий комок страха, но Змея выглядела спокойной и невозмутимой - сорвавшееся с её губ короткое проклятье было единственной эмоциональной реакцией предводительницы "призраков" на впечатляющую картину боевой мощи, развёрнутой против людей-индиго.

Серпента размышляла недолго. Второй вертолёт ещё не коснулся покрытия шоссе, и цепь солдат ещё не миновала белую полосу на обочине автострады, когда ньюмены нанесли удар.

Они разделились. С Мэй и Серпентой остались только двое воинов, в том числе и тот, который вырвался из кровавой каши в предместье, - девочка запомнила его лицо. Остальные оттянулись на фланги, сжались в тугую пружину, и...

В небо ударил фонтан огня. На шоссе образовалась пышущая жаром яма, из которой хлестал вверх султан пламени. Мельком Мэй заметила выражение лица Серпенты; губы Змеи шевелились, хотя работало не слово - работала мысль, превращённая в убийственное оружие. Яма ширилась, асфальт размягчался и плавился, трясина впитывая в себя широкие гусеницы боевых машин. Серпента запустила распад материи, используя совокупную силу, накопленную всем её отрядом. А цепь бронированных солдат, бегущих от беснующегося на автостраде гудящего пламени, подёрнула частая сетка пульсирующих голубых молний.

Запах горелым мясом - ветер дул от дороги к лесу. Два танка завязли на шоссе по самые башни, из их верхних люков поспешно выбирались люди в комбинезонах. Один из транспортёров завалился набок, уткнувшись эмиттером излучателя в раскалённый асфальт, остальные неуклюже пятились, пытаясь выбраться с обернувшейся ловушкой магистрали. Солдаты залегли, огрызаясь короткими очередями; грохнули первые орудийные выстрелы. Танки расползались потревоженными жуками, и выпущенные снаряды бессистемно падали в лесу, с корнем выворачивая деревья и рубя осколками листву.

Мэй не знала о приказе генерала Блада и не могла понять, почему противник сразу не ударил по опушке леса всей огневой мощью - одних только танков на шоссе было дюжины две. Но размышлять об этом ей было некогда - Серпента дёрнула её за руку, бросив краткое, как ожог: "Бежим!".

Они бежали с такой скоростью, что под их ногами ломались, не успевая согнуться,

гибкие стебли травы - "призраки" трансформировались в свою боевую ипостась. Свистели пули; Мэй почувствовала удар, и ещё один, и поняла, что Серпента прикрыла её силовым полем, оберегая от шального попадания. И ещё девочка поняла - правда, полное понимание пришло уже позже, - что Змея трезво оценила ситуацию и знала: принимать затяжной бой нельзя, людей-индиго в конце концов задавят числом, и поэтому надо прорываться - любой ценой, даже ценой гибели девяти ньюменов из десяти.

Позади них один за другим вырастали чёрные столбы разрывов - танкисты опомнились и вели теперь беглый огонь по лесу, перепахивая опушку. Ньюмены отвечали, как могли, отвлекая внимание от рвущейся к шоссе маленькой группки. Звонко лопнул и развернулся гротескным цветком ствол танковой пушки; по сизой броне скатился огненным клубком охваченный пламенем человек. Прямо перед Мэй появилась безликая фигура солдата, но его движения показались девочке тягуче-медленными, словно он шевелился в вязком киселе. Мэй видела, как ползёт в её сторону автоматное дуло, и ударила первой, не дожидаясь, пока это дуло плюнет в неё свинцом.

С подвески зависшего над дорогой вертолёт протянулись дымные полосы пущенных ракет, но Серпента вовремя заметила эту новую угрозу. Лопасты винта загнулись вверх почти под прямым углом, и вертолёт с хриплым клёкотом рухнул под гусеницы танков, выбравшихся из огненного болота, в которое превратилось шоссе. Мэй снова ощутила боль - по её силовой скорлупе прошёлся целый веер осколков. Боль была куда более резкой, чем минутой раньше, и девочка сообразила - защита слабеет: силы людей-индиго имеют свой предел, и этот предел уже близок.

Опушку леса уже сплошь затянуло бурым дымом, сквозь который вспышками ярости пробивались языки пламени, - казалось, там не осталось ничего живого. Однако Серпента, Мэй и двое ньюменов добежали до автостреды и перемахнули через неё одним отчаянным рывком, почти не касаясь ногами покрытия.

Их заметили - все машины были напичканы средствами приборного наблюдения, - но всеуничтожающего огневого шквала не последовало. Вместо этого мобильные излучатели, сохранившие боеспособность, - добрая половина "глушилок" была уже выведена из строя - перефокусировали свои поля на другую сторону шоссе.

...Мэй почувствовала равнодушие и усталость. "Зачем всё это?" - подумала девочка, и мысли её были ленивыми и монотонными. Тело обмякло, и даже рёв бушевавшего на дороге огня казался теперь каким-то никчёмным шумом. Ей захотелось лечь и забыться, не слышать и не видеть ничего, и ни о чём не думать...

Из накатывающегося серого безмолвия её вырвала оглушительная пощёчина. Она увидела совершенно бешеные глаза Серпенты, и ощутила сильный рывок - Змея без лишних слов перекинула Мэй через плечо. И ещё она, чуть повернув голову, увидела, как тот самый ньюмен со шрамом на лбу - Мэй так и не узнала его имя - появился возле самого корпуса транспортёра, в мёртвой зоне, и одним неуловимым движением взлетел вверх по борту машины. Как ему удалось открыть верхний люк, девочка не поняла, но человек-индиго сделал это и втянулся в тёмную дыру. Затем внутри транспортёра глухо ухнуло, и из всех щелей плеснуло жёлтое пламя...

Пелена серого бессилия отступила. Мэй и Серпента кубарем скатились вниз по откосу - противоположная сторона автостреды была крутой. Они снова перешли на скользящий бег - до спасительных зарослей густого кустарника было уже недалеко. И оглянувшись назад в последний раз, Мэй увидела в ярком свете прожекторов второго воина, шедшего с ними. Он стоял на дороге во весь рост, не прячась и не пригибаясь. С рук ньюмена летели голубые молнии, и суетившиеся среди дыма солдаты падали один за другим. А потом вместо чёткого силуэта человека-индиго в мертвенно-белом прожекторном луче развернулся огненный зонтик снарядного разрыва...

Больше Мэй уже ничего не видела. Серпента снова дёрнула её за руку, и они нырнули в заросли, скользя между невысоких взгорков. У Змеи осталось достаточно сил для "шапки-невидимки" и для бега.

* * *

– Итак, вы их упустили.

– Так точно, мой генерал.

– Это хорошо, что вы умеете признавать свои ошибки, но их лучше не совершать. Вы уверены, что женщины и девочки нет среди убитых?

– Не уверен, мой генерал. На поле боя найдены тела двенадцати погибших индиго, и ещё несколько тел были разорваны на куски. По фрагментам затруднительно произвести точную идентификацию. Одну девушку мы окружили в лесу. Выполняя ваш приказ, её старались взять живой. Это стоило нам двадцати восьми солдат и двух сожжённых танков, но последним усилием она убила себя. Эта индиго не похожа ни на женщину со змеей, ни на девочку - ей лет восемнадцать-девятнадцать. По оперативной видеосъёмке можно сделать вывод, что в ходе боя несколькими "призраками" удалось прорваться к шоссе. Один из индиго сумел непонятным образом проникнуть внутрь бронетранспортёра-"глушилки". Мужчина это был или женщина - установить невозможно: то, что осталось там после взрыва всего боезапаса... вы понимаете. Ещё одного "призрака" накрыло прямым попаданием снаряда, но у нас есть чёткие видеокадры - это мужчина. Правда, есть предположение, что индиго умеют изменять свой внешний вид - вплоть до половой принадлежности.

– Оставим эту гипотезу яйцеголовым, Джефферсон. У меня к вам другой вопрос: вы уверены, что никому из "ночных призраков" не удалось вырваться из кольца?

– Не уверен, мой генерал.

* * *

– Смотри-ка, там что-то горит...

– Где?

– Да вон там, левее... Видишь дым?

– Наверно, лесной пожар. Места здесь безлюдные.

– Ага, безлюдные, - то-то там всю ночь гремела канонада! Не иначе как охотились на этих демонов-индиго.

– А ты сам-то веришь в них? Ты видел хоть одну такую тварь живьём?

– Я не видел, но говорят, за рекой жила какая-то ведьма: напускала порчу и всё такое. Её спалили вместе с домом, как только всё это началось. О, гляди! Да вон, впереди! Разуй глаза, Стив! Теперь видишь?

Видавший виды открытый джип с двумя молодыми парнями мчался по шоссе. Было раннее утро, и дорога была пустынной, лишь из низин выползали и ложились под колёса пряди белого тумана, похожие на таинственных сказочных существ. А когда джип проскочил очередную туманную полосу, сидевшие в нём люди увидели неторопливо бредущих вдоль шоссе двух девушек - самых обычных, в выпцветших джинсах, майках, шапочках-бейсболках и с рюкзаками за плечами.

– Что за ранние птички? - пробормотал Стив, сидевший за рулём. - Хм, а не составят ли они нам компанию, а, Харви? Как ты смотришь на это сладкое дело?

Харви буркнул нечто нечленораздельное, но явно одобрительное. Девушки шли себе и шли, и только когда машина поравнялась с ними и затормозила, они повернули головы.

– Хай! - Стив широко улыбнулся и помахал рукой. - Доброе утро! Девчонки, а вам не страшно одним на пустынной дороге? Сейчас не самые лучшие времена для пеших прогулок. Вам куда, крошки? Садитесь, нам наверняка по пути!

– Может, и по пути, - ответила старшая из девушек, брюнетка с блестящей цепочкой на шее, словно собранной из металлических чешуек.

– Слушай, Стив, - хрипло прошептал Харви, - а вторая-то совсем малолетка! Как бы нам это, не налететь... Может, старшую как-нибудь поделим, а?

– Разберёмся, - сквозь зубы ответил Стив, не снимая с лица радостной улыбки. - А что до малолеток, так они сейчас такого жару дают - профессиональные шлюхи завидуют... - И добавил, обращаясь уже к девушкам. - А раз по пути - тогда садитесь, бэби! Меня зовут Стив, а вот его - Харви. Он хороший парень, да и я вообще-то неплох! Дорога веселей, когда есть с кем... поболтать. - Он сделал многозначительную паузу. - Верно я говорю?

– Верно, - темноволосая чуть улыбнулась. - Я - Селия, а она - Марта, - представила девушка свою младшую спутницу. - Нам вообще-то на юг, к самой границе.

– Ого! - искренне удивился Стив. - Далеко... И чего вы там забыли?

– Надо, - уклончиво объяснила Селия. - А что далеко, так мы договоримся, верно я говорю?

При этом в глазах девушки заплясали озорные чёртики, и оба парня почувствовали себя так, словно их окунули в кипяток.

"Ох и ничего себе... - подумал Стив. - Ядерная девчонка..."

"Я сейчас просто кончу прямо в штаны" - подумал Харви.

...Сerpента и Мэй шли всю ночь, прячась от рыскавших в небе вертолётчиков, и уже под утро выбрались к автострате, уходящей к югу. Погоня вроде бы отстала, но успокаиваться было ещё рано - обе понимали, что после боя у шоссе их так просто в покое не оставят.

Они потратили минут десять на маскарад, и Сerpента, чуть поколебавшись, превратила свою любимую змею в ничем не примечательную цепочку.

– Слишком бросается в глаза, - пояснила она. - Нас ведь снимали - там, на шоссе. Да и раньше... Так что пусть уж лучше мой талисман пока поспит.

Она любовно провела пальцами по крошечной змеиной головке, и ожерелье изменило свой внешний вид.

– Так будет лучше. Ну вот, сестрёнка, - сказала она, оглядев Мэй с ног до головы, - а теперь пошли. Впереди наверняка есть хотя бы один блокпост. Нам нужен фон, прикрытие, и поэтому мы сделаем вот что...

И через полчаса их нагнал на шоссе джип с двумя весёлыми молодыми парнями...

Марта, севшая рядом с водителем, отмалчивалась, лишь изредка отзываясь короткими репликами на заигрывающую болтовню Стива, зато Харви блаженствовал. Селия уселась на заднее сидение, и ничуть не противилась, когда осмелевший парень обнял её за талию. От девушки ощутимо веяло жаром, и Харви чувствовал, что медленно, но верно сходит с ума. "Надо бы попросить Стива притормозить у кустиков погуще... А то если я оприходу эту Селию прямо здесь, бедолага Стив от такого аттракциона врежется в первое попавшееся дерево, даже если оно будет в ста ярдах от дороги..."

Тем не менее, он потихоньку забрался Селии под майку, вдохновенно тиская её тугую грудь, и уже примеривался, как бы половчее стянуть с неё джинсы, когда за очередным поворотом шоссе показался блокпост.

"Никакой магии, сестрёнка, - услышала Мэй мыслеголос Сerpенты. - Я всё сделаю сама. А ты - как договорились: прижмись к этому обезьяноподобному и постарайся вызвать в себе хотя бы маленькую к нему симпатию. Я понимаю, что это трудно, но..."

– Холодно, - Марта поежилась и потёрла ладонями плечики. - Можно я прижмусь к тебе? - спросила она и, не дожидаясь ответа, притиснулась всем телом к ошалевшему от такой неожиданности Стиву. Тем временем Харви проклинал всё на свете, от всей души желая, чтобы этот так некстати появившийся блокпост провалился бы в преисподнюю.

– Стой! - сержант в бронежилете и с автоматом на груди поднял руку. Потом он скользнул глазами по парочке на переднем сидении, отметил красную физиономию Харви и усмехнулся. - Сожалею, парни, но вам туда, - он махнул рукой в сторону стеклянной будки с установленным в ней аур-сканером. - Когда пройдёте проверку, сверните направо. Там через пару миль будет мотель с удобными койками. А пока поберегите силы, ребята.

"Нас же сейчас раскроют, - напряжённо думала Мэй, безмятежно уткнувшись в плечо Стиву. - И тогда..."

Но джип без проблем прошёл контроль. Сerpента знала, что делала: полыхающие от

любовного возбуждения ауры парней заглушили слитые с ними ауры девушек-индиго.

– Уф... - шумно выдохнул Харви, когда пост остался позади. - Что там этот солдат говорил про мотель? Завернём туда, а? Я бы не прочь немного понежиться в постели...

– Мы поедем дальше, - услышал он неузнаваемо изменившийся голос Селии. - До ближайшей автозаправки. Там зальёте полный бак, и возьмёте ещё канистры. Мы едем на юг, парни, - любви не будет.

Марта отстранилась от Стива, и удивлённый парень поперхнулся, так и не выдавив из себя: "Ты чего, крошка?". А Харви с изумлением, переходящим в испуг, смотрел на Селию, не веря своим глазам - неужели эта девушка с по-змеиному холодными глазами только что млела в его объятьях? "Да ведь она же... - мелькнуло у него в голове. - Она же из *этих* !"

– Ты правильно понял, обезьяноподобный, - усмехнулась Серпента - Я из *этих* . И мы едем туда, куда я сказала, - на юг. А чтобы вам обоим было не так одиноко...

Она сделала лёгкое движение, и по запястью Харви скользнула тонкая полоска, через миг обернувшаяся маленькой золотистой змейкой. Змея быстро обвилась вокруг руки парня, подняла голову и угрожающе зашипела, высунул раздвоенный язычок. Харви застыл, боясь пошевелиться.

Вторая такая же змейка родилась на шее Стива, ткнулась ему в подбородок, заявив о своём появлении, и свернулась в кольцо - в точное подобие ожерелья Серпенты.

– Сидите смирно и делайте, что я скажу. Одно неверное движение, и вы умрёте - быстро или, наоборот, медленно и мучительно. Это уж как мне вздумается, твари...

– Зачем ты так? - сказала Мэй с упрёком. - Можно ведь было просто подчинить их сознания нашей воле - они бы и сами всё сделали.

– Можно, - согласилась Змея. - Но, во-первых, тогда за ними пришлось бы всё время следить, чтобы они не вышли из-под контроля. У них и так мозги повернуты не в ту сторону - одно на уме. А во-вторых, у меня так лучше получается, и... мне так больше нравится. Всё. Поехали.

...Они заправились и ехали целый день, остановившись только один раз, чтобы перекусить. Серпента собиралась ехать и ночью, но это оказалось невозможным - оба парня выбились из сил, а выкидывать их из машины и ехать дальше самим было нежелательно - впереди вполне ещё мог встретиться контрольный пост, и не один. Поэтому все четверо заночевали в придорожном отеле, в одном номере с двумя широкими кроватями. Одну кровать заняли Мэй и Серпента, предоставив вторую Стиву и Харви - в компании со змеями. Серпента слегка закамouflировала творения своей магии, чтобы не вызывать ненужного интереса к таким несколько странным украшениям.

Утром они продолжили свой путь, с каждым часом сокращая расстояние до южной границы. Ехали молча - говорить с парнями им было не о чем, а между собой индиго могли общаться мысленно. Всё было спокойно, блокпостов здесь уже не было, а парализованные смертным ужасом парни и помыслить не могли о каком-либо неповиновении. Но идиллии неожиданно пришёл конец - на окраине очередного городка двигатель джипа вдруг издал металлический скрежет и встал: как выяснилось, бесповоротно.

– Ладно, - решила Серпента, вылезая из машины. - Идём, сестрёнка. Поищем себе другой транспорт. Честно говоря, я бы предпочла маленький самолёт - быстро и удобно, и идти можно над самой землёй, чтобы было не так заметно. Спросим там, - она махнула рукой в сторону одноэтажных чистеньких домиков. - Здесь непременно должен быть какой-нибудь частный опылитель хлопковых плантаций... Пока, парни, - она повернулась к Стиву и Харви, - счастливо оставаться! В следующий раз будьте осторожнее со случайными знакомствами - это может для вас очень плохо кончиться. Пока-пока!

– А... - робко произнёс Харви. - А как же это? - и он показал глазами на змейку на своём запястье. Стив молчал, но чувствовалось, что этот вопрос его тоже очень волнует.

– Спасибо, что напомнил, - Серпента зловеще усмехнулась, и Мэй поняла, что сейчас произойдёт.

– Нет! - закричала она. - Нет, нет, не надо! Не убивай их! "Как сказал тот воин,

погибший на шоссе, - *Разве мы можем уподобляться обезьяноподобным ?*".

– Они расскажут о нас другим несовершеннолетним, сестрёнка Мэй, - нахмурилась Змея, - а до границы ещё далеко. Их нельзя оставлять в живых.

– Не расскажут! - настаивала Мэй, заслоняя собой посеревших парней. - Я заставлю их забыть обо всём, что они испытали за последние трое суток. Они если что и вспомнят, то не раньше, чем через несколько лет. А за это время многое может случиться... Серпента, не убивай их, пожалуйста, я прошу тебя! Они ведь всё-таки помогли нам, пусть даже не по своей воле!

Змея заколебалась. Мэй видела по её ауре, что Серпенте очень хочется отдать команду "Куси!" своим змейкам-убийцам, но в то же время мнение Мэй она не могла не принимать в расчёт - ведь девочка была ей нужна, очень нужна. И Серпента уступила.

– Ладно, - сказала она с неохотой. - Пусть живут. Благодарите эту девчонку, твари, и молитесь за неё! Впрочем, вы скоро забудете, кому обязаны своей никчёмной жизнью... Работай, сестрёнка. *Оглуши* их, и пойдём. Надо найти самолёт - нам надо на юг.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГРЕМЛИНЫ

Джейк дотянулся до стоявшей на низком столике у ложа бутылки с коллекционным бренди, набулькал полстакана и выпил одним глотком. Привычка к крепким напиткам появилась у него давно, в те времена, когда он был ещё лейтенантом спецназа. "Добрый глоток виски, - говаривал его командир, - лучше всего прочищает глотку от набившегося туда песка пустыни. Расслабляться не только можно, но и нужно, особенно после того, как вдоволь пополооскал руки в крови. А транквилизаторы и стимуляторы - это для неврастеников и истеричных девиц, опасющихся нежелательной беременности".

Полежав с минуту, Блад чуть повернул голову и посмотрел на Стэрди. Она лежала с закрытыми глазами, но не спала - на губах "роскошной смерти" играла лёгкая улыбка.

– Ну, ты довольна? - негромко спросил Джейк. - Мы на вершине, а ты стала царицей, как и хотела. Клеопатра чешется от зависти в своём саркофаге...

– В первую очередь доволен должен быть ты сам, - Стэрди приоткрыла глаза. - Как там в том старом армейском анекдоте: "Думал ли ты, лейтенантик, что будешь спать с генеральшей?" А что касается вершины - приглядишься, Джейк: лестница вверх только начинается, и у этой лестницы очень много ступенек.

Она протянула руку и ласково провела по щеке Блада тыльной стороной ладони.

– Так что пойдём дальше, генерал, - о, простите, как там тебя теперь надо называть: лорд-протектор, да? Стоять на месте - скучно...

"Это да, это верно, - подумал Джейк, - стоять на месте - оно как-то не с руки..."

Процедуру передачи генералу Джейку Бладу чрезвычайной власти в стране досужие журналисты тут же окрестили "коронацией", хотя внешне она не имела ничего общего с этим средневековым ритуалом - не было ни помпезности, ни огромного скопления людей, ни даже короны как таковой. Просто в один прекрасный день по всем информационным каналам прошло сообщение о введении в государственный аппарат в связи с чрезвычайной ситуацией в стране и мире новой должности - лорда-протектора, коим назначался генерал Блад. Звучало внушительно, тем более что кое-кто из недобитых умников даже знал: был уже один лорд-протектор по имени Кромвель четыреста лет назад, в Англии, и вроде бы он оказался крутым парнем.

Генерал был именно назначен указом президента с одобрения конгресса, а вовсе не ворвался во власть на бронемашине, битком набитых солдатами-клонами, как осмеливались болтать злые языки, - легитимность на радость поклонникам "демократии" была полной. Впрочем, особо громко болтать побаивались - новоявленный лорд-протектор в борьбе с "генетической эпидемией" заслужил репутацию человека, не слишком склонного к шуткам.

Джейк не претендовал на внешние атрибуты власти - он хорошо знал цену всем этим декорациям. Зато Блад получил прямой доступ ко всем реальным рычагам власти, включая

контроль над бюджетом, право вето на разрабатываемые и принимаемые законы, "ядерный чемоданчик" и пост верховного главнокомандующего всеми вооружёнными силами (была принята соответствующая поправка к конституции). Формально (для неискушённого наблюдателя) почти ничего не изменилось, но фактически вся полнота власти перешла в руки лорда-протектора и "спасителя нации" Джейка Блада.

Ничего не изменилось и по сути, просто теперь тайная власть Правителей избавилась от помех: отпала необходимость соблюдать ненужные формальности вроде голосований и дебатов. Машина осталась всё той же - Блад лишь модернизировал её и сделал гораздо более эффективной и быстродействующей.

Змея сбросила старую кожу, стеснявшую движения. Завершив боевую трансформацию, она покачивала своей треугольной головой, обводя немигающим взглядом планету. Тускло поблескивала золотая чешуя, под которой переливались гибкие и сильные мышцы, - змея готовилась к броску, готовилась обвить кольцами весь этот мир и сделать его своим гнездом.

Да, генерал Блад имел все основания быть довольным - Стэрди была права.

"Ночные призраки" не приняли открытого боя, и это молчаливое признание ими своего поражения было объявлено победой генерала Блада. Великой победой, "достойной встать в один ряд с победами при Саратоге и Йорктауне¹⁷", как писала захлёбывающаяся от восторга пресса, был объявлен и ночной бой у автостреды - единственное серьёзное столкновение армии с людьми-индиго.

На экраны страны вышли два новых фильма: "художественно-документальная" лента "Победитель демонов", имеющая так же мало общего с реальной биографией Джейка Блада, как костюмная мелодрама в античном антураже с настоящей историей, и эпический боевик "Раскалённое шоссе", в котором brave солдаты доблестно сражались с прогрызающими танковую броню призрачными тварями и героически погибали за свободу и демократию.

Однако Стэрди была права и в другом: захват абсолютной власти в одной отдельно взятой стране - это только начало. И лорд-протектор не собирался почивать на лаврах.

...Алкоголь действовал. И действовало горячее тело Стэрди - эта женщина прямо-таки генерировала зовущие флюиды. Джейк потянулся к ней, и она с готовностью ответила...

Спальня первого из Правителей таилась в подземельях Головного Центра, защищённая от всех мыслимых и немыслимых опасностей. Обнимая на своём огромном царском ложе "роскошную смерть", генерал медленно уплывал в дрему, когда его вечно насторожённое подсознание отметило некую странность.

Мягкий интимный полумрак спальни прорезала узенькая полоска света: раздвигалась одна из стенных панелей. А странность заключалась в том, что открывался запасной, тайный выход, ведущий к вертолётному ангару, расположенному на вершине горы. Об этом отнорке почти никто не знал, а его код-пароль был известен только самому Бладу и Стэрди. И тем не менее, именно этот потайной ход сейчас открывался - медленно и беззвучно.

Рефлексы опередили сознание. Джейк вырвал пистолет из специального углубления в изголовье раньше, чем успел понять, что за тёмный силуэт прорисовался в слабо освещённом проёме. Но лорд-протектор не смог поднять оружие - каменная тяжесть пригнула его руку к пышному ковру, устилавшему пол.

* * *

Алан шагал за Диего по чуть наклонному широкому коридору, уходящему вглубь. Эта галерея была парадной: её стены покрывала выполненная "под древность" роспись на темы мифов разных стран и народов, через каждые несколько шагов встречались каменные статуи

¹⁷ В ходе войны за независимость США при Саратоге (1777 г.) и Йорктауне (1781 г.) восставшие американские колонисты нанесли поражения британским войскам.

звероподобных богов тольтеков и ольмеков.¹⁸ Света здесь хватало: на стыке стен и потолка были установлены скрытые электрические светильники, хотя экзальтированные визитёры считали, что это работает магия. Коридор незаметно поворачивал и в конце выводил наружу, к выходу из Катакомб; протяжённость его была не слишком велика, но за время экскурсии, сопровождаемой ореолом мистики и многозначительно-таинственными комментариями гидов из агентства Мерседес, многим туристам зачастую казалось, что они прошли насквозь через сердце горы. Таковых не разубеждали - человек легче всего верит в то, во что хочет поверить.

Подавляющее большинство посетителей, прибывающих в Катакомбы за экзотикой, не знало, что кое-где в полутёмных нишах за спинами уродливых идолов находились проходы, ведущие во второй кольцевой коридор. В этом коридоре располагались жилые гроты адептов "горного братства", и сюда попадали немногие. А дальше в паутину узких ходов и тайных пещер из посторонних допускались вообще единицы: с ведома и согласия матери Эухеньи и только в сопровождении кого-нибудь из её молчаливых доверенных учеников.

Алан и Диего быстро добрались до середины парадной галереи. Там Рохо остановился, бросил быстрый взгляд на своего спутника, словно в последний раз задавая себе вопрос: "А правильно ли я поступаю?", а потом решительно шагнул в густую тень за выгнутой спиной громадного пернатого змея.

– Идёмте, Алан, - негромко сказал он, - нам сюда.

Узкая каменная щель показалась Алану тёмной после хорошо освещённого парадного коридора, но глаза Старика быстро привыкли к рассеянному голубоватому свечению. "Хм, - подумал он, - а вот это уже настоящий магический свет, хотя на первый взгляд он таковым не кажется. Хорошо сделано - у них здесь есть очень способные мальчики и девочки...". Алан ощущал пульсацию энергии, свободно текущей сквозь пласты базальта, и чувствовал: этой энергией здесь умеют управлять. "Жаль, - подумал он, - сколько времени потеряно зря. Мне надо было придти сюда ещё лет десять назад, а может быть, и раньше. Но что толку сожалеть об этом: хорошо, что я всё-таки сюда пришёл...".

За поворотом им встретились две молоденькие девушки. Они приветствовали Рохо почтительными кивками, одарив Алана лишь мимолетными взглядами - раз этот незнакомец идёт в сопровождении Того, Кто Слышал Крик, значит, так надо. Однако Алан почувствовал, что обе эти девочки мгновенно поняли, кто он такой - они явно хорошо умели чувствовать Силу. И снова Алан ощутил укол горечи - "Эх, надо было придти раньше!" - и даже зависти: кто-то делал дело, пока он, один из первых ортов этого мира, упорно от него отгораживался...

Путь по каменному лабиринту оказался недолгим. Диего и Алан свернули в одно из ответвлений второго коридора, миновали несколько пещер, встретив по пути ещё нескольких птенцов горного гнезда, и вошли в обширный грот. И там на деревянном кресле, украшенном причудливой резьбой, сидела женщина в чёрном одеянии.

– Миктекасиуатль, - позвал Диего, - я привёл человека, который хочет тебя видеть.

Эухенья неспешно повернула голову, и Диего поразили её глаза: они горели, светились раскалёнными огненными точками - Рохо уже и забыл, что глаза ведьмы могут быть такими.

– Ты поступил правильно, chico guso, - медленно проговорила она. - Не бойся, это не враг. Но вот сможет ли он быть другом... Садись, пришелец, - и темная сухая рука колдуньи указала на плоский камень, прикрытый меховой шкурой. - Мы будем говорить.

"Что за чёрт, - подумал Алан. - Почему мне кажется, что я уже слышал этот голос? Правда, это было давно. Очень давно..."

Он опустился на указанное ему место и откашлялся. Ощущение было странным - Алан ждал этой встречи, добивался её; он многое хотел сказать, а вот теперь, когда пришло время говорить, все слова куда-то делись, и даже язык стал чужим и непослушным. И ещё - Алану было неловко под пронзительно-испытующим взглядом ведьмы, словно эта Миктекасиуатль

¹⁸ Древние народы Центральной Америки

знала о нём что-то такое, о чём он сам предпочёл бы забыть.

– Говори, я слушаю, - напомнила Эухенья

– Я пришёл с севера... - начал Алан.

– Там стало холодно, и тебе захотелось тепла?

Как ни странно, но лёгкая тень иронии, притаившаяся в этом невинно-двусмысленном вопросе, помогла Алану справиться с собой и преодолеть замешательство. И он рассказал обо всем, что знал - обо всём. Он рассказал о Попечителях и о ньюменах, о детях-индиго и о той чёрной тени, которая густела и расплзалась. Алан знал многое: он годами и десятилетиями внимательно следил за всем происходящим, причём методами, недоступными обычному человеку. Он контролировал ментальное поле огромной страны на севере, чутко фиксируя все его изменения, и отмечал энергетические всплески с точностью, далеко превосходящей точность самой совершенной аппаратуры. Алан знал о конечных целях Правителей, знал он и о том, какими способами они намерены их добиваться. Он знал о работе профессора Люка Чойса и его коллег, об инкубаторах и о штампах; знал о проекте "Индиго". И сейчас Алан не просто рассказывал - он излагал выводы, сделанные на основе собственных наблюдений.

"Да, - подумал Рохо, слушая рассказ сеньора Ансиано, - если бы я писал шпионские романы, я бы сделал из этой истории бестселлер мирового уровня! Какую титаническую работу проделал этот человек! И какая мрачная картина вырисовывается в итоге...".

– Единственное, о чём у меня нет точных сведений, - речь Алана текла свободно, от его скованности не осталось и следа, - это о том, куда девались выпускники Приютов. А они были, в этом нет никаких сомнений. Среди ньюменов есть те, кому за двадцать, а возраст воспитанников Приютов ограничен пятнадцатью годами. Но Приюты существуют уже около двадцати лет! Вопрос: где первые их воспитанники - те, кому сейчас двадцать пять? Просто ушли в большой мир и живут обычной жизнью? Возможно, но... маловероятно. Я наблюдал сильнейшие возмущения психополя, когда *присматривался* к Приютам, - значит, там были настоящие таланты. И я уверен, что эти самородки не остались незамеченными. Значит...

– Значит, они у элов, - сказала Эухенья. Она произнесла это спокойно, и только глаза её тревожно мерцали.

– У кого? - не понял Алан.

– У элов, пришелец с севера. У элиты - у тех, кого ты называешь Правителями. Новое поколение - элы растят себе смену. Приходит время новых людей, и носители древнего зла не могут этого не понимать. Штампы - это слуги. Чёрные индиго - хозяйева.

– Чёрные индиго?

– А ты разве не видел *цвет* ? Ты ведь знаешь о древнем проклятье, и знаешь, откуда оно взялось. Круг замыкается - змея пожирает свой собственный хвост. Кто такой этот Блад?

– Человек, - Алан слегка пожал плечами. - Обычный человек, хоть и незаурядный. Энергичен, властолюбив, свободен от всех этических понятий вроде чести, совести и тому подобного. Можно сказать, орудие судьбы. Скоро он станет диктатором, и тогда... Тогда на севере, да и во всём мире, станет не холодно, а очень даже жарко. Змея готовит жало, мать Эухенья.

– А эти новые люди - кто они, и чего добиваются?

– Экстремисты. Добровольные помощники эволюции. Сторонники эвтанизии, образно говоря: если старые люди упорно не хотят умирать, значит, им надо помочь. Я знаю кое-кого из них - опосредованно, конечно. Есть такая Серпента: её можно назвать одержимой, хотя можно назвать и магией - очень способной магией. И она тоже не остановится ни перед чем.

– Ты действительно многое знаешь, пришелец, - задумчиво проронила Эухенья. - И ты владеешь Силой... Чего ты хочешь?

– Меня зовут Алан, - спохватившись, запоздало представился Старик. - Я хочу быть с вами, с детьми Катакомб. Я многому могу научить твоих питомцев, мудрая Миктекасиуатль, - я могу быть полезен.

– Можешь, - кивнула ведьма, -...Алан, - добавила она с непонятной интонацией и вдруг напряглась и застыла. - Подождите, меня *зовут* .

Она прикрыла глаза, притушив их нестерпимый блеск, и Диего с Аланом несколько минут наблюдали, как Эухенья сидела неподвижно, уйдя в медитативный транс. Наконец она глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Я говорила с Родриго, - объяснила колдунья, - он в городе. Началось - на улице Колдунов погромы. Бьют стёкла, переворачивают и поджигают машины - всё как обычно. Безумие пришло в Пуэбло-дель-Рио...

"Мерседес!" - мелькнуло в голове у Рохо, и Эухенья тут же это заметила.

– Иди, Диего, - мягко сказала она, опуская привычное "chico ruso", - с нашим гостем - она посмотрела на Алана, и взгляд её снова загадочно замерцал, - я разберусь сама. Иди, позаботься о своей жене и детях, - ты хорошо сделал, приведя сюда этого человека. Я скажу Фернандо - он возьмёт с собой нескольких мальчиков и поможет тебе. Иди и возвращайся.

– Спасибо, мать Эухенья, я скоро вернусь.

Беспокойство за Мерседес и детей, оставшихся на том берегу, в опасной близости от охваченного нарастающим безумием Города-на-Реке, вытеснило из сознания Диего все прочее, но всё-таки ему показалось, что Миктекасиуатль хочет остаться наедине с Аланом и поговорить с ним с глазу на глаз. Однако мысль эта была мимолётной - мелькнула искоркой и погасла.

Алан проводил Рохо взглядом, и когда шаги Диего затихли, он повернулся к Эухенье. Повернулся - и наткнулся на жгучий взгляд ведьмы.

– У тебя короткая память, пришелец, - очень короткая... Алан.

– Я не понимаю тебя, - растерянно пробормотал Старик. - Ты о чём?

– Не понимаешь? - ведьма усмехнулась. - Смотри...

Она ссутулилась, опустила голову и закрыла лицо ладонями. Просидев так минуты три, колдунья выпрямилась и отвела руки.

– К-кармен?!

– Кармен умерла - умерла сто лет назад, так и не дождавшись возвращения того, кого она так любила, пришелец с севера. Меня зовут Эухенья - мать Эухенья, хотя у меня нет своих собственных детей.

– Кармен... - прошептал Алан. - Кармен...

Перед ним сидела молодая женщина лет двадцати пяти: гладкая матовая смуглая кожа, блестящие чёрные волосы без малейшего намёка на седину. И только взгляд бездонных чёрных глаз остался тем же - на Алана смотрела Миктекасиуатль.

– Кармен...

– Это ненадолго, - изящно очерченные губы Эухеньи раздвинулись в горькой улыбке, обнажая великолепные белые зубы. - Иллюзия скоро растает - красавица исчезнет, уступая место высохшей древней старухе. Это я так, освежить твою память, Алан, - не хочу даже произносить твоё прежнее имя.

– Я никогда не забывал тебя, не забывал с того самого дня, когда мы встретились у пирамид мёртвого города в джунглях, и с той самой нашей ночи...

– Не забывал? Я ждала двадцать пять лет, ждала, что с восхода придёт корабль, и с него сойдёт белокожий бородатый человек, обнимет меня и скажет: "Здравствуй, вот я и вернулся!". Но я не дождалась...

– Кармен, за эти годы случилось столько всякого! Войны, революции, потрясения... Меня швыряло, как щепку в водовороте, и порой я даже забывал, кто я такой!

– Потрясения? Если любишь, тебя ничто не остановит! Ты пройдёшь через все бури и вернёшься к той, которая ждёт. А ты - ты не вернулся... - Лицо ведьмы медленно старилось, увядало, как цветок под порывами холодного ветра. Алан опустил голову, чтобы не видеть трансформации.

– А почему ты не... не сохранила себя? - спросил через некоторое время, не решаясь поднять глаза. - Ведь ты же могла это сделать - точно так же, как я?

– Могла, - согласилась Эухенья, уже вернувшаяся к своему привычному облику, - но не захотела.

– Почему?

– Почему? А ты не догадываешься? Я любила тебя - тебя! - и не хотела принадлежать никому другому. Всё очень просто... Когда ты молода и полна сил, трудно бывает устоять перед зовущими взглядами мужчин и перед собственной плотью. И я уступила времени - так родилась Миктекасиуатль, колдунья Миктекасиуатль, хранительница древнего знания. А дети - дети, которым ты так и не стал отцом, - у меня всё-таки есть. Там, - она кивнула в сторону узкого хода, по которому ушёл Диего Рохо и который вёл к жилым пещерам. - Они называют меня мать Эухенья, и я им действительно мать. Хотя мне жаль, что среди них нет наших с тобой детей, пришелец с севера...

– Прости меня, Кармен.

– Эухенья. Меня зовут Эухенья, Алан. Оставим горько-сладкие воспоминания. Мы с тобой изменились - оба. Мы многое знаем, и нам многое надо сделать. Ты пришёл - поздно для любви, но не поздно для боя. И бой будет - зло наступает. Змея шипит - она накопила слишком много яда.

* * *

Серпента вела самолёт уверенно, словно профессиональный пилот высокого класса, и Мэй долго не могла понять, как ей это удаётся. Наконец она догадалась: Змея вмешивалась во все процессы, протекающие на борту крылатой машины, - в работу мотора, в пульсацию слабых токов в электрических цепях, в тугие усилия гидроприводов. Энергия, напрямую воздействующая на поведение механического летательного аппарата, компенсировала все неизбежные ошибки, свойственные малоопытному новичку. Серпента просто чувствовала самолёт, она *слилась* с ним и управляла машиной, словно мышцами своего собственного тела - одним усилием воли.

Подходящий самолёт - лёгкую спортивную авиетку - они нашли в небольшом частном аэроклубе в том самом городке, на окраине которого остался джип с неисправным мотором и с двумя растерянными парнями - после *сеанса* Мэй Стив и Харви никак не могли понять, что они здесь делают, и каким ветром их сюда занесло.

С владельцем самолёта девушки *договорились* без особого труда. Мэй побаивалась, как бы Серпента не дала воли своей кровожадности, однако обошлось без трупов. Серпента не хотела по пустякам ссориться со своей "младшей сестрёнкой", но главное - она прекрасно понимала: не стоит оставлять за собой чересчур заметный кровавый след. Даже если они покинут страну, длинные руки Правителей дотянутся до любого укромного уголка планеты. Чутьё подсказывало предводительнице ньюменов, что ими обеими - и ею, и Мэй, - всерьёз заинтересовались. А раз так, совсем ни к чему привлекать внимание загадочными смертями к этому богом и людьми забытому захолустью (тем более сейчас, когда по всей стране идёт охота на людей-индиго).

По этой же причине она рассчиталась наличными, не желая засвечиваться в банковской сети. Доллары были настоящими (неважно, что час назад их и в природе не существовало), а кто будет проверять всю находящуюся в обращении огромную денежную массу только для того, чтобы с удивлением обнаружить: номера некоторых переданных хозяину аэроклуба банкнот почему-то совпадают с номерами купюр, которыми в это время расплачивались в каком-нибудь супермаркете Чикаго или в баре на Филиппинах?

Документов на право управление легкомоторным самолётом у них не спросили (после того, как Мэй мельком посмотрела на клерка, заполнявшего бланк-анкету). "Летим в прерии, - объяснила Змея, - и хотим полюбоваться с воздуха на величественные каньоны", и этого оказалось вполне достаточно. В конце концов, как здраво рассудил владелец машины, более чем удовлетворённый сделкой, "у богатых свои причуды". Им дружелюбно помахали, когда авиетка поднялась в воздух, и Мэй облегчённо перевела дух. Нет, девочка вовсе не боялась

каких-то осложнений - она до последнего момента опасалась, как бы Серпента напоследок не решила всё-таки подбросить парочку золотистых змеек в офис аэроклуба.

Змея выплеснула свою накопившуюся ярость в огненной вспышке, озарившей стены безлюдного каньона в трёхстах милях к югу от городка. Перед этим она отчаянно заорала по радио: "Мотор! Мотор! У нас что-то с мотором! Мы падаем! О, боже...", а потом с видимым наслаждением влепила в клыкообразный острый утёс заряд энергии и долго следила за посыпавшейся на дно ущелья грохочущей каменной лавиной. Служба спасения запросит данные с орбиты, и им ответят: да, именно в это время и как раз в этом месте, откуда пришёл сигнал бедствия, наблюдался взрыв. Похоже, самолёт врезался в скалу - ищите обломки и трупы, парни. А искать что-то в этих каменных лабиринтах можно очень долго...

После этого они снизились и накинули на самолёт экранное поле. Вуаль держала Мэй - Серпента вела машину. По расчётам, горючего должно было хватить, тем более что они умудрились между делом позаботиться и о том, что авиатехник аэроклуба забросил им на борт несколько канистр с бензином - понятное дело, тут же забыв об этом своём странном поступке и никому ничего не сказав.

— Куда мы летим? - спросила Мэй, наблюдая, как под крылом авиетки тянется унылая степь, постепенно переходящая в пустыню.

— На юг, сестрёнка, - ответила Серпента, с искренним любопытством следя за танцем приборных стрелок на панели управления. И пояснила: - Там, в одной стране, есть наши... гм... сородичи. Надеюсь, они нас примут.

— Хочешь пересидеть там какое-то время?

— Не только. Один индиго всегда поймёт другого - нам нужны союзники. Война - она ведь только начинается.

"Опять война, - подумала Мэй, вспомнив грохот пушек и рёв огня. - Интересно, она может думать о чём-нибудь ещё?"

— Могу, - отозвалась Змея. - Например, о победе и о том, как хорошо будет жить на этой планете после того, как мы очистим её от обезьяноподобных.

Мэй не ответила - ей не хотелось беседовать на эту тему. Вместо этого она задала Змее давно интересовавший её вопрос:

— Послушай, а тогда, на шоссе: я раскисла, а ты вела себя так, словно поля и не было? Транспортёр взорвался уже потом, а до этого? На тебя что, не действует "глушилка"?

— Не действует. Точнее, я научилась её обходить. Моё сознание будто скользит между силовых линий электромагнитного поля, не пересекая их. Нет, не так, ведь силовая линия - это понятие условное. Как бы тебе объяснить... Я мыслю в *другом измерении*, и меня там не достать: на поверхности океана бушует шторм, а в глубине всё спокойно, рыбки плавают. Я тебя тоже научу - это будет приятный сюрприз для нашего друга-генерала! - И она весело рассмеялась...

...Они приземлились под вечер в пустынной местности, чтобы дозаправиться перед броском через границу и дожидаться ночи. Серпента принялась колдовать - в прямом смысле слова - над причудливой системой сотворённых ею гибких прозрачных трубок, добываясь того, чтобы бензин пошёл из канистр в топливный бак авиетки самотёком. Мэй хотела было помочь, но Серпента сказала:

— Отдохни, сестрёнка. Ты почти целый день держала вуаль - посмотрела бы ты сейчас на себя со стороны! А нам ещё далеко. Так что отдохни, а я скоро закончу и сотворю что-нибудь поесть.

Девочка и сама чувствовала опустошающую усталость. Она расстелила найденную в самолёте куртку и прилегла, глядя в чёрное небо, усеянное яркими звёздами. "Интересно, - подумала она, - те, кто живут там, они тоже постоянно воюют? Эти, как их, эски - они что, тоже убивают друг друга? Или у Внешних всё по-другому?"

Мэй почти задремала, но её разбудил восхитительный запах жареного мяса - Серпента сдержала своё обещание "сотворить что-нибудь поесть".

...Границу они пересекли на предельно низкой высоте. Щадя выбившуюся из сил Мэй,

Серпента сама занялась "шапкой-невидимкой", одновременно управляя авиеткой. Делать два дела сразу у неё получалось не очень, но они всё-таки проскочили. Никто не обратил внимания на пару раз мелькнувший на экранах радаров слабый импульс и на быструю крылатую тень на мониторе видеонаблюдения - сюда частенько залетали с гор здоровенные кондоры.

Добравшись до первых островков леса, они бросили самолёт, забрались в чащу и долго отдыхали - долгий перелёт в итоге вымотал и Серпенту. Выспавшись и почистив перышки, девушки-индиго двинулись дальше. Они шли на юг, шли, стараясь быть незаметными, и Мэй даже не подозревала, что этим же путём месяц назад прошли Хайк и Алан.

* * *

— Не надо делать резких движений, генерал. Вам ничего не угрожает.

Тёмная тень выскользнула из стенного проёма, который тут же закрылся за её спиной. Джейк попытался перехватить оружие левой рукой - тщетно, мышцы его не слушались. "Кто же это такой? - лихорадочно соображал лорд-протектор. - Неужели "призраки" добрались и сюда, в святая святых? Если они способны на такое, нам остаётся только покорно поднять руки и сдаться..."

Он почувствовал, что Стэрди тоже уже не спит, и невольно восхитился её реакцией на происходящее - ни криков, ни визгов, ни других бессмысленных действий. Впрочем, другого от "роскошной смерти" Блад и не ожидал.

Бесшумно ступая, пришелец пересёк альков и опустился в мягкое кресло, придвинутое к стоявшему в углу спальни овальному столу с бутылками и остатками пиршества - перед тем, как отправиться в постель, Джейк и Стэрди праздновали победу. Вспыхнул неяркий свет.

На столе стояла причудливая статуэтка какой-то древней богини с вытянутыми вперёд руками - свет истек из её ладоней. Стэрди очень нравился этот оригинальный светильник: "Мне кажется, эта наша древняя прародительница, - сказала она однажды, - указавшая нам Путь. И мы пройдем этот путь - до конца". И сам Блад смутно ощущал нечто мистическое, исходящее от статуэтки-ночника - тридцать с лишним лет общаясь с мессирами, он научился серьёзно относиться к ирреальному.

Генерал уже понял, что их со Стэрди не собирались убивать - в противном случае они уже лежали бы бездыханными. Значит, с ним - с ними - хотят поговорить. Кто и зачем - это мы скоро выясним, а пока главное - держаться спокойно и уверенно, невзирая на дикую абсурдность ситуации: среди ночи в одно из самых тайных и недоступных мест планеты, нарушая брачный покой первого из Правителей Земли, без особого труда вламывается некто, обездвиживает лорда-протектора, а потом непринуждённо усаживается возле стола, словно желая поднять тост за его здоровье! Чушь какая-то...

Света от ладоней богини было немного, но достаточно для того, чтобы Блад наконец-то смог разглядеть загадочного незнакомца, сидевшего всего в нескольких шагах от ложа. И рассмотрев пришельца из-за стены, Джейк не поверил своим глазам.

Перед ним сидел штамп - обычный солдат-клон в обычной форме штампов: в чёрном облегающем комбинезоне. И лицо его было стандартно-типовым, обычным для выходцев из инкубаторов. Обычным? Нет! Необычным было выражение глаз этого странного штампа, разительно отличающееся от тусклых взглядов биороботов. В глазах этого клона (человека? существа?) светился интеллект - очень высокий интеллект.

— Пожалуйста, не пытайтесь разрядить в меня всю обойму, - бесстрастно произнёс штамп, - это ни в ваших, ни в моих интересах. Извините за столь бесцеремонное вторжение, но мне было необходимо поговорить с вами в предельно конфиденциальной обстановке. Согласитесь, лорд-протектор, ваша спальня с заблокированными вами же системами слежения - идеальное место с этой точки зрения. Не надо в меня стрелять. Я мог бы прикрыться отражающим полем, но мне не хочется вносить возмущения в энергетический фон - здесь

повсюду слишком много чувствительной аппаратуры. Положите пистолет и поговорим.

Голос пришельца по тембру походил на голоса штампов, но манера речи... Ни один биоробот не употреблял таких сложных и вычурных оборотов - клоны были солдатами, а не ораторами.

– Это он, Джейк, - спокойно сказала Стэрди, - один из них.

– Кто? - спросил Блад, не отводя глаз от незнакомца. - Что ты имеешь в виду?

– Это один из "детишек" Арчи - тех самых, о которых я тебя говорила.

– Леди Стэрди совершенно права, - штамп вежливо поклонился. - Именно так.

Ощущение тела вернулось - Блад снова управлял своими мышцами. Ему захотелось тут же вскинуть оружие, но генерал преодолел мгновенный соблазн. Джейк давно перестал быть тупым исполнителем, действующим по принципу "Сначала стреляй, а потом думай!" - он предпочитал действовать в обратной последовательности.

Блад положил пистолет и сел на ложе, опустив ноги на ковёр. "Вести переговоры, сидя без штанов, - промелькнула неуместная и нелепая мысль, - это круто...". Джейк нагнулся, поднял с пола свой халат, накинул его и повернулся к Стэрди.

Женщина уже не лежала, а сидела, завернувшись в покрывало и опершись спиной на подушку. При этом она выглядела совершенно спокойной, словно была одета в роскошное платье и находилась на званом приеме в кругу элиты - самообладанию "роскошной смерти" могли позавидовать все без исключения древние властительницы. Блад вновь перевёл взгляд на штампа.

– Ну и за каким чёртом понадобилось устраивать весь этот спектакль? Унаследовали от Эссенса любовь к театральности?

– Я человек-индиго, - пришелец оставил без внимания реплику Джейка. - Вы никогда не задавали себе вопрос, генерал, а действительно ли среди воспитанников Приютов так и не нашлось ни одного достойного? Ньюмены вырастили настоящих бойцов, а среди тщательно отобранных Попечителями детей-индиго...

– Ньюмены?

– "Ночные призраки", как вы их называете. Свободные индиго. Но в отличие от них, мы вам не враги.

– Кто это "вы"?

– Я ведь уже сказал, - гость говорил по-прежнему ровно и безэмоционально. - Мы - это те из воспитанников вашей системы Приютов, которые проявили свои способности, не уступающие способностям *дикорастущих* индиго. - Несмотря на употребление несколько ироничного термина, в голосе "штампа" не прозвучало ни тени иронии - казалось, с Бладом беседует не живое существо, а очень совершенная одушевлённая машина.

– Арчибальд Эссенс очень внимательно следил за теми из нас, кто подавал надежды. И он позаботился о том, чтобы эти сведения не стали достоянием слишком многих - даже из вашего круга.

"Так вот он, козырный туз Мумии, припрятанный в рукаве... - подумал Джейк. - Чёрт, а ведь можно было догадаться! Да, я знал, что выпускники Приютов - способные физики, математики, управленцы - работают в научных центрах и в преуспевающих корпорациях, но не предполагал, что сливки господин Эссенс припас для себя - на сладкое...".

– Лучший способ надёжно что-то спрятать, - продолжал "штамп", - это положить это "что-то" на самое видное место. Нас внедряли в партии готовых клонов - штампы крайне нелюбопытны: их не интересует ничего, кроме поставленной перед ними задачи. Мы даже проходили обучение вместе с клонами - получение базовых навыков, - и никто из людей не обратил внимания на наше отличие от массовой продукции инкубаторов. Но у нас была своя задача.

Джейк почувствовал острое желание выпить. Он протянул руку - "штамп" следил за его движением, - взял бутылку с бренди и отхлебнул прямо из горлышка.

– И какая же это задача? - спросил генерал, вытирая губы.

– Мы те самые новые люди, которые придут на смену старым. Воспитанников никто не

обманывал - лучшим из них действительно предстояло властвовать. Среди мессиров есть адепты тайного древнего знания. Эти люди работали с нами, и мы восприняли это знание.

– Да кто вы всё-таки такие, чёрт побери? - не выдержал лорд-протектор.

– Чёрные индиго. Разрушители. Хотя нам больше нравится называть себя гремлинами - это в традициях этого Мира. Вы ведь знаете историю Эксперимента?

Да, Джейк Блад знал эту историю - в общих чертах.¹⁹

– Тысячи лет назад наш древний прародитель дал жизнь одной незаурядной особе, - при этих словах гремлинов посмотрел на статую богини. - Она наделила особыми свойствами некий народ этого мира и дала ему Великую Цель: поравняться с богами. Собственно говоря, именно об этом и мечтал покойный мессир. Он ждал появления новых людей, и дождался - пришли мы. И он позаботился о нас.

– А почему же вы тогда не вмешались, когда я... когда мы со Стэрди...

– Не было необходимости - это нерационально. Мы не испытываем привязанности ни к кому из людей, и мессир Арчибальд Эссенс не составлял исключения из этого общего для нас правила. Более того, вы нас больше устраиваете, лорд-протектор Блад.

– И зачем же я вам нужен? Судя по тому, с какой лёгкостью вы сюда проникли, вам очень многое доступно. Лишние мешают - это же аксиома власти!

– А вы не лишний, генерал. Великолепная структура, идеально отвечающая нашим целям и задачам, прекрасно функционирует под вашим руководством. Нас очень мало, - это было сказано с обескураживающей прямоотой, - и поэтому нам нужен фундамент, на котором мы будем строить наше здание. Нам нужны и вы, Блад, и мессеры, и хайерлинги, и штампы, и... вы, леди Стэрди.

– Благодарю за комплимент, - отозвалась "роскошная смерть".

– Это не комплимент - это констатация факта. Ваша женщина, лорд-протектор, она... Я не могу сказать с полной уверенностью, но... - гремлин пристально посмотрел на Стэрди. - В её прошлом - в цепи её инкарнаций - есть что-то такое... Я бы на вашем месте, генерал, завёл бы от неё детей - они с высокой вероятностью будут детьми-индиго с очень высоким уровнем способностей.

– Может быть, вы ещё посоветуете мне, когда и как часто нам с ней заниматься любовью? - ядовито осведомился окончательно пришедший в себя Джейк.

– Ни в коем случае, - невозмутимо ответил чёрный индиго. - Это исключительно ваше дело.

– Если вы уж меня столь высоко оценили, - вмешалась Стэрди, - могу ли я задать вам вопрос?

– Конечно, леди.

– Вы что-то тут говорили о целях и задачах. Для нас этот предмет ясен: власть над миром... для начала. А вам что нужно? Того же самого? Или ваша цель многограннее?

– Многограннее, леди Стэрди, - вы нашли очень точное определение. Кто такие гремлины? Духи разрушения. Они не могут ничего созидать, они только возвращают любые упорядоченные системы к первозданному хаотичному состоянию. Это и есть наша цель.

– Не понял... - Блад приподнял брови. - Это что же получается, вы воплощение абсолютного вселенского зла? Вырастили на свою голову...

– Абсолютного зла не существует, - равнодушно сказал гремлин. - Можно ли считать злом океанскую волну, мерно крушащую береговые утёсы? Есть созидание, и есть энтропия. И есть носители этой энтропии - мы. В результате долгих и причудливых извивов истории на этой планете возникнет новое гнездо чёрных эсков, вот и всё.

– Чёрные эски? - в свою очередь удивилась Стэрди. - Это ещё кто такие?

– Я тебе потом объясню, - бросил Джейк, - восполню этот пробел в твоих знаниях о Мироздании. Раньше мне всё недосуг было - то стрельба, то интриги, то секс... - спадающее

¹⁹ Роман "Вкрадчивый шёпот Демона".

напряжение и алкоголь сделали генерала несколько более разговорчивым, чем обычно.

– Ну хорошо... - протянул он, сделав ещё один глоток и отставляя подальше бутылку. - И какое же место вы намерены занять в нашей - моей - структуре?

– То, которое мы уже занимаем - малозаметное. Будут сменяться поколения, и нас, гремлинов, будет становиться всё больше. Это естественный процесс - его нельзя ускорять или замедлять во избежание ненужных осложнений. Всё пойдёт своим чередом - главное, что начало положено. Мы станем вашей гвардией, лорд-протектор, в преданности которой вы можете не сомневаться. Говорю это от имени всех гремлинов - я признан ими старшим.

– Угу, - буркнул генерал, - могу не сомневаться до тех пор, пока у меня не появится конкурент, который покажется вам ещё более подходящей кандидатурой для строительства вашего Храма Разрушения...

– Не исключено, - признался чёрный индиго. - Но это уже ваша забота не допустить появления такого конкурента. А мы поможем вам добиться власти над всем этим Миром. Поможем и собрать здесь всех детей-индиго со всей планеты - это полностью совпадает с нашими интересами. Как видите, я с вами откровенен. И как подтверждение... - гремлин извлёк из нагрудного кармана небольшой кристалл памяти для компьютера и положил его на стол.

– Что это?

– Здесь вся информация обо всех гремлинах, лорд-протектор. Идентификация, точные сведения о способностях каждого из нас, личные коды, местонахождение, каналы связи. Мы готовы выполнять все ваши приказы в любое время - вы ведь, кажется, мечтали иметь в своём распоряжении бойцов-индиго? Теперь они у вас есть. А мне стоит сменить статус - вы не будете возражать, если ответственным за безопасность уровня "Z" теперь будет новый хайерлинг третьего ранга?

– Не буду - приказ будет завтра же, то есть уже сегодня. И вообще - всех гремлинов я переведу сюда, в Головной Центр. Гвардия вы или нет? Вот и будьте рядышком - на всякий случай.

Чёрный индиго сдержанно кивнул в знак согласия с этим решением и встал.

– Договорились, генерал. Я удовлетворен результатами нашего разговора.

– Будем считать, что я тоже удовлетворён, - пробормотал лорд-протектор. - В первом приближении...

– Разрешите идти? - спросил гремлин, входя в роль исполнительного подчинённого.

– Идите. Хотя постойте - у штампов серийные номера, а у вас - у вас есть имена? Как тебя... вас зовут?

– Меня зовут Энней. Имена всех остальных - там, - чёрный индиго показал глазами на кристалл памяти, лежавший у ног светящейся богини. - Я могу идти?

– Идите, - повторил генерал Блад. - Можете выйти обычным путём.

– Я бы предпочёл удалиться прежним. У охраны на выходе могут возникнуть лишние вопросы. Да и системы наблюдения внешнего контура...

– Хорошо, - согласился Джейк, подумав с нарастающим раздражением: "Гвардеец, так твою... Настоящий солдат не обсуждает приказы командира - он их выполняет! А твоя внешняя покорность - маска, за которой кроется чёрт знает что. Однако выбора у меня нет, к тому же мы действительно нужны друг другу. Вот это поворот - прощальный привет от Арчи, чтоб ему в аду не спалось... Этот Энней обставил наше знакомство именно таким образом не только для сохранения тайны или из любви к искусству театра - ему надо было сразу же показать мне, что в случае чего гремлины достанут меня где угодно, хоть на дне морском. Демонстрация силы, дьявол его подери!".

А Стэрди, провожая глазами исчезающую в стенном проёме тёмную фигуру, подумала: "Штамп, насколько мне известно, создания бесполое. А как с этим делом у гремлинов?".

* * *

Хайк быстро освоился в Катакомбах - он даже не ожидал, что это окажется так легко и просто. Первое время он ещё дичился, ожидая подвоха, но уже через несколько дней его настороженность прошла - Волчонок оттаял. Он впервые в жизни ощутил себя равным среди равных и *нужным*. В Приюте, где дети-индиго были объектом изучения (не говоря уже о Трущобе), такого чувства возникнуть не могло - оно появилось только здесь, в Катакомбах, где царила атмосфера дружелюбного внимания и интереса каждого к каждому. Если ты принят, если ты живёшь в пещерах Миктекасиуатль, значит, ты свой, ты часть единого целого, и твоя судьба небезразлична всем членам "горного братства". Никто не будет докучать тебе излишней назойливостью, но если тебе что-то нужно - спроси, и тебе ответят; попроси, и тебе помогут. Это простое правило имело в Катакомбах силу закона, хотя никто никого не принуждал неукоснительно выполнять этот закон - следование неписаному правилу пещер Миктекасиуатль получалось как-то само собой.

И Хайк был горд, когда Родриго (Волчонок про себя называл его "военным вождём", хотя официально этот парень не имел такого титула), увидев в действии "огненную плеть" Хайка, положил ему руку на плечо и сказал с уважением:

– Молодец. Ты - воин.

Всего три слова, но сколько они значили!

Алана Хайк теперь видел лишь изредка - Старик почти всё время проводил в обществе Эухеньи. Его явно что-то связывало с Матерью-Ведуньей - Хайк случайно заметил тонкие светящиеся нити, соединяющие их ауры. Алан тоже быстро стал своим в Катакомбах - даже быстрее, чем Хайк. Старик учил птенцов горного гнезда настоящим боевым заветам, и уже через неделю его называли здесь не иначе как "Наставником". Хайк вспомнил, как он сдуру кинулся на Алана в контейнере, и почувствовал стыд - Старик при желании мог справиться с глупым мальчишкой одним движением мысли. И Волчонок старался из всех сил, перенимая у Старика секреты боевой магии - ему очень хотелось заслужить похвалу Наставника.

Хайк стремительно сроднился с обитателями Катакомб, врос в братство, и в немалой степени (хотя в этом он упорно не признавался даже самому себе) ему помогла Наташа. Дочь Диего Рохо умудрялась как-то ненавязчиво оказаться рядом с Хайком именно тогда, когда ему нужно было с кем-нибудь посоветоваться или просто поговорить. Всего через неделю мальчик настолько привык к этой шустрой девчонке, что её отсутствие уже воспринималось им как нечто необычное. Наташа умела слушать - редкий дар для людей вообще и для детей-индиго в особенности, - и Хайк рассказывал ей о себе. Девочка слушала внимательно, она сопереживала, и Волчонок рассказал почти всё: о детстве, о свалке, о Приюте. Но именно почти - о Мэй Хайк умолчал: он инстинктивно чувствовал, что этой темы лучше не касаться. А когда он рассказал о своём побеге и о кровавом столкновении с шайкой Злыдня, Наташа прошептала:

– Бедный ты мой... Это ведь так страшно - сжечь живых людей...

Потом она несмело протянула руку и осторожно погладила Хайка по жёстким волосам, и это было так неожиданно и... приятно, что у мальчишки перехватило дыхание. Наташа тут же сконфузилась и отняла ладонь, но они ещё несколько минут сидели рядом, старательно глядя в разные стороны. К счастью, неловкость разрядило появление Андрея, позвавшего их ужинать. Сын Диего прекрасно видел, что творится с его сестрой, но великодушно делал вид, будто ничего не замечает - с него хватило и того, что Наташа перестала донимать его постоянным упоминанием "прекрасной аргентинки" к месту и не к месту.

Охватившее Публо-дель-Рио безумие не коснулось Катакомб, да и размах волнений в Городе-на-Реке был далеко не тот, что на севере. Жители этих мест вообще скептически относились к "россказням гринго", считая, что "всё зло идёт с севера". Погромы устраивали в основном разношёрстные уличные банды, надеявшиеся половить рыбку в мутной водичке, и полиция быстро их утихомирила. А в Катакомбах за несколько дней прибавилось учеников - сюда бежали опасавшиеся за свою жизнь и за жизнь своих детей. По большей части это были самые обычные люди, но среди них оказалось и несколько детей-индиго - Эухенья вдвоём с Аланом распознавали таких за считанные мгновения.

Разведчики Родриго вели себя в городе очень осторожно, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания и всячески избегая любых конфликтных ситуаций. "У вас в руках Сила - не обрушивайте её на беспомощных, - говорила Эухенья. - Если на вас бросается безумец - отойдите в сторону, и он пробежит мимо. Бойтесь зря лить кровь - её запах пьянит, и очень легко войти во вкус". Но однажды взбудораженная кем-то толпа переправилась через реку и двинулась к пещерам Миктекасиуатль.

Встревоженный Родриго вызвал наверх на помощь воинам всех мальчишек и девчонок, владеющих боевыми заклятьями, и Хайк, глядя сверху вниз на приближающуюся толпу, уже предвкушал, как он будет хлестать это многоголовое тупое стадо огненными плетями. Но до этого дело не дошло - навстречу людям вышла сама мать Эухенья. Колдунья остановилась в нескольких шагах от волнующейся человеческой массы, негромко что-то сказала, и... толпа дрогнула: люди, виновато опустив головы, поспешно двинулись обратно к реке. Хайк не мог сказать, пускала ли ведьма в ход магию - во всяком случае, он ничего не почувствовал.

Зато сама Мать-Ведунья почувствовала: проходя мимо учеников, она коснулась их аур, прочла возбуждённые мысли готовых к бою людей-индиго и сурово сказала Волчонку:

– В тебе растёт змея - берегись.

Алан бросил на Хайка укоризненный взгляд, и мальчишке снова стало стыдно - так стыдно, что ему захотелось забиться в самый тёмный закуток Катакомб и не высовываться оттуда неопределённо долгое время. Его спасли от этого жгучего стыда только понимающие и ласковые глаза Наташи, очень вовремя - как всегда - оказавшейся рядом с ним.

Шли дни. Минуло около трёх недель.

* * *

– Был и есть Вечный Хаос, откуда вышло всё Сущее и куда оно уйдёт, когда придёт Срок; уйдёт, дабы возродиться вновь, и так без Конца и Начала. Была и есть Вселенная, сотканная из мириадом Миров, связанных между собой. Были и есть Миры, разделённые неизмеримыми безднами; у каждого Мира своё солнце, своя звезда, и россыпь этих звёзд украшает ночное небо. Миры эти далеки, но дойти до них можно, надо только научиться ходить...

Голос Матери-Ведуньи заполнял весь Зал учеников, втекая в каждый его уголок. Она говорила - её слушали. Понимали. Запоминали.

– Были и есть Миры, которые и далеки, и рядом. Они невидимы, неосязаемы, но они есть. Они сцеплены в единое Целое и пронизывают друг друга; они привязаны к нашему Миру, как тень к её обладателю. Точнее, как множество теней, отбрасываемых одним и тем же предметом, освещённым с разных сторон. Вот только трудно сказать, что есть тень, а что есть то, что отбрасывает эту тень - все Миры равнозначимы. И этих Миров можно достичь, надо только научиться летать...

– Прости меня, мать Эухенья, - плечистый парень переминался с ноги на ногу у входа в Зал, явно сожалея, что ему пришлось прервать Мудрую. - Меня послал Гонсало, старший вечерней стражи. Пришли две девушки - одна постарше, другая помоложе. Обе - индиго. Сильные - особенно та, что постарше. Они с севера, мать Эухенья, - Гонсало считает, что это важно.

По пещере пронёсся лёгкий шорох: о том, что творится на севере, здесь знали все. И если оттуда пришли индиго-беглянки, то Гонсало прав - это действительно важно. Эухенья и Алан обменялись быстрыми взглядами.

– И ещё, мать Эухенья. Они обе гринго...

– Это неважно, Луис.

– ...и у одной из них - у той, что постарше, - на шее такое странное ожерелье: змея, свившаяся в кольцо и чуть приподнявшая голову.

– Что?! - Алан побледнел - это было заметно даже в призрачном освещении Зала - и вскочил с места. - Что ты сказал?

– На шее у неё... Браслет такой, в виде змеи, - повторил Луис, не понимая, что могло так встревожить Наставника, к невозмутимости которого уже все успели привыкнуть.

– Так, - спокойно сказала Миктекасиуатль. - Всем: оставаться здесь. Настройтесь на меня - возможно, мне будет вам что сказать и показать. Ты, ты и ты, - она указала на Андрея, Наташу и Эстреллу, - пойдёте со мной и Аланом. Вам будет полезно.

– А я? - неожиданно для себя самого вскинулся Хайк. - Я ведь тоже недавно пришёл с севера! Я могу пригодиться, мать Эухенья!

– Хорошо, - ответила ведьма после секундного размышления, - ты тоже. Идёмте.

...После полумрака пещер яркий солнечный свет показался ослепительным - несмотря на то, что глаза вышедших на поверхность успели привыкнуть к свету в парадном коридоре. У самого выхода Эухенью, Алана и четверых подростков встретил встревоженный Гонсало.

– Они мне не очень нравятся, Мудрая, - напрямик заявил он, - особенно старшая. Она умеет читать мысли - поэтому я и послал Луиса, а не стал обращаться прямо к тебе.

– Та, что со змей?

– Да.

– Так. Где они? - негромко спросила ведьма. Алан молчал.

– Там, - юноша мотнул головой, - на лужайке перед главным входом. Ждут.

...Сerpента смотрела на синюю ленту реки и нервно грызла травинку - оказанное им здесь гостеприимство разочаровало предводительницу ньюменов. "Они просто настороже, - успокаивала она сама себя, - поэтому и не спешат пускать нас внутрь. Мы с севера, а они ведь прекрасно знают, что там происходит. Это всё из-за войны". Но чем больше она себя убеждала, тем яснее понимала: дело не только в этом, точнее, совсем не в этом. Этот воин у входа - у него был очень странный взгляд...

От этих невесёлых мыслей Сerpенту оторвал елѐ уловимый шорох, донѐсшийся из-за прикрывавшего вход в пещеры густого полога листвы - сюда шли люди. "Ага, - подумала Змея, подбираясь, - вот и хозяева этих подземелий. Поздороваемся...". Сидевшая рядом Мѐй встала и отряхнула джинсы от налипшего на них сора. Сerpента осталась сидеть на травяном холмике, всем своим видом выражая оскорблѐнное достоинство гостя, которого непонятно почему заставляют торчать у порога.

Зелѐный занавес зашелестел, пропуская сухощавого светловолосого мужчину и старую женщину в чѐрном. Сerpента едва заметно вздрогнула и поднялась с земли.

– Это она, - жѐстко произнѐс Алан, бросив быстрый взгляд на змеиное ожерелье.

Эухенья молчала, но еѐ глаза были красноречивее слов - Змее стало не по себе. Мѐй ощутила резкий энергетический всплеск. Нет, это был не удар - скорее это походило на рукопожатие, которым обмениваются при встрече мужчины, пробуя крепость рук.

Секунды разматывались бесконечной лентой, обвивая раскалѐнные клинки взглядов. Сerpента хотела что-то сказать, но тут лиственный полог пробило гибкое мальчишечье тело.

– Мѐ-э-э-эй!!!

– Хайк... Хай-й-йк!

Волчонок бросился вперѐд так стремительно, что едва не сбил Сerpенту с ног - при всей своей нечеловечески быстрой реакции Змея успела лишь чуть посторониться.

– Мѐй...

– Хайк...

– Я же говорил ему, - пробормотал Алан, - что мы найдѐм его подружку...

Миктекасиуатль промолчала, только на еѐ тѐмном, словно вырезанном из дерева лице промелькнула лѐгкая тень улыбки.

Сerpента оставалась Сerpентой - она очень быстро опомнилась.

– Мы пришли с севера, - сдержанно сказала Змея. - Мы пришли к вам. И похоже, - она посмотрела на крепко обнявшихся Мѐй и Хайка, - нам здесь рады...

– Рады не тебе, - Эухенья медленно покачала головой, - рады ей.

– Вот как? - глаза Сerpенты недобро блеснули. - И почему же это?

– Я знаю тебя, - голос Алана звучал сухо и ровно, но в нѐм чувствовалось напряжение

натянутой струны, - и я знаю о тебе, Змея. И мать Эухеня - она тоже знает: я рассказал.

- А теперь я и сама видела, - добавила Миктекасиуатль, - и знаю: он рассказал мне правду.

- Я не понимаю, - Серпента лихорадочно соображала, что же ей делать. - Мы пришли с севера, оттуда, где людей-индиго гонят, как диких зверей, а вы...

- Тебе нет здесь места, Змея, - слова Матери-Ведуны были каменно тяжелы. - Ты можешь подкрепиться и отдохнуть - мы не откажем путнику в ночлеге, - но остаться - нет.

- Но почему?

- В тебе слишком много зла, - бесстрастно объяснила ведьма, - и я не хочу, чтобы это зло вползало под своды моих пещер. Тебе нет здесь места, Змея, - повторила она.

- Хорошо, - Серпента умела держать удар, - я уйду. Мы уйдём.

- Нет. Ты - уйдёшь, она - останется. Их, - Эухеня посмотрела на прижавшихся друг к другу Мэй и Волчонка, - нельзя разлучать. И ты ещё не до конца отравила эту девочку - она ещё сможет стать человеком.

"Какая глупость! - подумала Змея с бессильной злостью. - Если бы я только знала, что её приятель здесь... Хаос бы побрал эту дурацкую детскую любовь... Какая глупость - вытаскивать эту бестолковую девочку из немыслимых передрыг, и так нелепо её потерять! Какая глупость...".

Серпента чувствовала, как в ней растёт и набухает тёмная ярость, однако холодный разум индиго взял верх. Змея видела, *кто* эти двое, и хорошо понимала: против этой пары ей не выстоять и нескольких секунд. И старик, и ведьма сильнее её, а уж если они вдвоём...

- Хорошо, - повторила она, едва сдерживаясь, - я уйду. Но я вернусь, - и голос её сорвался на шипение. - Я вернусь...

Лицо Алана дрогнуло. Он хотел ответить, но Миктекасиуатль остановила его.

- Послушай меня, Змея, - тебе этого больше никто не скажет. Да, ты сильна - очень сильна, и ты многое можешь. Но ты пьёшь из запретного источника, и тебе придётся за это платить. Нельзя черпать силу Тьмы и не раствориться в ней без остатка. Подумай, Змея, пока ещё не поздно.

- Не пугай меня, ведьма, - Серпента стиснула пальцами маленькую змеиную головку с крошечными бусинками глаз. - У меня своя дорога, и поводыри мне не нужны. И никому не советую становиться на моём пути! - Последние слова она почти выкрикнула, резко повернулась и пошла к реке, не оглядываясь и даже не посмотрев на притихшую Мэй.

- Может, зря мы с ней так? - тихо спросил Алан, провожая взглядом удаляющуюся фигуру предводительницы ньюменов. - Может быть, нам надо было разрешить ей остаться? Она ведь сильная - настоящая магиня... От неё могла быть польза.

- Да, она сильна, - согласилась Эухеня, - но сила эта слишком недобрая. От неё куда больше вреда, чем пользы. Серпенту нельзя было здесь оставлять - юные души нестойки, и легко могут поддаваться соблазну. Всевластие - это ведь так заманчиво... А если тебе говорят, что ты выше и лучше других, и что ты имеешь право смахнуть этих других, как пыль, - это подобно яду, Алан. И этот яд нельзя пробовать на вкус - он может понравиться.

- А ведь она действительно вернётся, - задумчиво произнёс Старик, - и вернётся со злом...

- Всё может быть, - ведьма чуть пожала плечами. - Будущее - оно вероятно.

Мэй и Хайк сидели на траве, взявшись за руки, и говорили, говорили, говорили, словно боясь не успеть сказать всё, что они хотели сказать друг другу. Красный шар солнца уползал за зубчатую кромку гор, и на траве вытягивались длинные тени, постепенно сливающиеся с вечерними сумерками.

...А внизу, в теплом живом магическом свете просторной жилой пещеры, безутешно рыдала Наташа, уткнувшись мокрым от слёз лицом в колени Мерседес.

- Эта бледная кукла с неживыми серыми волосами... А он... А я... У неё красные пятна в ауре - она убивала людей! А он кинулся к ней, как... как... Мама!

Андрей растерянно топтался рядом, не зная чем тут можно помочь, пока Мерседес не

сделала ему досадливый жест рукой - иди, мол, отсюда. Крутившаяся поблизости Эстрелла тут же ухватила его за руку, сердито прошипев: "Ты что, совсем глупый, да? Идём, не мешай им!". Андрей вздохнул, отступая под натиском женской солидарности, и нырнул вслед за Эстреллой в тёмный зев узкого извилистого прохода.

— Как же так, мама? Ведь я же с ним...

— Ш-ш, моя девочка... - шептала Мерседес, ласково проводя рукой по русым волосам и вздрагивающим от рыданий плечикам Наташи. - Успокойся, всё пройдёт...

— Не пройдёт! - Наташа вскинула голову и посмотрела в глаза матери. - Я больше никого никогда не полюблю - это у меня на всю жизнь!

— Глупая ты моя... - успокоила её Мерседес. - Сколько тебе лет? Вот то-то же... Я встретила твоего отца, когда мне было почти тридцать, и только тогда я поняла, что такое настоящая любовь... А всё, что было до этого - всего лишь бледная тень этой любви... Не плачь, у тебя ещё всё впереди. Любовь - она приходит к каждому, кто сумеет её заслужить, дожидаться, заметить и не потерять...

Наташа прижалась к матери, всё еще продолжая всхлипывать, но с каждым разом её всхлипывания становились всё реже и тише...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ИФРИТЫ

— Бис-ми-и-и-л-ла-а-а...

Долгий тягучий звук тёк по стенам, вплывал в узкие стрельчатые окна, растекался по углам тесных дворигов. Седые камни впитывали его - они слушали вечность. Казалось, здесь остановилось время, завязло в поющих под ветром песках, заблудилось в лабиринтах горных ущелий, задремало под горячим солнцем. Этот древний мир не хотел перемен, он им противился - он хотел жить по законам минувших столетий, неспешно и неизменно, жить так, как этот мир считал правильным. И копилась между руин мёртвых городов, где бродили призраки властителей ушедших эпох, Сила: она сжималась змееподобной тугой пружиной, сопротивляясь натиску извне. Ленивое время Востока просыпалось, разбуженное суетливым временем Запада и очень недовольное тем, что его сон потревожили.

— Мы хотим услышать ваши слова, почтенный Джелаль ас-Масуд.

Интерьер комнаты выглядел эклектично: мозаика на полу, инкрустированный стол тёмного дерева, арчатые своды дверей соседствовали с современной эргономичной мебелью, синтетическими плитками "вечного" органопластика под мрамор, которыми был выложен небольшой бассейн с журчащим фонтаном, и огромным - во всю стену - стереодисплеем компьютера. И прохладу здесь навевала работавшая абсолютно бесшумно суперсовременная система кондиционирования, а не опахала в руках темнокожих невольников.

Трое из четверых находившихся в комнате людей среднего возраста были одеты по-европейски - их можно было принять за кого угодно: за политиков высшего ранга, за бизнесменов, держащих руку на экономическом пульсе всей планеты, за военачальников, сменивших в силу ряда обстоятельств мундиры на дорогие костюмы, галстуки и белые рубашки. Эти люди получили образование в лучших учебных заведениях мира, они свободно говорили на нескольких языках, непринуждённо пользовались всеми благами техногенной цивилизации двадцать первого века и очень хорошо разбирались во всех хитросплетениях глобального клубка интересов стран и влиятельных международных группировок, зачастую преследующих прямо противоположные цели.

Четвёртый - седобородый старик в чалме и в шёлковом халате - казался на их фоне музейным экспонатом, ожившим анахронизмом, но по тому уважению, которое выказывали ему "европейцы", можно было понять, кто здесь самая важная персона.

— Слова пусты, - медленно проговорил седобородый. - Важны дела.

— Время дел пришло, - подхватил один из его собеседников, смуглокожий человек с чёрными умными глазами и чуть порывистыми движениями. - Важно знать, что и как надо делать.

– Они наступают, - добавил второй, плотный и хищнолицый, положив на стол сжатый кулак. - Война идёт уже почти целый век, и каждый год добавляет пустых черепов, катаемых ветром по барханам. Заноза, вонзённая в наше тело после Второй Мировой, обернулась отравленным кинжалом - рана от него воспаляется и истекает гноем. Мечи воинов ислама, несмотря на всю их отвагу, не в силах остановить натиск железных машин, вскормленных золотом. Мы проигрываем - Запад идёт на Восток, оплетая нас своей паутиной.

Старик в чалме перевёл взгляд на третьего человека, гибкого и поджарого, которого легко можно было представить сидящим не в удобном вращающемся мягком кресле, а в седле горячего арабского скакуна, в кольчуге и с кривым клинком в руках.

– Это так, мудрый шейх, - подтвердил этот потомок бедуинов. - Наши редкие победы неизменно сменялись поражениями, а сейчас, когда мы объединяемся, Запад забеспокоился. Они не допустят истинного возрождения халифата, а порознь мы не сможем противостоять их военной силе: Запад не остановится перед применением ядерной бомбы. И нам с ними не ужиться на этой планете - слишком различны наши цивилизации и наши ценности.

– Террор не оправдал возлагаемых на него надежд, - сказал первый. - Расшатать западную твердыню не удалось. Да, была паника, был кое-какой психологический эффект, но стратегические результаты ничтожны.

Старый шейх молча кивнул, соглашаясь с аналитиком.

– Ползучее проникновение оказалось куда более успешным, - продолжил второй. - Наши диаспоры по всему миру разрастались и крепили, обретали силу и влияние. Однако и здесь не всё идёт так гладко. Часть нашей молодёжи на Западе не устояла перед соблазнами западного образа жизни: юноши хотят иметь много денег и сладко жить, не думая ни о чём, а девушки - носить короткие юбки и ложиться в постель с мужчиной ради удовольствия, а не для того, чтобы зачать ребёнка. И они забывают веру отцов - не все, конечно, но многие.

– И главное, - закончил третий, - эта война скоро изменит своё лицо: она станет мировой. Лорд-протектор Джейк Блад в самое ближайшее время выкинет на свалку всю эту их демократию. Это диктатура, почтенный Джелаль ас-Масуд, а диктатуры всегда и везде были предельно агрессивны - их аппетиты ограничивались только силами и возможностями конкретного диктатора. А у генерала Блада возможности почти неограниченные - значит, война неминуемо захлестнёт всю планету. И нас - в первую очередь: мы для него противник номер один.

Он хотел ещё что-то добавить, но ас-Масуд остановил его лёгким движением руки.

– Я слышал вас, - негромко произнёс он, - и понял. Да, всё именно так и есть. Мы не в силах воевать открыто; стрела террора не пробила панцирь врага; дети нашего народа на западе перенимают чуждые нам идеалы. И генерал Блад рвётся к мировому господству - напрямик, отринув двуличную манеру его предшественников, скрывавших волчьи клыки за лживыми словами. Мы бессильны? - шейх обвёл взглядом собеседников.

– Мы рассчитываем на ваших ифритов, мудрый Джелаль ас-Масуд. Они проникнут куда угодно - такой террор Западу не остановить. За этим мы и пришли к вам, - "бедуин" почтительно поклонился. - Это последнее, на что мы ещё можем надеяться.

– Террора не будет, Мелик! - заявил ас-Масуд, сурово сдвинув брови. - Я не Старец Горы, и мои ифриты - не федави-хашшашин. Да, они могут многое, но я не хочу, чтобы моё гнездо повторило судьбу Аламута, рухнувшего под мечами монголов.²⁰

– Но как же тогда... - начал было человек с лицом хищника.

– Тебя разве не учили, Омар, что нельзя перебивать старших? - оборвал его шейх. - Террора не будет, - повторил он, - и не только потому, что так мы никогда не добьёмся своей цели. Запад ждёт от нас опрометчивого шага, который оправдал бы любое возмездие, павшее на наши головы в результате атомного теракта в Европе или в цитадели за океаном. Всевышнему было угодно остановить тот проклятый самолёт, - ас-Масуд бросил взгляд на

²⁰ Речь идёт о тайном ордене ассасинов-исмаилитов, существовавшем в XII-XIII веках в Иране.

"бедуина", и тот опустил глаза, - иначе здесь давно была бы мёртвая выжженная пустыня! Вы не слушали меня, горячие и неразумные, и только потом признали мою правоту...

Он замолчал, и тогда "аналитик" осмелился спросить:

– Неужели мы бессильны, почтенный шейх? Ты мудр - скажи нам. Ведь для чего-то ты готовишь своих питомцев? Я чувствую это - разве я не прав?

– Учитесь у Селима, - усмехнулся ас-Масуд, обращаясь к "хищнику" и "бедуину", - вы хорошие воины, а он - ему суждено быть правителем. Можно обрушить огромное здание, вытащив из его фундамента тот камень, на котором всё держится. Не понимаете? На чём построена вся западная цивилизация? У любого демона есть уязвимое место, надо только его найти и ударить, и демон рассыплется в пыль. Вот для этого я и готовил своих ифритов двадцать пять лет. И теперь они готовы нанести удар.

Собеседники седобородого переглянулись

– Боюсь, мудрый Джелаль ас-Масуд, что мы не совсем тебя поняли, - осторожно произнёс Селим.

– Точнее, совсем не поняли, - откровенно признался Мелик. - Свет твоей мудрости слишком ярок для наших глаз.

Омар промолчал, однако было заметно, что он тоже понял не больше других.

– Могушество Запада стоит на золоте, - ас-Масуд решил снизить до объяснений, - на золоте выстроено всё колоссальное здание западной цивилизации. Люди там привыкли, что всё на свете имеет свою цену, выраженную в деньгах. Это и есть уязвимое место демона - туда мы и ударим. Всё ещё не поняли? Мы откроем пещеру Али-Бабы - вы читали сказки своего народа или вы выросли только на комиксах и на компьютерных играх?

– А при чём здесь "Сказки тысячи и одной ночи"? - чуть обиженно спросил Мелик, но шейх только махнул рукой.

– Поехали, - коротко бросил он. - Покажу. - И спросил в пустоту: - Мой вертолёт готов?

– Вертолёт готов, великий имам, - ответил невидимый голос.

* * *

Серпента шла на север. Она возвращалась - ей некуда было больше идти. Впервые в жизни Змея встретила сопротивление своей воле, сопротивление, которое она не могла преодолеть. Но Серпента не давала вырваться наружу охватившему её раздражению - разум женщины-индиго хладнокровно просчитывал возможные варианты дальнейших действий.

Горная ведьма оказалась чересчур прозорливой - значит, дорога в Катакомбы закрыта. Змея потеряла Мэй - досадно, но не смертельно. Ньюмены далеко не разгромлены: Серпента вернётся, и начнёт всё сначала. В конце концов, идёт внедрение энергетических ступок в компьютерные сети - вряд ли лорд-протектор сможет что-то противопоставить этой угрозе. Значит, у Змеи есть серьёзные шансы оказаться победительницей. А когда ньюмены возьмут под контроль весь север этого континента, тогда можно будет и с пещерниками поговорить по-другому...

Серпента вела себя крайне осмотрительно. Здесь можно было не слишком опасаться сканеров ауры, но стоит пересечь южную границу... А потом ещё надо будет добраться до северной границы, и это через огромную страну, по-прежнему охваченную безумием и подозрительностью, минуя многочисленные блокпосты и рискуя быть засечённой при какой-нибудь внезапной облаве. Перебрав варианты, Змея остановилась на уже опробованном - она лишь внесла в него некоторые изменения.

В Акапулько она выследила жертву - солидного бизнесмена в последнем приступе молодости, отдохавшего в Мексике от ужасов "охоты на ведьм". Для Серпенты не составило особого труда оказаться за его столиком в элитном вечернем ресторане, а потом и в постели. Змея не давала воли своим кровожадным склонностям - ради достижения поставленной цели несущественными мелочами можно и пренебречь. Она погасила желание прикончить этого несовершеннолетнего в первую же ночь и равнодушно принимала его ласки (хотя сам бизнесмен

был ошеломлён "пылкой страстью" скромной девушки с золотой цепочкой на шее) - в конце концов, он был для неё самым удобным видом транспорта и пропуском. И уже через два дня бизнесмен резко изменил свои планы - он решил немедленно вернуться обратно в страну, откуда он совсем недавно уехал перевести дух.

Лёгкость, с которой обезьяноподобный сделался покорной игрушкой, навела Серпенту на мысль: а что если попробовать добраться до самого генерала Блада? Вряд ли он окажется устойчивее к ментальному воздействию, значит, можно добиться победы *изнутри*. Правда, Змея смутно представляла себе, как это можно осуществить на деле - лорд-протектор не появлялся на публике, ограничиваясь виртуальным общением с народом "спасённой" им страны. А проникнуть в подземелья Головного Центра, даже зная их местонахождение, - задача далеко не простая. И Серпента думала, перебирая разные варианты - вплоть до самых фантастических и заведомо невыполнимых - и отбрасывая их раз за разом.

На север они вылетели на личном самолёте "возлюбленного" Змеи. Миллионер был полон кипучей энергии: он что-то говорил, строил планы на будущее, в которых неизменно присутствовала его очаровательная спутница, однако Серпента его почти не слушала, лишь изредка улыбаясь и кивая. Главного она добилась - вернулась без помех туда, куда хотела. По пути они задержались на один вечер на побережье Великих озёр, а утром бизнесмен был крайне изумлён, проснувшись один - прекрасная мексиканка исчезла. Пылкий влюбленный испытал искреннюю горечь, хотя знает он, с кем именно он провёл эти несколько ночей, куда более уместной была бы неподдельная радость - радость от того, что он вообще проснулся живым и невредимым.

— Серпента? - в глазах девушки-индиго изумление смешалось с радостью. - Ты?! Ты вернулась! А двое воинов, выживших в том ночном бою на шоссе, говорили...

— Дверь закрой, - бросила предводительница ньюменов. - Как вы тут?

— Нас не тревожат. В последнее время облав не было, и вообще... Такое ощущение, что несовершенные притихли. Дети укрыты у чиканос и арабов, две группы воины увели за границу, в северные леса.

— А как ваша работа, Эвелин? Энергосгустки? Что-нибудь получилось?

— Не могу понять, - девушка замялась. - Сначала всё шло гладко - Сеть прямо глотала наших посланцев. Они даже начали размножаться, и мы ждали, когда их число возрастёт до заданного уровня, чтобы отдать приказ действовать. Но потом... Потом что-то случилось - наши псевдосущности стали исчезать. Они прекращали своё существование без видимых причин, не отвечали на вызовы. Мы посылали новых, но история повторялась. Мне кажется, что...

— Что?

— Что мы столкнулись с чужой магией противодействия - по-другому я не могу это объяснить.

— Магией? Хм... Ладно, разберёмся. Сейчас кто-нибудь из наших работает на Сеть?

— Эдгар. Это тут, недалеко.

— Поехали.

Сообщение Эвелин обеспокоило Серпенту. Признаки применения враждебной магии - факт тревожный сам по себе: это резко меняет баланс сил. Но главное - именно на запускаемые в компьютерные сети энергосгустки Змея возлагала особые надежды: если её посланцы вызовут паралич компьютерных систем, может появиться возможность пробраться в Центр, пока его защитная электроника слепа и глуха.

Эдгар выглядел крайне обеспокоенным. Он обрадовался появлению Серпенты - аура парня так и заискрилась, - но даже эта радость не могла скрыть его тревогу.

— За последние несколько часов, - сообщил он сразу же после краткого приветствия, - я сотворил одиннадцать "гремлинов". Добрались и затаились только трое из них. Из восьми оставшихся сообщали о себе шестеро, но потом и они замолчали - один за другим.

— И никаких особых сообщений?

— Было одно. Вот, - парень коснулся панели управления, - я записал.

– За мной... гонятся... Это... Это убийцы... - механический голос смолк, сменившись обычным фоновым шумом.

– И это всё? - Серпента задумчиво дотронулась до своего ожерелья. - Странно, очень странно...

– Вот и я говорю... - начал было Эдгар, но не закончил.

Стена маленькой комнаты в домике на окраине, вдали от нервного ритма большого города, вспучилась и потекла, как вода. Она распадалась, таяла, а на её зыбком дрожащем фоне проявились тёмные силуэты. Нет, дом не рухнул - просто одна из его стен сделалась проницаемой, словно завеса лёгкого тумана. Стала видна улица, посередине которой ползла громоздкая туша транспортёра-излучателя. Вокруг неё муравьями суетились солдаты, однако основной удар наносили не они - к замершим от неожиданности людям-индиго с пугающей быстротой метнулись размытые чёрные тени. Ньюмены встретили равного противника.

Серпента не растерялась. Навстречу теням - разбираться в том, кто они такие, не было времени, - молниеносно рванулось убийственное голубое жало. Оно с лёгкостью нанизало на себя одного из нападавших, не добежавшего до дома всего нескольких шагов; чёрная тень дёрнулась, обрела очертания человеческой фигуры и повалилась тряпичной куклой.

"Уходите ! - мысленно закричала Змея своим. - Я иммунна к полю - меня им не взять! "

"Мы тебя не оставим !" - услышала она мыслеответ Эдгара.

В другое время Серпента восхитилась бы такой преданностью своих соратников, но не сейчас. Она чувствовала волну чужой магии, накатывающуюся на их убежище, и понимала: втроём не выстоять. *Равных* врагов десятка полтора, а как только конус поля накроет дом, от Эдгара с Эвелин пользы будет не больше, чем от кошки, яростно шипевшей в углу комнаты. А перенацелиться на транспортёр не было ни сил, ни времени - тёмные силуэты были уже рядом, Серпента еле успевала отбивать тянущиеся к ней гибкие призрачные щупальца. Если хоть одно из них коснётся её сознания - всё.

"Эвелин! Я приказываю ! Надо предупредить всех ньюменов !"

Благоразумие всё-таки возобладало - девушка-индиго змейкой скользнула через окно, и Серпента надеялась, что ей удастся уйти. А вот Эдгар... Его движения стали вялыми, и Змея поняла: парень влип - дом уже в радиусе действия излучателя. И она знала, почему этот воин упорно не желал её оставить: юноша-индиго защищал не суровую предводительницу "истинно новых людей", а девушку, в которую был безнадежно влюблён...

"Хаос бы побрал эту дурацкую мужскую любовь..."

Всё это заняло не более трёх секунд. Бой проигран, хотя ещё один из чёрных бессильно распластался у самой стены, - остаётся прорываться. Если, конечно, получится...

Эдгар покачнулся. Глаза его уже заволочло туманной дымкой, и тогда Змея расчётливо и хладнокровно перехватила всю запасённую Эдгаром энергию - ему она уже не нужна.

"Любишь? Так плати за любовь, несчастный глупец!"

Четыре тёмные тени втекли в комнату - так казалось Серпенте, хотя обычный человек даже не различил бы их движений - настолько они были стремительны. Втекли - и тут же были смыты потоком пламени, хлынувшим от неподвижной фигуры Эдгара. Беспощадно выжигая парализованное сознание юноши-индиго, Змея использовала его в качестве живого ретранслятора своего смертоносного заклятья, а то, что это заклятье было смертельным и для самого Эдгара, Серпенте уже не волновало - сам выбрал свою участь.

И наверное, ей удалось бы ускользнуть, не оказись чёрные такими умелыми бойцами: они заранее перекрыли вроде бы свободный путь отхода. Серпента услышала сдавленный мыслекрик Эвелин - там, за окном, - а затем и эта стена стала проницаемой. Змея отчаянно переместилась к дверям, надеясь проложить себе дорогу по трупам штампов - выстрелов она нисколько не опасалась, - но тут комнату заполнили тёмные тени. Их было не меньше десятка - считать было некогда.

Противоборство длилось доли мига. Серпента почувствовала, как ей засасывает чужая сила, рванулась, хлеща вокруг себя жгучими струями яда, а потом ощутила сильнейший ментальный удар.

Боль расколола голову и погасила сознание.

* * *

Вертолёт опустился на маленькую площадку на вершине утёса, ограждённую со всех сторон перилами - ребристые бока скалы уходили в бездну. От вершины вниз вела узкая тропка, заканчивавшаяся перед глухой каменной стеной. Дальше пути не было, но никто из спутников шейха не удивился, когда казавшаяся монолитной стена распахнулась. Из тёмного зева веяло прохладой.

Они шли, и гулкий звук шагов отражался от стен. Проход был освещён электричеством - никакой мистики. Ещё поворот - и взорам гостей ас-Масуда предстала широкая мощёная площадь, окольцованная уходящими ввысь скалами;верху синело небо. Тихо шелестели листья деревьев, над фонтаном в центре площади дрожала радуга. А впереди высился портал с белыми колоннами.

— Нам туда, - обронил шейх. - Перед входом сменим обувь - когда ифриты работают, их нельзя тревожить посторонним шумом. И, - он внимательно посмотрел на Селима, Омара и Мелика, - спрячьте подальше ваш обретенный на Западе скептицизм: то, что вы увидите, превзойдёт все ваши ожидания. Вы люди, облечённые властью, - вам первым надлежит это увидеть.

Перед колоннами портала они встретили первых обитателей этого места: двое юношей в свободных белых штанах и куртках были неподвижны, но от них так и веяло убийственной силой, и "бедуин" Мелик тут же оценил это своим профессиональным чутьём. "Воины, - подумал он, - и какие! Почтенный Джелаль слегка лицемерит - никому из Старцев Горы и не снились такие адепты. Они пойдут туда, куда он их пошлёт, и будут делать то, что он прикажет, - без сомнений и колебаний...".

— Не совсем так, Мелик, - отозвался ас-Масуд, не оборачиваясь. - Они не зомби - они личности. Новые люди - на Западе таких называют людьми-индиго. Осторожнее с мыслями - многие из моих ифритов читают человека, как раскрытую книгу. Идите за мной.

За колоннами оказалась тяжёлая резная дверь - она отворилась бесшумно, как только ас-Масуд приблизился к её створкам. Ещё сотня шагов по каменному коридору, и...

Гигантский зал, притаившийся в недрах горы, отсечённый от всего мира пустынями и труднопроходимыми горными ущельями; пещера способная вместить тысячи людей. И здесь были люди - они сидели по периметру зала на расстеленных небольших ковриках. Эти люди - молодые люди, юноши и девушки в одинаковых белых одеждах, - пребывали и здесь, и бесконечно далеко: позы их были позами глубокой медитации.

Селим почувствовал, что ему стало трудно дышать, и заметил, что Мелик с Омаром испытывают то же самое. В зале ярилась сила - исполинский энергетический вихрь. Энергия втекала сюда откуда-то извне, лилась водопадом, призываемая учениками шейха.

— Смотрите! - торжественно произнёс Джелаль ас-Масуд.

В центре зала возвышалась груда камней, наваленных в кажущемся беспорядке, и эта груда изменялась прямо на глазах. Камни шевелились, словно живые существа, стремящиеся улечься поудобнее. Но главное было не в этом - камни меняли цвет: серый оттенок гранита желтел, словно наливался солнечным светом. Подчиняясь могучей воле ифритов, камни превращались, и гости великого имама очень быстро поняли, *во что именно*.

— Золото... - благоговейно выдохнул Омар.

— Золото... - прошептал Мелик.

— Золото, - Селим не верил своим глазам. - Неужели...

— Да, золото, - спокойно подтвердил ас-Масуд. - Ничего сверхъестественного. Это называется магический синтез - превращение вещества. Энергии здесь вдоволь, а ифриты хорошо знают, как её употребить. Дети Горы изучали золото много лет, и знают о нём всё - свойства, структуру, строение атома. А когда знаешь, что надо материализовать, и умеешь это делать... Дальнейшее уже просто. Ифриты лепят золото из чего угодно так же легко и

просто, как декханин саманные кирпичи.

– И... - Омар судорожно сглотнул, - сколько же они его могут...

– Столько, сколько будет нужно - в неограниченном количестве. Там, - шейх махнул рукой в дальний конец зала, - хранилище. Желаете посмотреть? На стеллажах сейчас около сорока тысяч тонн золота - двести ифритов делают в день двадцать тонн жёлтого металла, а работа идёт уже несколько лет. У меня много способных учеников, - добавил имам, - если потребуется, они смогут творить и по сто тонн золота в сутки.

Гости подавленно молчали, потрясённые невиданным зрелищем.

– Говоря языком учёных, - объяснил шейх, наслаждаясь произведенным эффектом, - здесь непрерывно работает очень мощный ментальный синтезатор материи с заданными свойствами. Синтезатор, управляемый сознанием моих ифритов - людей-индиго, людей с паранормальными способностями. Энергии во Вселенной очень много - надо только суметь её взять. А они, - он кивнул в сторону сидящих на ковриках, - умеют это делать.

– А что дальше? - спросил Селим, хотя было заметно, что он уже прикидывает что-то в уме.

– Об этом мы поговорим, однако не здесь - в этом зале слишком высока плотность свободной энергии. Даже мне долго находиться здесь... не слишком безопасно, а вы вообще можете получить мозговой ожог. Идёмте.

...Гости пришли в себя только после третьей чашки крепчайшего кофе, подаваемого в покоях шейха молчаливыми юношами в белом. Селим, похоже, уже знал ответ на свой вопрос, но хотел услышать хозяина. Однако ас-Масуд молчал, и Селим не выдержал.

– По подсчётам американских учёных, - начал он, отставляя пустую чашку, - за всю историю человечества было добыто около ста тысяч тонн золота. Кое-что потеряно - лежит на морском дне среди обломков разбитых судов, зарыто в тайных кладках, - но большая часть жёлтого металла находится в золотом запасе всех стран мирах и в частных руках в виде ювелирных украшений. Вы сказали, почтенный ас-Масуд, что у вас уже около сорока тысяч тонн золота - это в несколько раз больше золотого запаса Соединённых Штатов. Значит...

– Значит, мы богаче всех стран мира, вместе взятых, - невозмутимо произнёс шейх, - и мы в состоянии *купить* весь этот мир. По нынешним ценам золото Горы стоит свыше одного триллиона долларов - эти огромные деньги станут нашим оружием, которое поразит нашего врага. В мире наших врагов действует принцип - всё продаётся, и всё покупается. Мы давно уже проникаем в этот их мир - проникают наши деньги. Но нефтедолларов было недостаточно, чтобы сломать хребет Западу, - его сломают руки моих ифритов. Так что действуй, Селим, - ты ведь очень хорошо разбираешься в финансовом механизме планеты. Я дам вам это золото, и вы убьёте им Запад.

– В принципе это возможно, хотя и труднодостижимо. Если наша "покупка мира" зайдёт слишком далеко, последует реакция на уровне правительств - например, выраженная в законодательных запретах. Не всё так просто, почтенный Джелаль ас-Масуд!

– Да, трудности могут возникнуть, - согласился имам, - однако все они преодолимы. Но главное: это будет только началом. Если Запад спохватится и не захочет продавать нам то, что мы хотим у него купить, - хотя непременно найдутся люди, которые будут продавать всё, невзирая ни на какие запреты; их души слишком разъедены алчностью, - мы сделаем так, что всё их достояние обратится в пыль. Сейчас пещера Али-Бабы только приоткрыта, но ведь её можно распахнуть и настезать... Вы поняли меня?

Да, на этот раз они очень хорошо поняли его: и "аналитик" Селим, и "хищник" Омар, и "бедуин" Мелик - они были умными людьми с гибкой системой мышления, не скованной окостеневшими догмами.

– А как же мы сами, почтенный имам? Эта волна захлестнёт и нас - наша экономика основана на тех же принципах!

– Есть разница, Селим. На Западе деньги - это единственное, что связывает людей в общество: больше у них нет ничего - ни идей, ни устремлений. А у нас - у нас есть вера, и эта вера нас объединяет. Мы устоим, Селим.

– Кстати, - вкрадчиво произнёс Омар, - насчёт веры. Там, в зале, - там ведь вместе с юношами были и девушки - девушки с открытыми лицами. Не противоречит ли это...

– Не ожидал такого вопроса, - холодно ответил ас-Масуд, - тем более от тебя, Омар. Тебе ли не знать, что закон власти главенствует над властью закона? Власть выше любых законов! А простым людям ни к чему знать, что властители не всегда следуют законам, которые сами же и устанавливают. Так было, так есть, так будет! И главное - эти девушки не просто женщины, которые могут стать жемчужинами гаремов. Они самодостаточны - без этого их магия не работает. Даже я не могу подчинить себе их волю - это выше моих сил. Я воспитал детей Горы, они идут с нами и помогут нам; они наши союзники, но не рабы. Да, мы следуем нашим древним законам, но, - он усмехнулся, - не следуем слепо. Разве для тебя это новость? И ещё - любая из этих прекрасных пэри стоит в бою роты десантников. Хотите убедиться? Я могу оторвать нескольких девушек от синтеза на час-другой.

– Не стоит, почтенный ас-Масуд, - поспешно сказал заметно сконфузившийся Омар, - мы уже видели кое-что... ещё раньше. Поэтому господин Мелик и говорил об использовании ваших ифритов... в других целях.

– Цель у нас сейчас одна - победить. Да, люди-индиго могут быть воинами, и если понадобится, они ими станут. Но пока они будут творить сокровища пещеры Али-Бабы - это самый верный путь к победе. Единственный путь - я так считают.

* * *

– Я рад, - лорд-протектор вальяжно откинулся на спинку кресла, - что наконец-то мы с тобой встретились. Присаживайся, чувствуй себя как дома.

Серпента не ответила - какой смысл перебрасываться словами с обезьяноподобным, которого так и распирает от гордости? "Рад он, видите ли... Интересно, как бы ты был рад, если бы мы с тобой встретились в другом месте и при других обстоятельствах..."

Овальная комната с глухими стенами - часть этих стен занимали экраны, но сейчас все они были деактивированы, - не выглядела местом, располагающим к душевной беседе. Всё предельно утилитарно: полукруглый стол, совмещённый с терминалом, два кресла, одно из которых занимал сам генерал, другое - холодноглазая красивая женщина. Посередине - ещё одно кресло: надо полагать, для неё, Серпенты. Других "гостей" здесь нет: тринадцать фигур в чёрном, застывших по периметру, - это не гости, это скорее (Змея мысленно усмехнулась) "почётный караул". Или просто караул - без прилагательного "почётный".

Серпента с невозмутимым видом села и еще раз огляделась. Джейка Блада она узнала сразу - голографические портреты "спасителя нации" в этой стране торчали на каждом углу, не говоря уже о том, что физиономия генерала маячила на каждом канале стереовидения. А вот женщина... Судя по тому, как она держится (и по тому, что она вообще здесь находится) - это не просто подруга лорда-протектора. Серпента привычно потянулась к сознанию этой несовершеннолетней и... натолкнулась на глухую гладкую стену.

"Так вот оно что! - подумала Змея. - Эти ребята в чёрном... Ну да, это ведь они - или их коллеги - напали на нас. Поздравляю, генерал Блад... Но откуда? Неужели... Выкормыши Приютов - конечно! Можно было догадаться..."

– Именно так и обстоит дело, - спокойно произнёс человек в чёрном - тот, который стоял за спиной лорда-протектора. - Мы одной крови, ты и я, - так, кажется, у вас говорят? Жаль, что наша с тобой встреча обернулась лишними смертями. Мы недооценили тебя - ты очень сильная магиня и великолепный боец. Надеюсь, мы сможем договориться.

– Договориться? Вот как? Тогда надо было просто пригласить меня сюда, а не...

– Не было гарантии, что ты примешь наше приглашение, - Блад явно был недоволен тем, что "охранник" перехватил инициативу. - Вот нам и пришлось... оплатить твой проезд. - Блад полуобернулся к чёрному. - Напомните мне, Энней, во сколько нам это обошлось?

– Она убила шестерых, и ещё трое обожжены ядом. И одного ранила другая девушка - та, которую не удалось взять живой. Твои воины, Серпента, чересчур фанатичны - они

предпочитают смерть жизни. Это неразумно. Хорошо, что сама предводительница не стала делать себе харакири.

— Так, - Змея небрежным движением закинула ногу на ногу. На ней был тот брючный костюм, в котором она сбежала от незадачливого Ромео-миллионера, и в котором её взяли. В схватке костюм пострадал, но сейчас выглядел безукоризненно. "Подлатали-погладили, что ли, пока я была без сознания?". - Не понимаю тебя, Блад. Ты объявляешь крестовый поход против индиго, а когда в твои руки попадает их глава, ты вроде бы не спешишь устроить показательное аутодафе. Или это ещё впереди? - Спрашивать, откуда им известно её имя, Серпента не стала: и так понятно. Захваченные солдатами дети-индиго - из тех, которые побывали у ньюменов, - наверняка оказались достаточно словоохотливыми.

— Ну почему, - Джейк картинно развёл руками, - все красивые женщины так любят говорить глупости! Ты ведь умна, Серпента, дьявольски умна - неужели ты не понимаешь простых вещей?

Холодноглазая молчала, но Серпента чувствовала, что она внимательно рассматривает пленницу и следит за малейшими изменениями её мимики и выражения глаз.

— Люди-индиго, - пояснил Энней, - будущее этого мира. Их мало - их надо беречь. Поэтому мы союзники, а не враги.

— Кто это мы? "И этот тип совсем не прост, хоть и одет в униформу штампа. И он не штамп - далеко не штамп..."

— Гремлины.

— Гремлины? Но ведь "гремлины" - это...

— Нам известно, что "гремлинами" твои люди назвали автономные энергетические сгустки, которые вы запускали в компьютерные сети. Забавное совпадение. Но настоящие гремлины - это мы: чёрные индиго. А ваша идея свести с ума все компьютеры интересна по замыслу и изящна по исполнению - мы будем иметь её в виду. На будущее.

— Моих посланцев остановили вы? - Серпента видела ауру Эннея и понимала: да, это действительно человек-индиго. Сильный противник. Или всё-таки союзник?

— Мы. Это было непросто. Но наши труды окупились сторицей - мы вышли на тебя по следу твоих "гремлинов": отследили точку их рождения и пришли навестить родителей. И к нашему величайшему удовольствию, у колыбели оказалась и ты.

— Удовольствию? Шестеро твоих, Энней, - так тебя зовут? - за это удовольствие...

— Может, хватит изощряться в остроумии? - похоже, генералу надоело изображать из себя гостеприимного хозяина. - Не забывай, Серпента, - мы сильнее. Ты без наручников, но попробуй-ка зацепить хоть толику энергии!

"Уже попробовала, - зло подумала Змея. - Обошлась и без твоего напоминания!". Она действительно попробовала - сразу же, как только к ней вернулось сознание. И второй раз - уже здесь, в этой комнате. И оба раза испытала сильную боль, словно на её тянущуюся к оружию руку грубо наступили кованым солдатским сапогом. Сначала Змея подозревала, что тут замешана техника, однако увидев гремлинов и поняв, кто они такие, догадалась: против неё работает магия.

— Так, - повторила она, сохраняя равнодушный вид. - Перейдём к делу? Что тебе от меня нужно и о чём мы можем говорить? Если можем, конечно.

— Всё очень просто, - лорд-протектор жестом остановил Эннея, снова пытавшегося что-то сказать. - Твоя концепция - очистить эту планету от обезьяноподобных для истинно новых людей - мне известна. Ты очень удивишься, но я добиваюсь того же самого - да, да, того же самого! Критерии отбора несколько иные, но задача - та же. А теперь, когда эти славные молодые люди, - генерал показал на гремлинов, - изъявили желание сотрудничать со мной, моя - наша - доктрина доработана и приобрела законченный вид. А у тебя нет выбора, неистовая амазонка: или ты с нами, или... Твои ньюмены разобщены, мои гремлины собраны в ударный кулак. Они могут отслеживать твоих бойцов гораздо эффективнее, чем самая лучшая аппаратура, и располагают надёжным укрытием. Исход противостояния - если оно будет продолжаться - не вызывает никаких сомнений: вы будете истреблены. Но зачем,

когда можно встать плечом к плечу? Я предлагаю тебе и твоим людям перейти на нашу сторону: цели, повторяю, у нас общие. Ты обратишься к своим и объяснишь им ситуацию - думаю, к твоему голосу прислушаются самые непримиримые.

— А где гарантия, что это не ваша хитрая уловка? - Серпента прищурилась. - Мы умеем сражаться, и твоим гремлинам придётся дорого заплатить за победу! А если я приведу своих воинов на плаху?

— Ты до сих пор жива - разве это не гарантия? Хотя я понимаю твои сомнения, и не буду торопить тебя с ответом. Подумай, Серпента. И согласишься, - генерал тоже прищурился, - ты ведь наверняка прикидывала такой вариант. Мне почему-то кажется, что ты хотела встречи со мной - иначе почему ты не убила себя, воительница? Я прав?

"А ты не так примитивен, Джейк, - особенно для обезьяноподобного. Я действительно искала встречи с тобой. Ну что ж..." - подумала Серпента и сказала, старательно изображая колебания (хотя уже приняла решение с быстротой, присущей людям-индиго):

— Хорошо. Я... подумаю. Но для начала, - она испытующе посмотрела в глаза лорду-протектору, - я хотела бы поговорить с тобой наедине. Для пущей гарантии - в знак доверия. Или ты опасаясь будущего союзника?

Серпента не сомневалась, что Блад обязательно примет меры предосторожности - не настолько же он глуп, чтобы совать голову в змеиную пасть! - но ей важна была его реакция: что он на это скажет?

— Охотно, - без промедления ответил генерал. - Сегодня же, только чуть попозже - у меня много дел. А пока отдохни - тебя проводят.

Предводительница ньюменов опустила глаза и послушно поднялась со своего кресла. Она не заметила искорку, промелькнувшую в глазах красивой женщины, сидевшей рядом с Бладом, - Змее было уже не до того. Она привычно коснулась змеиной головки на ожерелье - слава Творящим Миры, её талисман при ней; значит, и удача тоже.

А Стэрди, не произнёсшая за это время ни слова, видела всё. "Джейк, - думала она, - ну, с ним ясно: наш неугомонный бабник заинтересовался новой юбкой. А вот Энней... Что-то странно он смотрел на эту Серпенту и... *на меня* - словно сравнивал... Знать бы ещё, что на уме у этой убийственной красотки, которая полностью соответствует своему имени..."

* * *

— Можно считать, что соглашение достигнуто, господин Селим-уль-Захр-ибн... "Чёрт бы побрал эти ваши имена!"... и мы можем оформлять документы?

— Конечно, - кивнул безукоризненно одетый моложавый араб с чуть порывистыми движениями. Он достал изящную ручку-факсимилатор, воспроизводящую неподделываемую подпись идентифицируемого по множеству параметров владельца этого микрокомпьютера, и коснулся ею первой страницы договора.

Глава совета директоров транснациональной корпорации "Global Technology" Михаэль Клейн затаив дыхание следил за шелестящими белыми листами, на которых появлялся автограф одного из богатейших людей планеты. "Невероятно, - думал он. - Такая удачная сделка! Они получают контрольный пакет? И что из этого? Акционерам нужны дивиденды - им плевать, кто является собственником компании! В глобализированной экономике подобные мелочи не имеют никакого значения. Зато мы получим..."

— Поздравляю! - с чувством произнёс господин Клейн (подавив невольное желание добавить: "И себя тоже!") - И трансфер будет осуществлен...

— Простите? - Брови Селима слегка дрогнули. - Мы ведь с вами предварительно уже обсудили это вопрос. В условиях общей нестабильности в мире ни одна из мировых валют не может рассматриваться в качестве надёжного средства платежа - да ещё в таких размерах. Одни только дневные колебания курса съедят несколько миллионов долларов! Мы выплатим вам всю сумму золотом.

"Миллиард долларов! Двадцать одна тонна золота! - промелькнуло в голове Клейна. - Я

сплю? Фантастика!"

...Эта сделка была далеко не единичной. Элегантные и вежливые смуглокожие люди оформляли покупки международных холдингов в Европе и Азии, в Америке и на райских островах. По законам бизнеса подобные грандиозные сделки окутывала завеса секретности: имена истинных покупателей держались в тайне, документы оформлялись на всевозможные "дочерние" и "сыновние" фирмы и фирмочки, возникавшие со скоростью пузырей на лужах во время сильного дождя, а просачивающиеся в средства массовой информации слухи тут же опровергались пиар-менеджерами, ревниво оберегавшими репутацию своих концернов.

Контрольные пакеты акций добывающих, обрабатывающих и производящих компаний переходили в другие руки - долевое участие сменялось безоговорочным главенствованием новых хозяев. Кое-кто из прежних владельцев колебался, но уж больно соблазнительными выглядели предложения: все сделки оплачивались не бумажками, за которыми стоял только авторитет печатавших их государств, а *золотом* - основным мерилем ценности всего и вся с незапамятных времён. Блеск жёлтого металла завораживал даже самых матёрых монстров большого бизнеса.

Золотые ручейки, превращавшиеся в полноводные реки, втекали и в другие сферы: в транспорт и телекоммуникации, в империи развлечений и шоу-бизнеса. И криминальные боссы, контролировавшие тайные потоки "прелести" и "блаженства", активно потребляемых боящимися завтрашнего дня людьми, тоже уступали соблазну: зачем хвататься за оружие и отстаивать своё право потихоньку выкачивать прибыль, когда тебе предлагают всё и сразу? И не в каких-то там долларах, евро, юанях или динарах - в *золоте* !

Через Атлантику шли, раскачиваясь на штормовых волнах, новые "золотые галеоны". Только шли они не из Нового Света в Старый, а в обратном направлении: время повернуло вспять. Бесценный груз принимали на борт боевые корабли - доверять десятки и сотни тонн золота трюмам торговых судов казалось верхом безумия. Конвои щетинились орудийными стволами и установками ракет класса "поверхность-поверхность" и "земля-воздух"; за ними следили всевидящие глаза орбитальных спутников. Над ними барражировали истребители, а под водой двигались параллельными курсами субмарины - если появились новые "золотые караваны", то могут появиться и новые флибустьеры.

В оцепленных многорядными кордонами портах увесистые контейнеры перегружались на бронированные транспортёры и под усиленной охраной направлялись в подземные хранилища Манхэттена и в пещеры Форт-Нокса в Кентукки, на территорию, опоясанную проводами с напряжением в пять тысяч вольт, просматриваемую всеми видами наблюдения и простреливаемую пулемётами, автоматически берущими на мушку любую цель.

— Интересно, и откуда у этих rag heads²¹ столько золота? - задумчиво спросил молодой полицейский, кивнув в сторону небольшой группы людей, наблюдавших за выгрузкой. Он и не заметил, как у одного из них, услышавшего эту фразу, чуть дрогнули ресницы - невдомёк было доблестному стражу порядка, что этот плотный человек с хищным лицом свободно говорит не только на английском, но и на французском, испанском и русском языках.

— Нефть, наверно, - пожал плечами его пожилой напарник, - у них этой нефти - хоть залейся. А она всем нужна, и все готовы за неё платить. А может, они нашли пещеру Али-Бабы, - полисмен усмехнулся, вспомнив книжку, увиденную им в руках своей шестилетней внучки. Читающий ребёнок - большая редкость, и поэтому название книжки запомнилось. Счастливый дедушка и не подозревал, как он близок к истине.

— Ничего, - резюмировал молодой, - пусть везут. Было их - стало наше. Чем больше золота, тем оно лучше, верно? Золото - это ведь *золото* ...

Вопрос "Откуда?" приходил и в другие головы, гораздо более умные. И эти же головы отметили планомерность и целенаправленность сделок: складывалось впечатление, что кто-то, располагающий поистине фантастическими финансовыми возможностями, постепенно

²¹ Rag heads - тряпичные головы (англ.). Презрительное прозвище, данное американцами арабам.

занимает господствующие высоты в мировой экономике - она давно уже стала практически единой.

Этот бесспорный факт вызвал тревогу Правителей, тем более что данные аналитиков показывали: концы с концами не сходятся - с Востока уже поступило больше золота, чем его было им закуплено за все годы нефтяного бума, а золотой поток, размывавший твердыню Запада, и не думал ослабевать. Велись переговоры о передаче под контроль таинственных инвесторов ключевых секторов национальной экономики; чуя неладное, Правители тянули с окончательным ответом - они опасались оказаться на обочине большого бизнеса, и в то же время магическое слово "выгода" гипнотизировало их, как удав кролика. Геополитические интересы вторичны, если речь идёт о прибыли, - в конце концов, Америка продолжала торговать с Германией и Японией даже тогда, когда "камикадзе" таранили американские авианосцы, а немецкие лодки торпедировали транспорты под звёздно-полосатым флагом.

- Может быть, надо довести наши выводы до сведения генерала Блада? - осторожно предложил один из мессиров.

- И чем он сможет нам помочь? - саркастически осведомился другой. - Экономика - не его конёк. Пусть возится со своими индиго, и... - мессир хотел было добавить: "И пусть этот солдафон не суёт свой нос во все щели - он и так забрал слишком много власти!", но поостерёгся. Соратники покойного Эссенса недолго любили выскочку, но кто его знает - а вдруг кто-нибудь из них возьмёт и доложит лорду-протектору о нелестных высказываниях в его адрес?

Решено было "подождать окончательного прояснения ситуации" - ведь каждый день увеличивал и увеличивал золотой запас первой страны мира.

* * *

- И о чём же ты хотела со мной поговорить? - спросил Блад, как только за его спиной закрылся входной проём камеры пленницы. Впрочем, камерой это помещение вряд ли можно было назвать: уютная жилая комната с мягкой мебелью меньше всего походила на мрачный тюремный карцер.

- Прежде всего мне хотелось узнать, - ответила Серпента, вставая навстречу генералу с широкого дивана, - насколько отважен лорд-протектор и спаситель нации. Решится ли он встретиться с глазу на глаз с ведьмой, способной его заколдовать?

- Ну и как? - Джейк спокойно присел на край дивана, словно явился в гости к старому приятелю. - Узнала?

- Узнала. "Да, твоих гремлинов рядом с тобой нет, хотя они наверняка притаились поблизости, - подумала Серпента. - И система наблюдения включена - меня нейтрализуют прежде, чем я успею выбраться из этой комнаты. Осторожен наш лорд-протектор... Но смел - этого у него не отнять. Ведь знает, что я могу с ним сделать даже на тех крохах энергии, которые мне сейчас доступны, и всё-таки пришёл. Надеется узнать что-то важное, или...?".

- И то, и другое, - спокойно ответил генерал. - Нет, я не умею читать мысли - я ведь не индиго. Просто эта комната перекрыта аппаратурой контроля психополя, а у меня на руке, - он показал крохотный дисплей, похожий на обыкновенные ручные часы, - дешифратор. Ход твоих размышлений я примерно представляю, так что могу разобраться в импульсах, высвечиваемых на этом экранчике. Будем считать, что обмен любезностями состоялся, - перейдём к делу? Так что ты хотела мне сказать?

- Две вещи, генерал. Первое - я была в южных Катакомбах - полагаю, ты знаешь, что это за экзотическое место, - и знаю, чего можно ожидать от их обитателей. И могу сказать - твоими союзниками они не станут, как не стали моими. С ними тебе - *нам* - общий язык не найти.

- Небезынтересно, - Блад на секунду задумался. - Хотя я не считаю эту информацию заслуживающей грифа "Top secret". А вторая вещь?

- Вторая... Ньюмены станут твоими союзниками, но - самостоятельными.

– Поясни.

– Охотно. Никакого подчинения гремлинам - командовать моими людьми буду я. Под твоим началом, разумеется. Это в твоих интересах, Джейк Блад, - неплохо иметь под рукой силу, по меньшей мере равную чёрным индиго, а? Был такой древний девиз: "Разделяй и властвуй!".

– Да... Вот это уже серьёзный разговор, Серпента. Я согласен. Могу лишь повторить уже сказанное: ты дьявольски умна и... чертовски красива.

– А хочешь, Джейк, - Змея как-то сразу оказалась рядом с генералом - так близко, что он ощутил тепло её тела и дыхания, - я скажу тебе ещё одну вещь?

– Скажи.

– Я знаю, чего ты хочешь, Джейк Блад, и давно хочешь: с того самого момента, как ты впервые увидел меня на видеозаписи.

– Ты действительно ведьма...

– Ты хочешь меня, Джейк Блад, как не хотел никогда ни одну женщину. А я...не вижу причин отказывать победителю...

С этими словами она скинула жакет и одним движением раскрыла шов-"сезам" своей модной блузки-"ракушки" - сверху донизу...

..."Вот гадина! - мысленно выругалась Стэрди, наблюдая на мониторе, как Блад сгрёб в объятия предводительницу ньюменов. - Вот гадина! - повторила она, когда экран потемнел - генерал блокировал системы слежения. - Впрочем, этого и следовало ожидать: мужчины слишком часто прислушиваются к голосу из штанов... Ладно, не всё так сумрачно, хотя эта Змея чуть ли не вдвое меня моложе, - нас с Джейком связывает не только постель. Хотя... Серпента может попытаться занять моё место - с неё станется. Серьёзная девушка..."

Закусив губу, "роскошная смерть" некоторое время размышляла, а потом решительно набрала на сенсорной клавиатуре код, известный в Центре только ей и лорду-протектору.

– Энней!

– Да, леди Стэрди, - командир гремлинов отозвался тут же, словно ждал вызова.

– Я хочу тебя видеть. Немедленно.

– Мне прибыть к вам, леди Стэрди?

– Нет. Я приду к тебе.

"Ну что, опять ставим на победителя, крошка? - думала Стэрди, торопливо шагая по коридору уровня "Z". - Всё повторяется в этом мире... Джейк ревниво следит за всеми конкурентами из числа мессиров и хайерлингов, но он забывает, что конкурентом может стать и женщина - обиженная женщина!"

– Нам надо поговорить, - бросила она Эннею, оказавшись в его апартаменте.

– Я слушаю вас, леди Стэрди, - греmlin чуть склонил голову в знак почтения.

– Оставь этикет! Ты что-то говорил о моём прошлом - реинкарнационном прошлом. Ты говорил, что есть какой-то след. Ты можешь прочесть этот след?

– Не уверен, леди...

– Я же сказала!

– Не уверен на сто процентов. Но могу сказать, что вы некогда были одной из - или одним из - чёрных эсков. Когда? Не знаю. Вероятно, много тысяч лет назад: след очень слаб. Но он есть.

– Значит, я могу быть законной правительницей нового гнезда этих эсков?

– В какой-то степени - да.

– В какой-то... Не слишком определённо, но у Блада нет и таких прав.

– Да, леди Стэрди, - бесстрастно подтвердил Энней.

– А можно ли как-то поточнее определить этот инкарнационный след?

– Среди нас есть умеющие читать ленту прошлых жизней. Как правило, это женщины.

– Женщины?

– А чему вы удивляетесь? Ведь мы же люди, бывшие воспитанники Приютов. И среди нас есть девушки, и немало. Вы разве не смотрели информацию с того кристалла, который я

передал лорду-протектору? Их укрывали среди обслуживающего персонала инкубаторов и среди пробных партий так называемых гейш - профессор Чойс ведёт работы и по созданию идеальных женщин для будущей элиты. А теперь они все здесь - в разных... ипостасях.

– Смотрела, но... Ваши имена - по ним не различить пол, а я как-то упустила из виду эту деталь. Ну да, конечно, вы ведь люди... Есть женщины, которые станут матерями новых поколений людей-индиго. И есть мужчины, которые станут отцами, - такие, как ты, Энней. - Она подошла к гремлину и в упор посмотрела ему в глаза. - Ведь ты... мужчина?

– Да, леди... Стэрди. - Голос Эннея изменился почти неуловимо, но "роскошная смерть" это заметила и внутренне возликовала: "Ага, и в твоей непробиваемой броне можно найти трещинку!".

– А если ты мужчина, - без обиняков заявила она, кладя ему руки на плечи, - тогда, может быть, ты поможешь мне освободиться от лишних тряпок? Или я должна раздеваться сама, не дожидаясь твоей помощи?

– Стэрди... Вы... - ладони молодого гремлина почти непроизвольно легли на талию женщины. - Ты... Я... Стэрди...

– И блокируй системы слежения - я не хочу устраивать по всему Головному Центру просмотр порнофильма с моим участием. Только не говори мне, что отключение этих систем не положено хайерлингу третьего ранга по статусу - считай, что я тебе разрешила.

* * *

– Итак? - голос генерала был тих, почти вкрадчив, и это означало, что лорд-протектор доведён до последнего градуса бешенства и сдерживается только усилием своей железной воли. - Допрыгались? И что теперь? Будете ждать, пока новые хозяева вежливо - или не очень - попросят вас с насиженных мест? Властители мира... Завтра же правительство объявит мораторий на передачу стратегических секторов экономики иностранцам. Более того, уже купленные нашими врагами компании будут национализированы. Так, и только так - это война!

– Но, лорд-протектор, это же... - один из мессиров осмелился подать голос. - Это же нарушение принципов бизнеса - принципов, на которых стоит мир! Неприкосновенность частной собственности и свобода предпринимательства - это основа основ! В России более ста лет назад посягнули на эту святыню, и вы знаете, чем это кончилось...

– Засуньте эту вашу свободу себе в задницу! - Блада прорвало. - Нашли "священную корову"! Мусульмане не едят свинину, но эту "говядину" они слопают, не моргнув и глазом! Вы что, не видите дальше собственного носа? Вы, мессеры! Или вас ослепил блеск золота? Я всё сказал, и будет так, как я сказал! Приходит время мечей - запомните это!

Он резко поднялся, почти вскочил, и быстро покинул экстренное заседание Совета Правителей, сопровождаемый Стэрди и четырьмя бесстрастными гвардейцами-гремлинами.

В зале Совета повисла гробовая тишина...

На следующий день на другом конце планеты повелитель ифритов Джелаль ас-Масуд выслушал сообщение, транслировавшееся вне сетки вещания по всем каналам, усмехнулся и выключил стереовизор. Затем он молитвенно сложил руки и прошептал:

– Да благословит Всевышний наше начинание...

...Мир залихорадило - такого ещё не было никогда. Непонятно откуда кто-то швырял и швырял на рынок золото - тысячи, десятки тысяч тонн золота. На биржах царил паника, котировки акций и курсы валют металлись вспугнутыми крысами. Как выяснилось, за время "золотого прилива" в золото были превращены огромные суммы денег, и теперь эти деньги превращались в пыль - цена на золото стремительно падала. Обесценивались золотые запасы ведущих стран мира, и владельцы золотых слитков лихорадочно искали, во что бы им превратить "дьявольский металл" - цены на недвижимость и на землю летели вверх. Паника захватила и широкие слои населения - те, кто припрятывал золотое колечко "на чёрный день", спешили теперь продать его хоть за пару истёртых мелких купюр. Но крупные дельцы

держались - чёрт с ним, с золотом, есть ведь и другие привычные ценности! И тогда ас-Масуд нанёс следующий удар...

— В чём тут дело? - размышлял Джейк Блад вслух. - Не пойму... Цель-то понятна, но вот откуда взялись средства?

— Ты же умный парень, Джейк. Неужели ты до сих пор не понял, тем более, - Стэрди бросила двусмысленный взгляд на Серпенту, - имея такой богатый опыт общения с людьми-индиго? Я права, Энней?

Все четверо сидели в командном бункере головного центра перед стереоэкраном. С тех пор, как Змея приняла предложение генерала и обратилась к ньюменам, в Центр прибыло свыше двухсот взрослых индиго и около тысячи детей. Лорд-протектор своё слово сдержал - воины Серпенты образовали отдельное подразделение, пользовавшееся теми же правами и привилегиями, что и гремлины. А Энней и Серпента стали кем-то вроде приближённых "королевской четы", как называли здесь Блада и Стэрди. Генерал подозревал (а "роскошная смерть" знала наверняка) и о другом статусе этих приближённых, но внешне всё выглядело предельно благопристойно - двое "новых" и двое "старых" людей стояли друг друга.

— Вы совершенно правы, леди Стэрди, - отозвался гремлин.

Он прикрыл глаза и сжал кулак. Энней сидел так с минуту - можно было подумать, что чёрный индиго задремал, если бы не капелька пота, скатившаяся по его виску. Потом он глубоко вздохнул, открыл глаза и бросил на стол коротко звякнувшую новенькую монету в двадцать пять центов.

— Это выглядит примерно так, - пояснил командир гремлинов, - только масштабы другие. Наши сородичи с Востока явно преуспели в этом деле.

Блад взял монету, повертел её и вопросительно посмотрел на Серпенту.

— Да, мой лорд, - почтительно ответила предводительница ньюменов на этот немой вопрос, - Энней прав. А я могу за двадцать минут сотворить пачку стодолларовых купюр - показать?

— Не надо. Верю, - отрывисто бросил Блад. - Надо выяснить, откуда ползёт эта зараза, и выжечь её калёным железом, - генерал умел быстро принимать решения. - Думаю, у нас хватит для этого сил и средств.

— Разумно, но, - Стэрди горько усмехнулась, - бесполезно. Прецедент создан. Люди-индиго - они ведь есть везде. Какой соблазн для правительств всех стран усадить всех этих уникалов за работу по творению золота, других ценных металлов, алмазов, бумажных денег - словом, *всего*, что может служить той самой *условной единицей*, на которой стоит весь наш *условный* мир... Это катастрофа, Джейк, по сравнению с которой Апокалипсис - всего лишь детская шалость.

Оба индиго молча кивнули, соглашаясь с Правительницей: Энней - равнодушно, Змея - с нескрываемым злорадством. А на экране появился седобородый человек в чалме.

— Слушайте меня, и внимайте, - заговорил он. - Настал Судный день, и вы заплатите за грехи ваши и ваших отцов, дети уродливого мира! Вы молились на вами же созданного Золотого Идола, а теперь этот идол повержен, он рассыпался на куски, и шакалы догрызают его смрадную плоть. То, во что вы верили тысячи лет, оказалось пылью, по которой нельзя и шагу ступить без боязни испачкаться. Ваше богатство - прах, ваше золото - оно грязь под вашими ногами, ваши разноцветные бумажки с портретами давно истлевших мертвецов - мусор. Попробуйте жить в этом вашем *пустом* мире, в котором больше нет места вашему богу, - очень скоро вы будете ждать смерти, как величайшего благодеяния!

— Вот только пророчеств нам сейчас и не хватает, - прошипел Джейк и активировал связь. - Электронщики! Спите, fuck you... Убрать из эфира и из Сети эту гадость! Любым способом! Джефферсон, если передача идёт через спутник, сбейте его к чёртовой матери! Да оторвите же наконец ваши ленивые задницы от насиженных мест - неужели вы не видите, что происходит?

...На страну обрушилась вторая волна безумия, и кровавое безумие "охоты на ведьм" казалось теперь, когда пришёл настоящий тайфун, только лёгким ветерком - не более.

Сложнейшая и отлаженная огромная машина ещё катилась какое-то время по инерции, а потом начала останавливаться, скрежеща всеми своими необратимо теряющими *смазку* сочленениями и с треском ломая шестерёнки. Рвались связи, соединявшие всю планету в единое целое - бессмысленными становились все системы платежей, сметы финансирования, инвестиционные проекты: за словом "деньги" больше не стояло ровным счётом *ничего*. Экономика впадала в коллапс - как человек, из жил которого выпустили кровь.

А люди - люди оглядывались и с изумлением обнаруживали, что все их мечты, так или иначе связанные с деньгами - накопить, заработать, украсть, а потом купить дом, шикарную машину, завести собственное дело, жить в своё удовольствие, - развеивались дымкой, таяли, как мираж в пустыне. Никто не хотел ничего продавать - разве можно обменивать канистру бензина или хотя бы банку "кока-колы" на клочок бумаги, когда неизвестно, действительно ли это клочок вышел из-под государственного печатного станка или десять минут назад материализовался из ничего на ладони человека-индиго?

Те, кто многие годы работали, ненавидя свою работу, работали только потому, что им за эту работу платили, поняли, что дальше работать ни к чему - традиционный вопрос: "И что я с этого буду иметь?" стал риторическим. А те, кто считали себя благополучными и вполне устроенными в этой жизни - легионы банковских служащих и полчища дилеров, брокеров и биржевых спекулянтов всех мастей и калибров, армии юристов, чувствовавших себя в мутных омутах финансовых махинаций как рыба в воде, - вдруг увидели, что они *никому уже не нужны*. Они стали лишними - куда более ценной с точки зрения насущных потребностей сделалась самая обычная проститутка (хотя даже проститутки отказывались теперь трудиться за деньги, предпочитая мясные консервы).

И люди поняли - оказывается, их *ничто*, кроме денег, не связывает. Понятия любви и дружбы, чести и совести, привязанности, чувства долга десятилетиями вытравливались из сознания людей: слишком уж трудно было оценить эти понятия в условных единицах. Люди привыкли смотреть друг на друга только с точки зрения полезности и вредности - поможет ли он (она) добыть как можно больше денег или будет врагом-конкурентом в беспощадной борьбе за место под солнцем и за жирный кусок, с урчанием вырываемый из чужой глотки?

Величественное здание "предельно совершенного общества тотального потребления" было выстроено из мокрого песка. Вода высохла, и здание обвалилось: рухнули роскошные фронтоны, изящные башенки с флюгерами, колонны с затейливыми резными капителями. И всё это превратилось в груды серой пыли, размываемой набравшим силу ветром...

...Ветер нёсся по пустынной улице, тоненько завывая и стучаясь в окна домов. Ветер нёс зелёные бумажки, похожие на до срока облетевшие листья, и никто из редких прохожих не удосуживался нагнуться, чтобы собрать эти листья...

...Старик в плаще сидел на скамейке парка, ссутулившись и втянув голову в плечи; в глазах его застыло безумие. Резкий порыв ветра бросил ему в лицо грязную бумажку - она прилипла к щеке человека, сидевшего неподвижно. Старик деревянным движением отлепил от лица мокрый клочок бумаги и равнодушно бросил его в лужу. И на взъерошенной ветром мутной воде закачалось изображение глаза в треугольнике, пристально взирающего на мир с вершины усечённой пирамиды...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ВЕДУНЫ

В глубине промелькнула быстрая тень. Вода расступилась, и на поверхности появилась голова дельфина; из *ды* хала с шумом вырвалась струйка пара. Дельфин, кося тёмным глазом, открыл пасть, словно хотел что-то сказать двум стоявшим на берегу подросткам.

— Это Хрргхх, - объяснил Андрей, - старейшина. Сейчас придёт ещё Скрртт - он тоже отозвался.

— Здорово у тебя получается, - сказал Хайк с лёгкой завистью, - мне бы так!

— Не прибедайся. Мать Эухенья знала, кого дать мне в напарники, - она выбрала тебя, а не кого-то другого. Значит, ты лучший из тех, кто умеет говорить с Детьми Моря.

Это было не совсем так, и Хайк это знал. Многие девчонки понимали мысленную речь дельфинов куда лучше Хайка, а Эстрелла вообще общается с Детями Моря так же легко, как болтает с подружками. Да и Наташа - если дело касается контакта с дельфинами, Волчонку до неё далеко. Но сейчас время опасное, и Мать-Ведунья не хочет подвергать риску девочек. "Это цветы рода людей синей ауры, - говорила она, - цветы, которые со временем обернутся плодами. Нельзя подставлять цветы дыханию злого ветра". Да, Наташа...

После того, как в Катакомбах появилась Мэй, Наташа избегала встреч с Хайком так же умело, как до этого появлялась рядом с ним в самый нужный момент. Волчонку было неловко, но стоило ему заглянуть в голубые глаза Мэй, как это чувство неловкости и какой-то вины перед дочерью Диего бесследно улетучивалось.

А сама Мэй - несмотря на то, что Наташу в пещерах Миктекасиуатль любили, - очень быстро стала для горного братства своей. В конце концов, сердечные привязанности - это личное дело тех, кого они касаются; для всех остальных важно, какой ты человек. Кровавая короста, наросшая на душу девочки за время общения с Серпентой, отвалилась, как корочка с заживающей раны, и оказалось, что под ней *чисто* - дети-индиго умели это *видеть*.

И как ни странно, Хайк подружился с Андреем - у них нашлось много общего. И брат Наташи ни словом, ни мыслью не намекнул Волчонку о своей обиде за сестру - сердцу не прикажешь. Неудивительно, что Мудрая отправила с Андреем на побережье именно Хайка - она подмечала все мелочи. Заметила Миктекасиуатль и постоянное соперничество Наташи и Мэй в магии - соперничество, подогреваемое обидой одной и ревностью другой. На этом соперничестве расцветали таланты обеих: из обороняемой от чужих посягательств любви Мэй и неразделённой любви Наташи рождались две сильнейшие магии горного клана. И ведьма мысленно усмехалась: раны юности заживут быстро, зато ей, Эухенье, будет на кого оставить горное гнездо, когда придёт её час...

Дельфин без плеска нырнул, и Андрей присел на нагретый солнцем плоский камень.

- Он вернётся, - сказал он, - Дети Моря хотят сообщить что-то важное - они что-то чувствуют. Когда мы были здесь с Эстреллой...

- Ты её любишь? - неожиданно спросил Хайк, садясь рядом.

- А ты свою Мэй?

- Ну-у-у... Я же про тебя спрашиваю. Вы с Эстреллой неразлучны - разве не так?

- Вообще-то да... Но ты знаешь, - доверительно сказал Андрей, - я в последнее время побаиваюсь оставаться с ней наедине. Того и гляди дело дойдёт до этого самого - я уже голову теряю...

- Ну и что из этого? - искренне удивился Хайк. - Тебе пятнадцать, ей четырнадцать - чего тут такого? Вы же любите друг друга!

- Да? А оправдываться перед матерью Эухеньей ты будешь? Ты же знаешь, что она говорит: цветы нельзя трогать до срока - помни об этом, если ты мужчина! Продолжение рода - это не игра. Слушай, - в глазах Андрея заиграли лукавые искорки, - а женился бы ты и на Мэй, и на моей сестре: на обеих сразу! Представляешь, сколько бы у вас было детей? А внуков? Ваши потомки заселили бы всю планету!

- Да иди ты! - Волчонок было взъерошился, но тут же рассмеялся. - Почему бы тебе самому не жениться на Эстрелле и ещё на ком-нибудь, а? На тебя многие девчонки Катакомб поглядывают...

- Мне нельзя, - преувеличенно серьёзно ответил брат Наташи, - Эстрелла мне тут же кое-что открутит. Ревнивая-я-я...

- А Мэй, по-твоему, покладистая, да? И твоя сестра - она что, потерпит, если...

- Тихо! - перебил его Андрей, настораживаясь и превращаясь из весёлого мальчишки во взрослого серьёзного воина. - Они возвращаются!

Два дельфина долго кружили у берега, выпрыгивая из воды и с шумом падая обратно. Они издавали щёлкающие и чирикающие звуки, но их истинная речь была беззвучной - Дети Моря владели телепатией. И содержание их мыслеречи встревожило обоих индиго.

- Чёрные подводные корабли... - Андрей вытер пот и чуть пошатнулся - общение с

дельфинами требовало напряжения сил, и немалого. - Начинённые злом... Надо передать Матери-Ведунье и Наставнику - это действительно важно.

Выслушав контактёров, Эухеня не проронила ни слова. Она только переглянулась с Аланом, и Старик еле заметно кивнул.

- Спасибо, - сказал он Андрею и Хайку, - вы принесли важные вести. Очень важные.

- Северное зло наступает, - сказала ведьма, когда подростки ушли.

- Ещё нет, - покачал головой Алан, - но вот-вот начнёт. Золотая паника - этот толчок сдвинул камень, который покатится вниз, сметая всё на своём пути. Надо быть готовыми ко всему - мы с тобой видим дальше, чем они, - добавил Наставник, имея в виду молодёжь. - Они индиго, но всё-таки ещё дети. И мы с тобой за них в ответе.

- Это так, - согласилась Эухеня, но Алан видел, что она думает о чём-то другом. - Дети Моря - смогут ли они помочь? Или останутся в стороне, надеясь отсидеться в тёмных глубинах?

* * *

- Господин президент, спасибо за то, что вы сочли возможным принять меня и нашли для этого время.

"Почему я вообще на это пошёл? - думал президент, рассматривая своего собеседника. - В стране и в мире полный хаос, нужно думать о судьбах десятков миллионов людей, а я теряю время на разговор неизвестно с кем... Почему я согласился на эту встречу? Его фраза "Мне есть, что вам сказать" не несёт в себе никакой конкретики. И почему я согласился?".

Обликом этот человек напоминал викинга или былинного витязя: широкоплечий, со светлыми слегка выющимися волосами, с резкими чертами лица и умными серыми глазами. Сейчас эти глаза были вежливыми и внимательными, но чувствовалось, что они могут быть и суровыми, и даже жестокими. Соблюдая протокол, господин Алексеев В.А. - так значилось в его дотошно проверенных службой безопасности документах - был одет в строгий костюм, однако ему куда больше пошёл бы бахтерец и островерхий шлем: вылитый богатырь русский, которому ничего не стоит осушить ведро хмельного мёда и голыми руками udавить любого недруга.

На вид Алексееву было лет тридцать пять, что совпадало с его паспортными данными, хотя президенту почему-то казалось, что он моложе - гораздо моложе. Старший научный сотрудник Новосибирского Академгородка, руководитель отдела физики высоких энергий - не велика шишка. Не политик, не военный, не бизнесмен - хотя бизнесменам сейчас не до встреч (даже с президентом Российской Федерации): все они сейчас похожи на бестолково шлёпающих жабрами рыб, выброшенных на берег чудовищным по силе цунами мирового экономического кризиса. "И какого чёрта, - с нарастающим острым раздражением подумал президент, - он здесь делает? И как он вообще сюда попал?". Последний вопрос был явно риторическим - президент сам пригласил этого человека после трёхминутного разговора с ним по Сети. Но вот почему он это сделал, и главное: *как* сумел этот Алексеев В.А. выйти на самого президента - это ведь не в службу "Секс по видеofону" позвонить! Было в этом что-то неправильное, и это и раздражало, и тревожило.

- Я вас слушаю, Вячеслав Александрович, - у вас есть двадцать минут.

- Всеслав.

- Что?

- Меня зовут Всеслав, Сергей Владимирович, и мне есть, что вам сказать.

- Слушаю.

- Надо спасти Россию, - сказал Всеслав так, словно речь шла о пуговице, которую непременно надо пришить, - да и всё человечество. Мы знаем, как это сделать, и мы решили, что самое простое - это поговорить с вами, господин президент.

- Кто это вы?

- Ведуны.

– Кто?! "Вот только сумасшедших мне и не хватало..."

– Я не сумасшедший, Сергей Владимирович, - всё тем же спокойным тоном произнёс Всеслав. - И я отнюдь не намерен тратить время - и ваше, и моё - на пустяки. Вы слышали о детях-индиго?

– Да. "Нет, это я сумасшедший - в такое время слушать разную чушь..."

– И вы не сумасшедший, господин президент. Более того, вы умный и самое главное - порядочный человек, что очень редко встречается в высших эшелонах власти. Поэтому мы и решили вступить с вами в переговоры.

– Вы - это ведуны?

– Да. Дети-индиго, как и все дети, вырастают. И превращаются во взрослых людей-индиго. Один из этих людей - перед вами, Сергей Владимирович.

"Дети-индиго, дети-индиго, - вспомнил президент. - Ну да, конечно, - фигурировал это термин в секретных докладах ФСБ и ГРУ в связи с разработками ментального оружия. Дети с паранормальными способностями - ещё в начале века, при Путине, создавалась база данных на всех одарённых детей России. Что-то такое было, но, насколько мне помнится, ничем особенным разработчики похвастаться так и не смогли..."

– И неудивительно, - пояснил Всеслав, - люди-индиго - это не Вольф Мессинг и не псевдомаги, предсказывающие будущее с точностью до сорока секунд. Мы самодостаточны, и все попытки сделать из индиго чей-то послушный инструмент заранее обречены на провал.

И только тут президент Российской Федерации понял, что этот Всеслав говорит с ним, отвечая на его ещё не высказанную вслух мысль, - уже третий раз подряд. "Неужели он...? - президента прошиб озноб. - Охрану..."

– Не надо звать охрану, господин президент, - невозмутимо посоветовал "господин Алексеев" - в том, что это не настоящая фамилия этого странного человека, президент уже не сомневался. - Да, я умею читать мысли. Я мог бы скрыть от вас этот интересный факт, но мне хотелось, чтобы вы восприняли меня всерьёз. Ведуны обеспокоены судьбой России и будущим всего человечества - хоть это и звучит несколько странно: считается, что время мечтателей давным-давно прошло. Мы разрабатывали различные варианты, выбирая из них оптимальный, но тут как нельзя кстати ифриты перешли к решительным действиям.

– Ифриты? А лешие или там домовые в вашем пантеоне тоже присутствуют?

– Ваш юмор, - Всеслав широко улыбнулся, - свидетельствует о том, что вы адекватно воспринимаете ситуацию, Сергей Владимирович. Нет, леших нет. Тролли - эти существуют: небольшая группа скандинавских людей-индиго; их влияние крайне незначительно. Однако классификация индиго на этой планете по видам и подвидам сейчас далеко не самое важное - ситуация в стране и в мире быстро выходит из-под контроля.

Об этом президент Российской Федерации знал и сам, причём лучше, чем кто-либо другой. В стране было объявлено чрезвычайное положение; некоторые районы были признаны зонами стихийного бедствия. Армия взяла под охрану все запасы горючего, продуктов питания и предметов первой необходимости - фабрики и заводы останавливались один за другим. Дума приняла решение о введении на территории всей страны карточной системы, но при этом огромное количество разного рода "вольных стрелков" и "ударников теневого бизнеса", годами уклонявшихся от уплаты налогов, выпадало за сферу гарантированного обеспечения. Накопленные ими огромные денежные суммы стали теперь бесполезными, и привыкшие сладко есть и мягко спать брались за оружие, намереваясь отобрать своё силой, - зона стихийного бедствия мало-помалу охватывала всю страну. Положение усугублялось тем, что девяносто процентов управленцев-чиновников растерялись - некогда доходные места не приносили теперь никакой выгоды, а делать что-то за просто так (тем более не для себя, а для других!) эти люди не умели и не хотели.

Президентская власть зашаталась - весьма реальной была угроза того, что какой-нибудь решительный генерал-авантюрист ворвётся на танках в столицу (под видом защиты граждан от мародёров) и провозгласит себя новым "царём-батюшкой Всея Руси". И бежать-то от этого всеобщего хаоса было некуда - в России хоть привыкли к разного рода бунтам и

прочим неурядицам, а жители "цивилизованных" стран Запада чувствовали себя примерно так же, как человек, которому без наркоза удаляют аппендикс ржавыми ножницами для резки колючей проволоки.

Пока спасало то, что личность нынешнего президента России была популярной среди военных - он очень многое сделал для возрождения вооружённых сил и былой мощи державы. Но президент хорошо знал, что власть подобна наркотику, и почти любой человек, располагающий реальными возможностями для её захвата, не преминёт взять эту власть.

— И что же вы предлагаете? - спросил он. - Как мы будем спасать Россию?

— Прежняя экономическая система умерла, господин президент. К этому всё и шло - ифриты просто добили умирающего, чтобы не мучился. Синтез золота и вообще любых "условных ценностей" - против этого яда у древней системы товарно-денежных отношений нет иммунитета.

— Значит, жёсткая система распределения? У России имеется некоторый опыт в этой области - периоды разрухи, революций, войн. Военный коммунизм, наконец. Если вы об этом, уважаемый господин ведун, то ничего нового вы мне не сообщили. А жаль.

— Подождите, Сергей Владимирович, - Всеслав мгновенно заметил, как похолодели глаза президента, и понял, что тот теряет интерес к теме беседы. - Самое интересное, что система распределения при отсутствии частной собственности на средства производства - назовите это утопическим социализмом или первобытным коммунизмом - куда эффективнее обеспечивает интересы всех без исключения членов общества. Деньги развращают - ведь чтобы их раздобыть, совсем не обязательно быть порядочным человеком. Скорее наоборот - у бессовестного циника больше шансов. Принцип прост - думай только о себе. А человек - существо социальное, и думать о других он просто обязан.

— Если вы решили прочесть мне лекцию по обществоведению, - произнёс президент ледяным тоном, - то вы выбрали для этого не самое удачное время, Всеслав Александрович. "Ещё пять минут - и я его выгоню..."

— Мне хватит трёх минут, господин президент, - тут же отозвался Всеслав. - Так вот, система распределения может быть гораздо более эффективной и справедливой, но, - ведун испытующе посмотрел на президента, - при одном-единственном условии: те люди, которые обеспечивают распределение, должны быть *настоящими* людьми - они должны думать не только о себе, но и о других. Тогда, и только тогда...

— Таких людей нет, - перебил его президент, - и быть не может по определению.

— Ошибаетесь, Сергей Владимирович, такие люди есть, и один из этих людей - перед вами.

"Господи, как примитивно, - с горечью подумал президент Российской Федерации, - а я-то почти поверил ему... А этот "ведун" - всего-навсего очередной прохиндей, алчущий власти и желающий половить рыбку в мутной водичке... Владеет гипнозом, вероятно, но толку-то с того?"

— И снова вы ошибаетесь, - голос Всеслава посуровел, - я не прохиндей. Я - ведун, и мы действительно хотим и можем спасти Россию и мир. Социалистическое общество создаст человека нового типа - помните такой постулат? Хотя вряд ли, вы ведь выросли уже в новой России... Теоретики ошибались: не общество создаст человека нового типа, а наоборот - новые люди создадут новое общество: то самое, существование которого к концу двадцатого века считалось невозможным. Попробуйте обучить питекантропа или даже неандертальца хотя бы основам современных знаний - что из этого выйдет? Их мыслительные способности для этого не предназначены. Точно так же этика наших с вами современников-кроманьонцев не приспособлена для жизни в социуме нового типа - они не смогут построить это общество и жить в нём. Зато это можем сделать мы - люди-индиго.

— Вы фанатик, Всеслав Александрович?

— Можно просто Всеслав. Мне всего двадцать четыре года - я вам в сыновья гожусь. Я несколько подкорректировал свою внешность перед визитом к вам - вряд ли вы испытали бы доверие к слишком молодому человеку.

– Я и сейчас не испытываю к вам особого доверия.

– Это пройдёт, господин президент, - и Всеслав снова улыбнулся, - когда вы лучше меня узнаете. Нет, я не фанатик, я - ведун. Человек-индиго. Нас мало, но мы многое можем - как вы думаете, почему волна индиго-истерии не захлестнула Россию? Её остановили мы, ведуны. Наконец, как мне удалось добиться свидания с вами - вы ведь не раз задавали себе этот вопрос? А вкратце наш план таков.

* * *

– Готов выслушать ваши соображения.

Лорд-протектор обвёл присутствующих тяжёлым взглядом. "А ведь недооценивал я мессиров, - подумал он, вглядываясь в бесстрастные лица, - всё летит к чертям, а они - как ни в чём не бывало! Да, это действительно Правители - властители мира...".

– Консилиум может только констатировать кончину больного, - если в скрежещущем голосе, первым нарушившим угрюмую тишину, и была ирония, то практически незаметная. - Потуги реаниматоров оказались тщетными. Я высказал наше общее мнение.

Да, это действительно было так. Все попытки хоть как-то видоизменить привычную систему, получившую столь жестокий удар, ни к чему не привели. Любые заменители денег, способные так же успешно выполнять функции условной единицы, оказались ненадёжными - люди-индиго могли синтезировать всё, что угодно, причём в неограниченном количестве. Не привела к успеху и идея введения виртуальных денег, прежде всего по психологическим причинам - человек привык к возможности подержать в руках осязаемый эквивалент всех ценностей и спрятать его в чулок или под подушку, если придёт такая блажь. А когда твоё достояние выражено непонятно в чём - как это так? К тому же виртуальные банки тут же стали объектом изощрённых атак хакеров, опустошавших эти хранилища подчистую. Ко всему прочему, неожиданно заявили о себе посланцы Серпенты, запущенные ньюменами в Сеть. Как оказалось, далеко не все эти "змейки" (их назвали так во избежание путаницы) были истреблены охотниками-гремлинами - часть энергосгустков уцелела. Они затаились, выжидали, а теперь вдруг активно начали перебрасываться по проводным и беспроводным коммуникациям, размножаться и жить своей причудливой псевдожизнью, выводя из строя тысячи компьютеров и вызывая паралич целых участков глобальной Сети.

– Значит, похороны, - процедил Блад, дёрнув уголком рта. - Тогда я предпочёл бы кремацию... на ядерном огне.

– Этот эффектный погребальный костёр от нас не уйдёт, - невозмутимо произнёс другой голос. - Покойника нельзя воскресить, но его можно зомбировать.

Генерал знал, что именно имелось в виду: переход к жёсткому тоталитарному режиму и централизованному распределению - в сложившейся ситуации этот выход представлялся единственным. Собственно говоря, действия по этой схеме уже начались - их подсказывал обычный инстинкт самосохранения. В стране ширились беспорядки и грабежи, и реакция властей была жёсткой и незамедлительной. Лорд-протектор набил руку на подавлении смуты ещё во время борьбы с "генетической эпидемией" - разница была только лишь в масштабах. Отряды штампов, возглавляемые хайерлингами, гремлинами Эннея и ньюменами Серпенты, оказались превосходным инструментом подавления. Не знавшие сомнений, колебаний и прочих человеческих эмоций солдаты-клоны попросту сравнивали целые районы страны с землёй, обильно пропитанной человеческой кровью. Неистовая Змея могла быть довольна - ненавистные ей обезьяноподобные ежедневно и ежечасно гибли тысячами, десятками тысяч.

Времена свободного выбора места работы прошли - если человек хотел выжить, он должен был идти туда, куда прикажут, и делать то, что потребуют. За спинами новых рабов маячили чёрные фигуры безликих штампов, не выпускавших из рук оружия, и во весь рост вставал призрак голода - *купить* теперь ничего было нельзя, можно было только *получить*. И обыватель, считавший, что живёт в истинно свободной стране, с изумлением (кое-кто ещё не до конца утратил способность изумляться) обнаруживал, что государство давным-давно

знает о нём всё: где он живёт, чем занимается, сколько зарабатывает (точнее, зарабатывал - это уже принадлежало прошлому), с кем спит, и с кем пять минут назад общался по Сети или по мобильному видеофону. Демократические декорации падали - Дракон явил лик свой.

"Да, это вариант, - думал лорд-протектор, - тем более что наши традиционные враги действуют точно так же - зачем изобретать велосипед? Русские - ну, они издавна привыкли жить в коммунальных бараках, это ясно. Однако надо держать ухо востро - старушка Европа впала в истерику, и Россия очень даже может подмять эту старушку под себя. Поднебесная Империя хранит в своём чреве коммунистическое семя ещё со времён великого кормчего - новые хунвейбины не заставят себя долго ждать. А вот наши заклятые друзья из Нового Халифата - что они нам преподнесут? Внутри нашей страны мы порядок наведём, только мокренько станет, - не прозевать бы какой-нибудь хитрый ход внешних противников...".

- А не считаете ли вы, - вкрадчиво спросил генерал, ещё раз оглядев всех мессиров, - что предоставляется случай реализовать программу сокращения населения всей планеты?

- Инициация широкомасштабной атомной войны? - сидевший ближе всех к Бладу мессир поерзал шеей. - А не преждевременен ли такой шаг? Готовы ли мы к нему?

- Готовы, - холодно ответил генерал, хотя ему очень хотелось заявить: "А вот это уже предоставьте решать мне!". Блад трезво оценивал свои силы и знал: зарываться не следует.

- Нам бы всё же хотелось, - мессир не опустил глаза под свинцовым взглядом лорда-протектора, - получить более подробную информацию по этому аспекту.

"Да всё вам известно: и состояние вооружённых сил страны, и количество солдат-клонов, и боевые возможности моих индиго! - подумал Блад. - Вы просто хотите напомнить мне моё место. Ладно, не будем затевать внутренних дрызг - сейчас не время".

- Подробная информация будет, - пообещал он. - Я предоставлю Совету Правителей подробный план операции "Гнев Божий".

- Судя по названию, - произнёс кто-то, - речь идёт о ядерном ударе? Масштабы? И кто будет целью этого удара?

- Вся планета, - очень спокойно сказал генерал. - Сложную проблему лучше решать одним махом: гангренозную ногу ампутируют сразу, а не режут её по частям.

- А вы уверены, что наш зомби перенесёт эту операцию, а не умрёт окончательной смертью? - с сомнением в голосе спросил мессир, сидевший рядом с лордом.

- Мозг - то есть мы, - уверенно ответил Блад, - выживет. А что касается "зомби", то есть общества... Развалится это - будет другое. Не понимаю вас, мессеры, - мы столько лет ждали этого часа, а теперь, когда планета в хаосе, и вряд ли оборонные системы какой-либо страны смогут эффективно противостоять массированной ракетной атаке, вы ведёте себя как девочка, уже забравшаяся к парню в койку, и вдруг заколебавшаяся, раздвигать ей ноги или нет!

- Мы ценим ваш юмор, Джейк, - слово "казарменный" произнесено не было, но оно явно подразумевалось, - однако вопрос слишком серьёзный. Да, мы по-прежнему считаем, что для достижения Великой Цели может потребоваться хирургическая операция, но ставка слишком высока.

- Хьюго, - Блад изо всех сил старался погасить нараставшее раздражение, и это ему удалось, - я же сказал - подробный доклад будет представлен Совету.

- Не горячитесь, Джейк. И помните: чёрные индиго не столько ваши гвардейцы, сколько наши воспитанники, и они сами это прекрасно знают. Цель - всё, судьба одного человека - ничто.

Это был уже открытый вызов, и генералу стоило огромных усилий сдержать себя и на этот раз.

- Мне это хорошо известно, господа Правители, - проговорил он сквозь зубы. - На этом всё - пока всё.

Он встал и посмотрел на ближайшего к нему мессира. "Оскаливаешь зубки, Хьюго? Тебе кажется, что ты уже можешь быть самым первым? Ну-ну..."

И снова Хьюго не опустил глаза - взгляды двух людей скрестились, как клинки.

* * *

Бронированный президентский автомобиль несся по шоссе. Можно было бы двигаться и побыстрее, но тогда отстанут бронетранспортёры охраны, а оставаться без эскорта в такое время...

"Новые люди, - президент украдкой взглянул на сидящего рядом с ним Всеслава, - а люди ли они вообще? Какой человек на такое способен?"

...То, что увидел президент Российской Федерации и сопровождающие его военные на секретном полигоне, впечатляло - более чем. Для силовиков хватило одного лишь зрелища огненного фейерверка, вспыхнувшего вокруг Всеслава, когда в него разрядили несколько рожков патронов. Картина была сюрреалистической: человеческая фигура, окутанная лёгкой прозрачной дымкой, расцвеченной множеством ярких точек - следами врезавшихся в защиту человека-индиго пуль. Дёргающиеся стволы автоматов и недоумение на лицах офицеров спецслужб, очень хорошо знавших, что обычно происходит с человеком, попавшим под такой свинцовый ливень. И не надо было уметь читать мысли, чтобы понять, о чём думают сейчас генералы - достаточно было увидеть их глаза. Во все века все полководцы мечтали о неуязвимых и непобедимых солдатах...

А ведун только усмехнулся и сказал: "Использовать нас таким образом - это всё равно что заколачивать микроскопом гвозди, как сказал один фантаст двадцатого века. Это мелочи, главное - изменения в сфере сознания". Президент фантастику не любил и не читал её даже в юности - слишком много пустопорожней белиберды скрывалось за яркими обложками бесчисленных томиков, - однако подумал: "Побольше бы мне таких микроскопов, а уж что ими заколачивать - это мы сами решим". Всеслав промолчал, но по его дрогнувшим векам президент понял - ведун перехватил его мысль и не оставил её без внимания.

- Всё это шоу, - сказал человек-индиго, когда они остались наедине в президентской машине, возвращавшейся в столицу, - оно на публику, Сергей Владимирович. Да, мы можем обеспечить вам охрану, которой не было ни у кого за всю историю человечества. Мы ведь способны фиксировать намерения окружающих вас лиц - это куда важнее, чем просто прикрыть вас энергетическим щитом. Но, повторяю, не это главное - ведуны готовы стать вашей опорой в переустройстве страны и общества.

- Сколько вас в России? Или это секрет - даже от меня?

- Не секрет. Нас - я имею в виду взрослых ведунов - около трёх тысяч. И ещё дети - их на порядок больше.

- Три тысячи на стопятидесятимиллионную страну - капля в море.

- Хватит, господин президент. Мы станем ферментом, катализатором - дрожжами, на которых поднимется тесто, простите за столь непоэтическую метафору.

План ведунов был прост и одновременно грандиозен. Люди-индиго должны были занять все ключевые посты в государственном аппарате и обеспечить его нормальное функционирование - способность обеспечивать самих себя без посторонней помощи всем необходимым делала их абсолютно равнодушными к соблазнам, предлагаемым властью, да и ценностные ориентиры у ведунов были совсем иными.

- Так будет положено начало, - объяснял Всеслав. - А потом будут сменяться поколения, число новых людей будет возрастать, и постепенно они изменят лицо всего этого мира.

- Где все станут равны? Старинная мечта утопистов?

- Открою вам страшную тайну, - в глазах Всеслава промелькнула лукавая искорка, - ведуны - они не все равны. Кто-то более талантлив, кто-то менее - это же естественно. Но каждый из них - каждый! - займёт в обществе место сообразно своим талантам. Обмануть - оно ведь не получится.

"Это да, это ты верно подметил" - подумал президент. С последним постулатом ведуна трудно было не согласиться - особенно после того, как Всеслав предоставил президенту

краткую сканогамму мыслей ближайших сподвижников главы государства. В этих мыслях нашлось много чего интересного - первым желанием президента было вспомнить практику столетней давности и расконсервировать на Колыме парочку старых лагерей.

— Зачем же так круто, Сергей Владимирович? Они ведь люди, со всеми недостатками, присущими роду человеческому. Подавляющее большинство людей пришло во власть не из высоких соображений, а совсем по иным причинам. Ваши соратники в этом отношении не хуже и не лучше других, зато у них есть и полезные качества, которые нам пригодятся. А обезопасить вас мы сумеем.

— А вы, значит, не люди?

— Люди, - очень серьёзно ответил ведун. - Мы не гарантированы от нежелательного, но брать взятки или принуждать женщину к интимной близости, пользуясь своим статусом, мы не будем - для нас это противоестественно. И мы не намерены манипулировать общим сознанием людей, ибо свобода воли - это неотъемлемое право всех Носителей Разума во Вселенной.

"Эк замахнулся! Тут с одной страной бы разобраться..."

— Правило общее, имеющее силу вселенского закона. Планета, страна или даже племя - это только частный случай.

— Всех людей, говорите... - задумчиво произнёс президент. - А простые, обычные люди, не наделённые паранормальными способностями? Их ведь подавляющее большинство - как они будут жить при этой вашей... магократии? Или вы, ведуны, возьмёте на себя роль господа бога и накормите всех голодных сотворёнными вами семью хлебами - или сколько их там было по Библии?

— Нет, господин президент. Мы этого сделать не сможем - мощь наших, говоря техническим языком, ментальных генераторов имеет предел. Но даже если бы могли, мы не стали бы этого делать - люди должны оставаться людьми. Для человека важно чувствовать себя человеком - он должен что-то делать, *творить*, пусть даже человек не всегда об этом знает. Разум - инструмент творения, и превращать разумное существо в бездумно жующее животное - преступление вселенского уровня. И поэтому внешне ничего не изменится - почти ничего. Будет работать промышленность, будут строиться дома, будет распределяться совокупный общественный продукт - только по другому принципу: по принципу *реальной* ценности каждого индивидуума для общества. Мы, ведуны, сможем обеспечить соблюдение этого принципа.

— И снова люди будут жить в ожидании светлого будущего, где человек человеку - друг, товарищ и брат? Это уже было, и результат, как известно...

— Надеюсь, настоящее тоже окажется не слишком мрачным, - Всеслав оставил без внимания иронию, явственно прозвучавшую в президентской реплике. - Вы ведь знаете, кем я работаю.

— Высокие энергии?

— Именно. Доступ к Мировой Энергии - мы уважительно называем её Силой - можно получить и другим способом: техногенным.

— Вы имеете в виду...

— Да, господин президент. Многие из нас заняты научными разработками - интеллект людей-индиго позволил добиться весьма впечатляющих результатов. Создание технических устройств - генераторов, просто берущих энергию прямо из окружающего нас Мироздания, - реальность. В скором времени энергостанции нового типа будут построены по всей стране.

— И управлять ими сможет...?

— Любой подготовленный специалист - никакие паранормальные способности ему не понадобятся. Второй этап - внедрение синтезаторов любых материальных объектов. Откуда возьмётся энергия для синтеза, надеюсь, понятно?

— Но тогда, - президент посмотрел в глаза Всеславу, - возникает опасность, что кто-то захочет - и сможет - использовать эти ваши генераторы-синтезаторы...

— ...сугубо в личных целях, - закончил за него ведун, - или не по назначению. Скорее

всего, так бы и получилось, появись эти устройства раньше. В принципе, общество давно уже создало материальную базу для достаточно высокого уровня жизни всех его членов, вот только... Вы понимаете, о чём я говорю: хищнические инстинкты несовершенных людей, их примитивная этика привели к перекоосу, так скажем. Но теперь есть мы.

— А вы, значит, верх совершенства?

— Не обижайтесь, Сергей Владимирович, - мягко сказал Всеслав, - вы ведь знаете, что я прав. Могу вам сказать, что вы лично выделяетесь в лучшую сторону - это не комплимент, а констатация факта, - поэтому мы к вам и обратились.

— Спасибо и на том, - буркнул президент.

— Потешьте самолюбие, - с обезоруживающей прямоотой заявил ведун, - вы войдёте в историю. И между прочим, по заслугам. А люди - они должны измениться. Все: и те, кто презирал всех и вся, сидя наверху; и те, кто бездельничал внизу, остро завидуя при этом всем удачливым и упорным. Справедливость для всех - это не сказка, Сергей Владимирович. Всё зависит только от того, по какому критерию оценивать людей, и от того, насколько широко будет применяться этот критерий. И мы, ведун, намерены всемерно содействовать успеху этого нашего *с вами*, - ведун подчеркнул последнее слово, - поистине великого начинания.

— И вы уверены, что всё пойдёт ровно-гладко, без сучка-задоринки?

— Далеко не уверен, господин президент, - Всеслав покачал головой, - но другого-то выхода у нас с вами всё равно нет: иначе не будет никакого будущего - не только светлого, но даже тёмного. И внутренние проблемы - это ещё полдела. Есть ещё и проблемы внешние. Наши братья-индиго в разных частях мира - они ведь тоже разные. Я не могу сказать с полной уверенностью - далековато всё-таки, - однако мне кажется, что за океаном... Мы фиксировали странные энергосплески - окраска у них какая-то... Извините, Сергей Владимирович, - спохватился ведун, - я потом объясню поподробнее и попонятнее.

— Ничего, - президент мрачно усмехнулся, - оснований для беспокойства хватает и в традиционной сфере - без этих ваших колдовских штучек. Например, угроза термоядерной войны - или вы забыли, что наш мир буквально нашпигован атомным оружием? А сейчас, когда рухнули все привычные стереотипы, очень многие теряют голову, в том числе и главы государств. И есть ещё его превосходительство генерал Джейк Блад - он же его светлость лорд-протектор. От него - с его-то амбициями! - можно ожидать чего угодно.

— Остаётся только поблагодарить вас за дальновидность - вооружённые силы России сейчас на уровне, и это во многом благодаря вашим стараниям.

— Дальновидность тут не при чём. Просто я, как выбранный племенем вождь, подумал о том, что неплохо бы иметь новый каменный топор - и не хуже, чем у соседей. Обычная логика несовершенных людей, - и президент Российской Федерации снова усмехнулся, но на это раз уже не так сумрачно.

Особый советник президента - указ о назначении Алексеева В.А. на эту должность, вводимую в связи с чрезвычайной ситуацией в стране, уже был подписан, - улыбнулся в ответ, и разговор сам собой затих.

..."А ведь я завидую тебе, парень, - подумал президент, искоса поглядывая на ведуну, - и завидую я не тому, что ты умеешь читать чужие мысли или творить плазменные струи, прошивающие броню; и не тому, что мне уже шестой десяток, а тебе нет ещё и двадцати пяти. Я завидую тому, что ты веришь - веришь в осуществление своей мечты. Хотел бы я вот так же в это верить..."

* * *

— Ты многовато пьёшь в последнее время, Джейк, - заметила Стэрди.

— Ерунда, - генерал поставил на стол пустой стакан и отодвинул в сторону бутылку со своим любимым бренди. - Или ты не удовлетворена мною в постели, а? Положила глаз на Хьюго, Клеопатра? Или...

— Не изображай из себя Отелло, тебе это не идёт, - чуть устало ответила "роскошная

смерть", - о деле надо думать.

- Вот тут ты права, милочка, - Блад быстро набрал на сенсорной панели коды вызова. - Джефферсон, Энней, Серпента: к лорду-протектору - немедленно, - и отключился, не дожидаясь ответов. - За что тебя и ценю...

- Прежде всего, Джефферсон, - деловито начал он, как только доверенный хайерлинг и оба индиго прибыли, - что там у нас по Новому Халифату? Центр найден?

- Местонахождение определено с точностью, достаточной для нанесения удара, мой генерал. Это в горах на границе Ирана и Афганистана.

- Прекрасно. А что там у них вообще творится? Как они пережили ими же вызванную бурю?

- Как ни странно, это лишь ускорило образование единой структуры. Новый Халифат - понятие уже не условное. Халифом провозглашён некий Селим-уль-Захр-ибн-Дауд...

- ...не знаю такого...

- ...ближайшие сподвижники - Омар Шукрези и Мелик Исмаил.

- Мелик, Мелик, - вслух рассуждал лорд-протектор, - что-то такое припоминаю... Исмаил! Неужели это он? Пересекались мы с этим парнем ещё в Англии, лет этак двадцать тому назад... Тогда он от нас ушёл - жаль...

- Однако фактически вся реальная власть сосредоточена в руках аятоллы Джелала ас-Масуда - именно этого человека называют "повелителем ифритов".

- Ифритов?

- Так называют арабских людей-индиго, - вставил Энней, - мы проверяли.

- Хм-м-м... И что этот заклинатель джиннов?

- Так называемый Новый Халифат представляет собой теократическое государство. Джелаль ас-Масуд демонстрирует верующим какие-то невиданные чудеса...

- Ну, это несложно, если учесть, кем он повелевает...

- ...и его считают новым пророком. Халифат стремительно возвращается во времена средневековья: неограниченная власть верховного владыки, беспрекословное повиновение, слепая вера.

- А ифриты ас-Масуда станут янычарами, или как там это у них называется? Аскеры? - попытожил Блад. - Схема понятна. Степень боеспособности и агрессивности Халифата?

- На ядерном уровне они нам не противники, а вот в партизанскую войну на их территории лучше не ввязываться, особенно учитывая факт наличия у противника бойцов-магов.

- Партизанской войны не будет, Джефферсон, - будет один большой бум и несколько красивых грибообразных облаков... План операции "Гнев Божий" доработан?

- Да, мой генерал. Предъявить?

- Позже - есть более важное дело, - и генерал блокировал все системы наблюдения и связи, отсекая командный бункер Головного Центра от всего внешнего мира. - То, что я сейчас скажу, предназначено только вам - вам четверым. *Время пришло*.

Все четверо прекрасно поняли, о чём идёт речь, однако невозмутимость Джефферсона и Стэрди не уступала бесстрастному спокойствию людей-индиго.

"Разрушение начинается" - подумал Энней.

"Это лучший способ очистить весь этот мир от несовершенных" - подумала Серпента.

"А всё ли ты взвесил, Джейк? - подумала Стэрди. - Насколько мне известно, мессии не спешат - они намерены выждать".

Джефферсон ни о чём не подумал: он просто ждал приказа.

Удовлетворённый реакцией ближайших сподвижников, генерал с полминуты молчал. Ему остро захотелось выпить, разгорячить ещё больше и без того беснующуюся кровь, зло стучащую в виски, но он сдержался: сейчас нужен холодный разум.

- Операция начнётся по экстремальному варианту, - сказал он, взяв себя в руки. - И это действительно будет гнев божий, падающий на головы всех. Армия ненадёжна - шок от "золотого инфаркта" оказался слишком велик. Штампов слишком мало, не говоря уже о

воинах-индиго, и все они нужны одновременно во множестве мест.

— Солдат-клонов тридцать две тысячи, - вставил Джефферсон, - и в ближайшее время будет подготовлено к боевому использованию ещё тысячи три. Все инкубаторы работают на полную мощность, однако требуется время для доводки готовых экземпляров.

— Гремлинов триста сорок, мой лорд, - доложил Энней. - В центре - сто шестьдесят, остальные - в "горячих" районах.

"Мало, - с сожалением подумал Джейк. - Мало, чёрт побери!"

— У меня здесь девяносто воинов, мой лорд, - добавила Серпента. - И ещё девяносто пять, - она усмехнулась, - работают. Есть вероятность, что на мой призыв откликнутся ещё тридцать-сорок ньюменов.

— Ни люди-индиго, ни клоны не будут задействованы на начальном этапе операции, - пояснил Блад, - наоборот, все они будут стянуты сюда, в Центр. Я не намерен подставлять свои лучшие силы под водородные боеголовки. Иницирующий удар будет нанесён с борта подводного ракетносца, и в этой связи, - он испытующе посмотрел на всех, - нужен будет кто-то, кто сможет обеспечить безусловное выполнение этого удара. Этот кто-то должен будет находиться на самой лодке и в случае необходимости нейтрализовать её экипаж - я не хочу, чтобы из-за внезапного приступа альтруизма у кого-то из офицеров ракетносца всё пошло насмарку.

— Я готов, мой генерал, - вскинул голову хайерлинг второго ранга.

— Нет, Джефферсон. Во-первых, для вас у меня есть особая миссия, а во-вторых... Хотя это, наверно, во-первых: тот, кто будет на борту субмарины, должен быть способным в любом случае справиться с её экипажем - такая задача по плечу только человеку-индиго. - Глаза лорда остановились на молодом гремлине. - Это очень важная задача...

Энней уже догадался, к чему клонит Правитель. Дело такого уровня важности нельзя было поручать никому из рядовых индиго - оставались либо предводительница ньюменов, либо... он, Энней. Точнее, *только* он - кандидатура Серпенты отпадала по очень простой и примитивной причине: она была женщиной, а женщина на корабле... Нельзя подвергать операцию риску срыва из-за древнего суеверия.

Всё выглядело очень логично, однако холодный разум человека-индиго противился этой очевидной логике. Что-то здесь было не так - Энней это чувствовал. И вероятно, он всё-таки решился бы не подчиниться даже прямому приказу лорда-протектора, если бы... Если бы не могучий древний зов Магов-Разрушителей - чёрных эсков, - донёсшийся до молодого гремлина вместе с полученными от мессиров тайными знаниями через бездны пространства и времени.

"Какое разрушение... - отрешённо думал он. - Деяние, достойное истинных Адептов Тьмы... Нет, я не могу иначе..."

— Я готов, мой лорд. "Нет, я не могу поступить иначе..."

— Благодарю, Энней, - генерал облегчённо вздохнул. - Я не сомневался.

"Пора прервать ваш затянувшийся медовый месяц со Стэрди, - подумал он, - надо дать ей возможность одуматься. А не одумается - что ж, каждый сам делает свой выбор..."

"Так, - подумала Серпента, - гремлины останутся без командира. Хороший шанс..."

"Вперёд, Энней, - размышляла Стэрди. - Джейк всё-таки молодец - не совсем ещё ум пропил! Этому гремлину пора исчезнуть из Центра на какое-то возможно более длительное время, а лучше - навсегда. И последний вариант Джейк наверняка тоже просчитал. Для дела главное - чтобы ракеты были выпущены, а что потом будет с лодкой, уже неважно. А для меня важно, чтобы этот симпатичный парень - и неплохой любовник, надо признать, - *не вернулся*"

У Правительницы были веские основания для подобных циничных рассуждений. Она видела возрастающий интерес Серпенты к Эннею и легко спрогнозировала, чем это может кончиться. Два человека-индиго, люди будущего, - их брак казался естественным: уж у них-то наверняка родятся дети с паранормальными способностями! Но при таком раскладе в Головном Центре не останется места ни для Блада, ни для Стэрди, - мессеры не поддержат

лорда-протектора. Серпента кувыркается в постели Джейка постольку поскольку - он для неё был и остался всего лишь одним из обезьяноподобных, от которых надо очистить всю эту планету. Блад для Змеи "любовь по необходимости" - знаем, проходили, - а вот Энней - это совсем другое дело: такой союз очень логичен даже в отсутствие пылкой страсти.

Что же касается отношений самой Стэрди с командиром гремлинов - они держатся только на ореоле воплощённой прародительницы чёрных индиго. Как женщина она его не особо волнует - это "роскошная смерть" чувствовала самым обычным женским чутьём, без всякой магии. В конце концов, Эннею просто надоест любовница, годящаяся ему в матери, тем более что Змея всё настойчивее вьёт вокруг него свои кольца. Возможно, мистический ореол спасёт Правительнице жизнь, если дело дойдёт до сведения счётов, но власти ей уже не видать, как давно потерянной девственности.

А вот если Энней не вернётся из морского похода, тогда у неё появится шанс стать истинной владычицей гремлинов, и тогда Джейку придётся побегать вокруг "леди Стэрди" на задних лапках, вымаливая прощение. Гремлины многочисленнее перешедших на сторону Блада ньюменов - заручившись поддержкой чёрных индиго, Стэрди сумеет поставить на место и Серпенту.

"Роскошная смерть" думала спокойно, не опасаясь быть услышанной, - она кое-чему уже научилась, и к тому же у неё была экранировка. Колье на шее Правительницы имело встроенный генератор шумов, затруднявших проникновение к её мыслям, - инженеры и учёные трудились изо всех сил, стараясь противопоставить магии технику. От размышлений её оторвал голос Блада:

– Теперь с вами, Джефферсон. Есть один зловерный нарыв у нас на заднице - вот им вы и займётесь.

– Катакомбы? - Серпента чуть подалась вперёд, и глаза её блеснули.

– Катакомбы. В букете, запуск которого обеспечит Энней, есть цветочек и для них, но лучше подстраховаться. Ракеты с лодки просто подметут поверхность планеты, произведут уборку, а по Катакомбам надо нанести отдельный удар - крылатыми ракетами с самолёта или с мобильных наземных установок, подтянутых к мексиканской границе.

– Не надо самолёта, - снова подала голос Серпента.

– Почему это? - удивился лорд-протектор.

– В этих пещерах есть одна девчонка - я сама её туда привела.

– А, вот оно что, - сообразил генерал. - Та самая, из Приюта-семнадцать, да? Её зовут Мэй?

– Да, мой лорд, та самая. И она же сбивала истребители, когда они атаковали наш лагерь в лесу.

– Понятно... - протянул Блад. - Да, это меняет дело. Джефферсон, самолёт отставить. Что ещё может добавить предводительница ньюменов?

– Никаких систем самонаведения. Траектории ракет должны быть рассчитаны только на земле - надеюсь, так далеко эта старая ведьма Миктекасиуатль не дотянется. Желательно, чтобы на полёте ракеты летели уже с неработающими двигателями - болванками. И именно ракеты, а не одна ракета.

– Серпента, - в голосе генерала прозвучала уважительная нотка, - не пора ли тебе получить статус хайерлинга? У тебя задатки стратега и тактика!

– Благодарю, мой лорд, но мне достаточно моего собственного статуса.

– Как знаешь, как знаешь, - генерал пару мгновений вглядывался в бесстрастное лицо Змеи, а потом снова перевёл взгляд на Джефферсона. - Значит, решено. По возвращении вы смените статус - вы заслужили первый ранг.

...Прощаясь вечером с Эннеем, Стэрди сказала, тщательно пряча мысли:

– Удачи, тёмный рыцарь! И... возвращайся.

– Стэрди... - гремлин чуть помедлил, а потом решительно снял со своей левой руки перстень с гексаграммой и надел его на палец Правительницы. - Леди Стэрди, - произнёс он торжественно, - храните его у себя... пока. Вы имеете на это право.

– Пусть будет так, Эн, - "роскошная смерть" потянулась к нему и поцеловала в губы. Она знала, что это за перстень - его снял с руки убитого ею Арчибальда Эссенса Джейк Блад, а потом вручил командиру гремлинов в знак того, что чёрные индиго понесут дальше переданные им мессирами из Посвящённых древние знания о миссии Разрушителей. - Пусть будет так, - повторила она, торопясь уйти. Генератор помех - штука хорошая, но кто его знает этих индиго. Ни к чему, чтобы Энней прочёл её тайные мысли - совсем ни к чему.

...Прощаясь вечером с Серпентой, Джейк Блад сказал ей, показывая на свой перстень с пентаграммой:

– Хочешь иметь такой? Это символ очистительного огня - знак Дракона. Он многое значит... Гремлины - дети гексаграммы, а ты - ты ведь не причисляешь себя к ним, разве не так? Любая система устойчива при наличии противовеса - ты знаешь это, ты ведь не только красива, но и умна. И ещё: почему бы тебе не родить от меня сына? У нас с тобой почти наверняка родится ребёнок-индиго. Я знаю, ты ненавидишь всех нас, но наш сын - он ведь был бы законным наследником, будущим Правителем! Он соединит новое и старое, и его признают все: и мессеры, и ньюмены, и все остальные! Подумай, неистовая воительница.

– Я подумаю, - негромко проронила Серпента, - мой лорд... Джейк.

– Подумай, - повторил Блад, пытаясь разобрать выражение холодных глаз Змеи.

* * *

Атомный подводный крейсер-ракетоносец "Бенджамин Франклин" шёл в Атлантику. Корабль - назвать его лодкой можно было только по сложившейся традиции - погрузился сразу же по выходу из Норфолка, и теперь мчался в толще воды со скоростью курьерского поезда, с лёгкостью оставляя позади самых быстрых обитателей морских глубин.

Крейсер - зримое воплощение разрушительной мощи, которая так завораживает людей в оружии, - шёл на средней глубине: невидимый, почти неслышимый и недостижимый для средств орбитального наблюдения. Он казался живым существом, наделённым собственным разумом, хотя даже в доисторические времена в океанах Третьей планеты системы Жёлтой звезды не водились такие исполинские монстры - подводный ракетоносец не уступал по размерам линейным кораблям-дредноутам давно отгремевшей Первой Мировой войны. А чудовищная испепеляющая боевая мощь корабля и не снилась старинным линкорам - в его шахтах дремали двадцать четыре ракеты с термоядерными боеголовками. В хищном теле крейсера таилось двенадцать тысяч Хиросим - головные части ракет разделялись на десять "долек", и каждая из них несла водородную бомбу в одну мегатонну - достаточно, чтобы сжечь любой город планеты. Двести сорок городов не знали, что их смерть уже движется в Атлантику...

Людей на борту "Бенджамина Франклина" было немного - времена многочисленных экипажей прошли. До предела насыщенный электроникой корабль мог выполнить задачу и самостоятельно - люди только контролировали его. Крейсер мог всё сделать сам, но отдать команду должны были люди. И время, когда эта команда будет отдана, приближалось.

Командиру гигантской субмарины было как-то не по себе - что-то не нравилось ему с самого начала, словно в воздухе витало нечто неуловимое, но зловещее. Капитан не был чересчур суеверен (хотя предпочитал не выходить в море в понедельник), но сейчас он не мог отделаться от чувства фатальной обречённости, нависшей над ним, над его кораблём и над всеми людьми на его борту. И это чувство усугублялось присутствием в центральном посту управления постороннего: молодого человека в чёрной форме без знаков различия.

Кто он такой, капитан не знал - ему было лишь известно, что это представитель высшего командования, направленный на лодку приказом самого лорда-протектора Блада. Но в этом "представителе" было что-то *нечеловеческое* - слишком равнодушно-спокойное лицо, слишком холодные глаза, слишком неторопливые движения. Командиру крейсера даже казалось, что рядом с ним сидит пришелец из неведомых космических бездн, непонятно как попавший на землю нашу грешную, и это ощущение отнюдь не способствовало улучшению

настроения.

– Через двадцать минут будем в заданной точке, - сказал капитан (только для того, чтобы нарушить тягостное молчание) и добавил, чуть помедлив, -...сэр.

Человек в чёрном молча кивнул, не отрывая глаз от дисплея с координатной сеткой и ползущей по ней белой точкой, обозначавшей ракетносец, - необходимости в докладе не было никакой, всё и так было ясно. "Вот же сукин сын, - подумал командир крейсера, - хоть бы слово сказал!".

Энней отметил эту мысль капитана, но не счёл нужным на неё реагировать - он давно привык к сумятице в сознаниях несовершеннолетних. Важно то, что должен сделать это человек, все остальное - нефункционально. Гремлин извлёк из нагрудного кармана кристалл памяти и протянул его командиру ракетносеца.

– Целеуказание изменено, - бесстрастно произнёс он, - ознакомьтесь и обеспечьте ввод новых данных.

Командир вставил кристалл в считывающее устройство - на экране замелькали цифры и символы, выстраивающиеся в длинную колонку.

"Так... Китай... Азия, само собой... Россия - ну, это понятно... Африка? Это-то зачем? Европа?! Как это так? Южная Америка... И... Мы?! Наши собственные города? Нет, этого не может быть! Нет!!!"

Капитан ошеломлённо поднял глаза и встретил ледяной взгляда человека в чёрном.

– Что-то непонятно?

– Сэр... - пролепетал командир крейсера. - Сэр... Но ведь это же...

– Выполняйте приказ, капитан, - сухо бросил гремлин. - Решение принято. Военная необходимость - другого выхода нет. Хаос зашёл слишком далеко - по-другому уже нельзя.

"Как же так? - растерянно думал капитан. - Двести сорок городов во всех частях света, бессистемно, и города не только потенциальных противников, но даже... Зачем?! Это же просто бессмысленное уничтожение - какая военная необходимость?! А что будет потом, когда подвергшиеся удару в ответ запустят свои ядерные ракеты? И по каким целям? Тоже друг по другу - все против всех?!"

– Выполняйте приказ, - повторил чёрный индиго.

"Франклин" уже замедлял свой стремительный бег, одновременно подвсплывая на глубину пуска ракет - с пятисот метров их не выпустишь.

– Я не буду выполнять этот приказ, - решительно сказал капитан, словно бросаясь вниз головой с крутого обрыва. - Хватит с нас безумия! Кто вы такой, дьявол меня побери? - почти заорал он, уставившись в бездонные глаза человека в чёрном.

Тот не ответил, и тут в голове командира атомного подводного ракетносеца словно взорвалась ледяная бомба.

– Выполняйте, - в третий раз сказал Энней.

– Есть, сэр, - безжизненным голосом ответил капитан. - Ракетный пост! Ввод данных головным частям всех ракет.

Операторы уже не рассуждали, да и времени разбираться у них не было. В компьютеры хлынул поток обновляемых данных, трансформированных в электрические импульсы...

– Стартовая глубина, командир.

– Принято.

– Восьмой... десятый... надцатый... двцатый... двадцать второй... ввод завершён.

– Принято.

– Ракетный - центральному: все ракеты к старту готовы.

– Принято.

Менялись цифры на дисплее электронных часов, отсчитывая последние минуты мира на планете...

"Какое разрушение... - думал гремлин. - Гнев божий, а я его посланник... Через три минуты начинаем отсчёт". Он покосился на смертельно бледного командира, застывшего в своём кресле, - этот человек сделал то, что нужно было сделать...

И тут вдруг Энней почувствовал, что свободное течение его мыслей замедляется, как вода, схваченная морозом. "Что это? - успел подумать чёрный индиго. - Ментальный удар? Такой силы? Кто? Как? Почему...". А потом в его сознании воцарилось пустота - ледяная вселенская пустота...

Он уже не реагировал, когда капитан, подчиняясь чьей-то могучей воле, отдал приказ переложить горизонтальные рули на погружение и дать самый полный. И этот приказ был выполнен - быстро и чётко. Его продолжали выполнять даже тогда, когда этот приказ стал самоубийственным - все люди на борту "Бенджамина Франклина" уже не рассуждали.

Субмарина шла на глубину под углом в тридцать градусов, словно самолёт в пологом пикировании. Но никто даже не обратил внимания, что стрелки глубиномеров подбежали к зловещей красной черте, а затем перепрыгнули её и упёрлись в ограничители. И никто не дрогнул, когда корпус подводной лодки хрустнул под чудовищным давлением воды, словно орех под каблуком, и в лопнувшие отсеки почти мгновенно вдавилась тугая водяная масса...

Мёртвый корабль с мёртвым экипажем уходил на дно, а на поверхности моря кружили дельфины - сотни и сотни дельфинов. Дети Моря явно были чем-то сильно встревожены, но постепенно они успокаивались - Зло не вырвалось из тёмных глубин: они его остановили.

* * *

В это же время у южной границы хайерлинг второго ранга Джефферсон, проводив глазами разворачивающийся в раскалённом небе четвёртый инверсионный след, сдержанно доложил в коммуникатор:

– Ракеты вышли, мой генерал. Интервал - тридцать секунд.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗМЕИНЫЙ ЯД

...При каждом шаге под ногами похрустывало - поверхность песка покрывала тонкая плёнка стекловидного расплава, ломавшаяся под подошвами. Дыхание Адского Пламени опалило землю, слизнув всю зелень от берега реки и до входа в пещеры и оставив только чёрную выжженную твердь.

Диего хотел было спуститься к самой воде, но передумал. Назад придётся идти вверх по склону, а долго находиться здесь, где каждый метр пропитался Проклятьем, не стоило. Хорошо ещё, что ветер снёс радиоактивное облако на восток - основная грязь выпала там, над джунглями. Надо возвращаться - Рохо и так уже увидел всё, и к тому же ему надоело слушать этот отвратительный хруст.

Оба берега реки были пусты и мертвы - огненная волна выгладила их раскалённым утюгом. И до ма на том берегу - его дома - не было. Диего уже знал об этом - *видел* ещё там, в Катакомбах, однако хотел увидеть воочию. Зрелище умершего берега вызвало в груди Рохо тупую боль - слишком похожим было оно на ту картину, которая вставала перед ним в его давних снах, в снах из будущего: вместо изящных многоэтажных белых зданий Пуэбло-дель-Рио торчали чёрные скелеты, затянутые погребальной пеленой сизого дыма. Боль стала острее, когда Диего понял: перед ним лежат Развалины - те самые Развалины, которые станут обиталищем змей-кровососов и призраков...

Мысли текли медленно, словно капли густеющей крови. "Неужели всё предрешено? - думал Рохо. - Неужели мы не в силах ничего изменить, и эта Реальность тоже обречена?"

* * *

Первой приближение Зла почувствовала Мэй - ощущение было почти таким же, как тогда, той памятной ночью в Приюте-семнадцать. И девочка вскочила и закричала, чувствуя на себе взгляды десятков пар недоумевающих и даже неодобрительных - прерывать речь Матери-Ведуньи! - глаз.

– Мать Эухенья! Это... Это... Это надо остановить!!!

А секунду спустя и сама Миктекасиуатль *увидела* .

...Четыре смертоносные змейки быстро скатывались вниз, бока их поблескивали металлом. Змейки торопились, очень торопились, нацеливаясь своими острыми головами прямо на вход в Катакомбы - змеек послали именно сюда. И убийственные твари скользили одна за другой, спеша выполнить приказ, - такими предстали перед внутренним колдовским взглядом ведьмы выпущенные с севера ракеты...

– Мудрая! - в голосе Мэй плескалось отчаянье. - Их надо остановить, но у меня... У меня может не получиться! Помоги!

Время утекало стремительно, а слова чересчур медлительны. И Мэй развернула перед Эухеньей мысленную картину того, что случилось той ночью в Приюте - того, что ей самой так хотелось забыть, - и того, что произошло в лесу, когда самолёты обрушились на лагерь ньюменов.

– Так это была ты, - негромко сказала колдунья, и на её тёмном морщинистом лице промелькнула лёгкая тень улыбки. - Я тебя всё-таки увидела, колибри.

Девочка не поняла смысла этой фразы, а объяснять ведьма не стала - времени на это уже не было.

Мысленный приказ "В кольцо!" ожёг всех обитателей горного гнезда, как удар кнута. Его слышали все - и те, кто был в Зале учеников, и те, кто находился в жилых пещерах, и воины внешней стражи. И даже Диего с Мерседес, сидевшие в Зале, слышали этот приказ. "Как жаль, - мелькнуло в сознании Рохо, - что мы тут ничем помочь не можем..."

Взяться за руки было некогда - это успели сделать только те индиго, кто были здесь, однако сознания сомкнули все. Диего ощутил, как в Зале учеников закручивается могучий энергетический вихрь, который удерживают в узде Миктекасиуатль и Алан. Наставник и мать Эухенья крепко держались за руки, и Рохо показалось даже, что по их телам текут потоки огня - первые орты Третьей планеты системы Жёлтой звезды принимали бой. И Мэй, маленькая Мэй, напряженная, словно натянутая тетива тугого лука, тянулась навстречу четырём летящим змеям, несущим на Катакомбы зародыши Адского Пламени.

Змеи приближались. Мэй силилась ухватить их за тонкие гибкие шеи и сжать - так, чтобы хрустнули позвонки, чтобы мерзкие твари издохли, рассыпались за сотни километров отсюда тонким прахом, который уже не сможет убивать. Однако змейки изворачивались, они не давались, снова и снова проскальзывая между пальцев девочки. И Мэй стало страшно - она знала, что будет, если эти твари доберутся до пещер Миктекасиуатль. Её захотелось разрыдаться от отчаянья и от ощущения собственного бессилия, но она пересилила себя и опять потянулась незримыми пальцами к змеиным шеям.

"У неё не получится, - холодно и отстранённо размышляла Эухенья. - Четыре сразу - девочка поневоле рассеивает своё внимание".

"Не получится, - отозвался Алан. - Это мёртвые и неуправляемые куски металла с дьявольской начинкой. Их не остановить - их можно только разрушить. Но ракеты ещё далековато, а когда они приблизятся, неизвестно, что произойдёт раньше: мы их разрушим, или Адский Огонь вырвется наружу".

"Помогай!" - коротко бросила Миктекасиуатль, и Старик мгновенно понял, что она хочет сделать. Понял он и то, что задуманное ею смертельно опасно для них обоих, однако ни секунды не колебался - ведь его Кармен сказала ему: "Ты пришёл слишком поздно для любви, но не поздно для боя..."

...Склон, по которому скатывались зловещие змейки, обернулся каменной плитой. И плита эта оказалась чудовищно тяжёлой: в первый миг Алан подумал, что им с Кармен (даже используя всю совокупную Силу нескольких сотен людей-индиго) ни за что не удастся её не то что повернуть, а хотя бы пошатнуть. Но другого выхода не было.

Ладони Эухеньи и Алана приподняли нижний край плиты, и тогда пришла боль. Алан сжал зубы - он знал, что эта боль бьёт по всем, кто входит в кольцо, и понимал, что самые слабые ученики начнут сейчас терять сознание и падать. Однако они с Кармен не имели

права ни упасть, ни потерять сознание, даже если их телесные оболочки начнут распадаться.

...Джефферсон, следивший за полётом ракет по экрану радара, насторожился. Четыре точки замерцали, то исчезая, то снова появляясь. "Что за чертовщина, - подумал хайерлинг. - Помехи? Сбой аппаратуры? Нет, на соседнем дисплее то же самое. Что происходит?".

Но Диего Рохо - Игорь Краснов - понял чутьём человека, услышавшего отражённый в Мировом Зеркале крик из будущего, что происходит.

Эухенья и Алан *выворачивали пространство*, пытаясь развернуть выпущенные в них стрелы с ядерными наконечниками. И ещё Диего Рохо понял, что для них обоих эта магия является предельной, точнее - запредельной.

...Тяжёлая плита качнулась и приподнялась, и змеи замедлили свой бег, не понимая, куда бежать дальше. Они знали: цель - край плиты, однако пространство вокруг ракет вставало на дыбы, и тщательно рассчитанные траектории искривлялись.

Диего услышал слабый вскрик, и ещё, и ещё. Упала девочка-индиго, и мальчик, и девочка постарше. Наставник и Мать-Ведунья забирали всю энергию, собранную учениками, и те падали на холодный каменный пол Зала, теряя сознание от невыносимой боли, - падали один за другим.

...Плита дрогнула, пошла вниз, и встрепёнувшиеся змеи снова увидели цель. Ученики падали, но Алан и Миктекасиуатль не сдавались: они тянули и тянули каменную тяжесть, преодолевая боль и нещадно отбирая энергию у всех людей-индиго, входящих в кольцо.

Упала Эстрелла. Диего видел глаза своего сына, видел, что тот хочет кинуться к ней, но Андрей остался на месте, до конца выполняя долг воина. Видел Рохо и струйку крови, текущую из прокушенной губы Наташи, - его захлестнули жалость и боль, но взгляд дочери оттолкнул Диего. "Не мешай, отец!" - явственно читалось в этом совсем недетском взгляде.

...Плита раскачивалась, змеи дёргались. И всё-таки они приближались - судорожными рывками, но приближались, ныряя среди волн колеблющегося пространства...

Покачнулся и осел Андрей. Мерседес вскинулась; Диего схватил её за локоть и сумел удержать - помочь сыну она сейчас всё рано не сможет, а оказаться в фокусе энерговихря равносильно самоубийству. И женщина затихла, только закрыла глаза, чтобы не видеть того, что будет дальше.

Упал Хайк. Мэй даже не повернула головы и спокойно приняла в свою ладонь пальцы Наташи. Зал усеивали обмякшие тела потерявших сознание - на ногах оставались только четверо: Эухенья, Алан, Мэй и Наташа. Рохо смотрел, борясь с желанием тоже закрыть глаза.

...Каменная плита вспучилась, вздулась горбом, и змейки потекли в разные стороны. В Зале полыхнула сиреневая вспышка - Мэй с Наташей выложились без остатка и молча упали у ног Матери-Ведуньи и Наставника. Перед глазами Диего поплыли фиолетовые круги, но он чётко видел Алана и ведьму. Их ауры переплелись, слились воедино, и тогда Рохо понял: именно так выглядели со стороны Вестники - Хок и Муэт, - когда творили свою великую волшбу...²²

Рохо казалось, что Эухенья и Старик горят, тают в танцующем пламени, превращаясь в поток чистой энергии, яростно гнущей пространство. Глаза Диего начали слезиться, он невольно моргнул, а когда снова обрёл способность видеть, Миктекасиуатль и Алан уже не стояли - они неподвижно лежали на каменном полу пещеры, так и не разомкнув крепко сцепленных рук.

...Змеи соскальзывали с плиты, но сама плита вдруг качнулась и рухнула на Эухенью и Алана, давя и сокрушая...

"Кармен... Тёмная, тёмная, тёмная ночь, наполненная шорохом листьев и криками ночных птиц... Горячие губы и запах твоих волос..." - успел подумать Наставник.

"Олег... Море и пустой, пустой, пустой горизонт, на котором ни паруса, ни дымка... И

²² Роман "Крик из будущего".

слёзы, слёзы, слёзы, застилающие глаза..." - успела подумать колдунья.

Незыблемая земная твердь под ногами Диего дрогнула.

Первая из ракет не долетела до входа в Катакомбы: она взорвалась на том берегу реки - там, где окраины Пуэбло-дель-Рио сменялись джунглями, - и город умер, не успев даже вскрикнуть от боли. Огненная волна прокатилась, оставляя за собой Мёртвую Пустыню, и Рохо увидел (и даже не удивился тому, что он *может это видеть*), как рассыпался его дом, и как брызнули стеклянными слезами осколки выбитых окон.

Вторая ракета встретилась с землёй в западных горах, и долго ещё скатывались с обожжённых боков горных кряжей каменные лавины, словно горы ворчали, раздражённые полученным ударом.

Третья разорвалась высоко в стратосфере над Карибским морем, родив новое бешеное солнце - к счастью, быстро погасшее.

Хайерлинг второго ранга Джефферсон не получил обещанный ему генералом Бладом первый ранг. Четвёртую ракету отшвырнуло почти в ту же точку, откуда она стартовала, и Джефферсон не успел даже сообразить, что означает неожиданно появившаяся на экранах локаторов отметка - взрыв мегатонной боеголовки превратил всё на десятки миль окрест в точное подобие преисподней.

...Дети Катакомб приходили в себя. Едва оправившаяся Эстрелла уже хлопотала возле Андрея, опередив кинувшуюся к сыну Мерседес, и ещё пошатывающиеся Мэй с Наташей в четыре руки споро расправляли смятую ауру Хайка. Диего почему-то был уверен, что никто из индиго серьёзно не пострадал, и что даже воины наверху успели укрыться под надёжными гранитными сводами пещер.

И только двое в Зале учеников не подавали признаков жизни. Мало-помалу вокруг них собрались все обитатели горного гнезда - горькие вести летят на крыльях.

Наставник и Мать-Ведунья лежали неподвижно, и не надо было владеть магией, чтобы понять: Кармен-Эухенья-Миктекасиуатль и Старик-Алан-Олег мертвы.

* * *

- Не понимаю, - Блад слегка барабанил пальцами левой руки по гладкой поверхности стола, и его перстень разбрасывал алые огоньки, словно с острых лучиков пентаграммы срывались крошечные капельки крови. - Ракетносец уже вышел в расчётную точку - они дали подтверждение по звукоподводной связи, - а потом... Неужели их перехватили лодки-охотники русских? Возможно, конечно, но тогда непонятно, что же могло толкнуть наших потенциальных противников на немотивированную атаку - ведь ни одна ракета с борта "Франклина" так и не была выпущена. Внезапная авария? Потеря управления? Тишина полная...

- Гадать нет смысла, - "роскошная смерть" равнодушно пожала плечами. - Ясно одно: лодка погибла, и операция сорвалась. С точки зрения обстоятельств меня куда больше интригует срыв ракетного удара по Катакомбам - вот уж тут шума было предостаточно. Четыре водородных взрыва, разнесённых на сотни километров друг от друга, - как это объяснить?

- Магия, - уронила Серпента таким тоном, словно речь шла о чём-то обыденном и само собой разумеющемся. - И очень сильная. Я следила - там был такой энерговсплеск, что его хватило бы хорошенько вскипятить любое из Великих озёр. Они изменили траектории полёта ракет, это очевидно, но как они сумели это сделать - тут я могу только предполагать.

- И что теперь? - обеспокоено спросил Джейк. - Надо ждать ответного удара?

- Всё может быть, - бесстрастно ответила Змея. - Я бы, во всяком случае...

Она не договорила - ожил экран экстренной связи.

- Мой лорд, - взволнованно доложил дежурный хайерлинг, - с вами хочет говорить Россия! Они вскрыли наш особый канал и требуют разговора с вами, мой генерал!

Изображение на стереоэкране сменилось - на Блада в упор смотрел светловолосый

молодой парень: смотрел так, словно ему были ведомы все тайные мысли лорда-протектора - все до единой.

— Лорд-протектор Джейк Блад, - жёстко произнёс светловолосый, - с вами говорит особый советник президента России Всеслав Алексеев. От лица Российской Федерации я уполномочен заявить, что ваши действия...

"Индиго, - подумала Серпента, - и какой! Вот от этого воина я родила бы ребёнка не задумываясь! Жаль, что процесс зачатия - со всеми сопутствующими этому акту приятными ощущениями - несколько затруднительно осуществить с помощью Сети..."

— ...угрожают безопасности всего человечества. Свидетельство тому - недавние ядерные взрывы в Центральной Америке. Нами установлено, что эти взрывы не носили случайный характер, а явились прямым следствием целенаправленных действий - ваших действий, генерал Блад.

"Конечно, - подумал Джейк, - надо быть полным идиотом, чтобы счесть *четыре* атомных взрыва результатом несчастного случая! А русские, к сожалению, не очень похожи на законченных кретинов, и к тому же располагают великолепной системой спутникового слежения".

— Россия предупреждает вас, генерал, - если подобные действия повторятся, то мы не остановимся перед нанесением удара по всем вашим тайным укрытиям всеми имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами - их у нас достаточно.

"Значит, субмарину утопили русские, - подумала Стэрди. - Но как они догадались о её миссии?"

— Надеюсь, вы меня поняли, господин лорд-протектор. - Всеслав исчез с экрана без предупреждения: главное было сказано, а тратить время на дипломатические экивоки люди-индиго считали пустым занятием - никчёмная вязь слов бессмысленна для умеющих читать чужие мысли.

— Проворные, - резюмировал Блад и витиевато выругался. - И каков самец - оценили, небось? - Джейк быстро взглянул на Стэрди и Серпенту. - Оценили, оценили, по глазам вижу, без всякой этой вашей магии... Что будем делать?

— Ничего, - невозмутимо ответила Правительница. - Если мы не будем суетиться, они не ударят первыми. Значит, они дадут нам время, которое мы сможем использовать для наращивания наших сил.

— Катакомбы, - заметила Серпента. - Мы разворошили осиное гнездо у нас под боком, и в их лояльности я не уверена.

Змея лукавила - она считала это вполне допустимым в отношениях с несовершеннолетними. Она не пыталась сделать из Блада свою послушную куклу - такая попытка тут же была бы пресечена бдительными гремлинами личной охраны лорда-протектора, поэтому Серпента ограничилась традиционно женскими методами воздействия, - но лгать обезьяноподобным - почему бы и нет? Ведь сами-то они постоянно лгут друг другу!

На самом деле она ничуть не опасалась контратаки обитателей пещер Миктекасиуатль - Змея хорошо помнила миролюбивый оттенок окраски аур тех двоих, которые преградили ей путь в Катакомбы. Вот только ни Джейку, ни Стэрди, полагала она, знать об этом совсем не обязательно.

— И что ты предлагаешь? - Блад раздражённо дёрнул подбородком. - Повторить удар? И после этого получить охапку русских ракет прямо по Головному Центру? Этот парень не шутил - разве ты не поняла? К тому же пещерники отбили нашу атаку - значит, они точно так же смогут отбить и вторую!

— Нет, мой лорд, - Серпента опустила глаза, всем видом выражая почтительность, - я предлагаю обойтись без спецэффектов в виде величественных ядерных грибов. С индиго из Катакомб надо сражаться равным оружием - пошлём туда диверсионный отряд из наших магических бойцов. И поведу его я.

"Что она задумала? - лихорадочно соображала Стэрди. - Уж сейчас-то, после смерти командира чёрных индиго, Змее вовсе не с руки покидать Центр! Она ведь не похожа на пай-

девочку, уступающую лакомый кусочек - да ещё какой! - без борьбы. Что у неё на уме?"

Блад был удивлён в не меньшей степени - поступок Серпенты не укладывался в рамки логики. "Ну хорошо, - думал он, - допустим, повторная атака на пещеры действительно нужна, но зачем же отправляться туда самой? Чего ради? Неужели нельзя поручить командование рейдом кому-нибудь из опытных ньюменов или гремлинов - среди них есть способные справиться с этой задачей. Лишний раз поиграть со смертью? Не похоже, очень не похоже... Мелкая мстительность? Ерунда, она выше этого..."

Серпента не прочла заэкранированные аппаратурой мысли "королевской четы", однако граничащее с подозрительностью удивление Правителей уловила. Она всё уже решила, и теперь ей оставалось только придать правдоподобие своей версии.

"Ты выиграла, потаскуха, - думала она, - эти тупоголовые гремлины тебя чуть ли не обожествляют, а в открытом бою мне с ними не справиться. А ты, Джейк... Я не буду рожать от тебя детей - я не хочу портить чистую кровь ньюменов гнилой кровью обезьяноподобных. Из подземелий Центра мне пора уходить - начнём всё сначала. У меня будет собственное гнездо, которым станут Катакомбы".

— Мой лорд, и вы, леди Стэрди, - голос Змеи звучал спокойно и ровно. - Катакомбы опасны для нас: я была там, и я знаю. Мы не можем послать туда многочисленный отряд - просто потому, что бойцов-индиго слишком мало, и они нужны везде. Значит, нам надо брать качеством. Там, в пещерах, есть очень сильные маги - это ясно хотя бы из того, что им удалось отразить ядерный удар. Без меня малочисленный отряд не выдержит магического боя с обитателями Катакомб - рейд станет бессмысленным. Значит, идти надо мне самой.

— Ты права, - медленно проговорил Блад, не спуская с предводительницы ньюменов испытующего взгляда. - Ну что ж... - он перевёл взгляд на Стэрди, и "роскошная смерть" еле заметно кивнула, - иди, неистовая воительница. Иди, и... возвращайся с победой.

— Я вернусь, мой лорд. А теперь я испрашиваю разрешения Правителей удалиться - мне надо ещё подобрать состав рейдерской группы.

— Разрешаю, - бросил Блад. - Мы ещё поговорим... позже.

"В постели, - мысленно добавила леди Стэрди. - Ах, Джейк, Джейк... Впрочем, все мужчины одинаковы: им надо время от времени менять наложниц только для того, чтобы потешить свой комплекс победителя и завоевателя. Но мудрая женщина не будет возражать - до поры до времени, пока это хобби не заходит слишком далеко. Ладно, поваляй эту Змею ещё разок - напоследок..."

"Очень надеюсь, - думала Серпента, возвращаясь в свой апартамент и прикидывая, кого из бойцов взять с собой, - что мои ощущения меня не обманули. Предсмертный стон был - двое по-настоящему серьёзных противников мертвы, а с детишками и с неумелыми молодыми воинами я как-нибудь справлюсь. Я не буду никого убивать... без нужды, однако очень скоро в Катакомбах появится новая властительница".

— Она не вернётся, Джейк, - сказала Стэрди, наблюдая на экране монитора, как Змея идёт по коридорам уровня "Z", - Катакомбы - это злое место.

— Злое место?

— Злое. Помнишь, покойный Арчи всё хотел тебя туда отправить?

— Помню. - Джейк вспомнил взгляд секретарши Эссенса, кричавший "Не соглашайся! Ты оттуда не вернёшься!"

— Эссенс надеялся, что там ты свернёшь себе шею, причём всё будет выглядеть пристойно: отважный хайерлинг Джейк Блад пал на поле брани.

— Это что же, эти пещерные индиго и в самом деле настолько кровожадны? Похлеще ньюменов Серпенты? Вот уж не думал...

— Не в этом дело. Ядерный удар по Катакомбам был запланирован давно, и сигналом к нему должно было стать твоё сообщение о безрезультатности переговоров с тамошними индиго. Всё было рассчитано, Джейк, - ты не успел бы выбраться из этих пещер до того, как их своды рухнули бы под атомными взрывами. Однако ты оказался, - "роскошная смерть" усмехнулась, - достаточно сообразительным. Вместо того, чтобы самому отправиться в ад,

ты предпочёл послать туда Арчи.

– С твоей помощью, - генерал протянул руку и коснулся щеки Стэрди, чего не делал уже очень давно, - с твоей помощью, Клеопатра.

– Только вот что-то быстро ты забыл об этом, Джейк.

– Да нет, что ты, разве я... - Бладу стало не по себе под холодным взглядом "царицы гремлинов". - Я никогда не забывал и не забуду того, что ты для меня сделала. Я всегда...

– Не верю я тебе, Джейк, - вздохнула Стэрди, - хоть убей. Женщину невозможно обмануть, если только она сама этого не захочет. Ладно, времена меняются, и люди тоже. Твоя Змея покинет Центр и больше сюда не вернётся - в этом ты можешь быть уверен. И вот я думаю: сразу приказать моим гремлинам растащить тебя на молекулы или подождать, пока это сделают взбешённые твоей самодеятельностью мессеры?

Джейк был настолько ошарашен циничной прямоотой Правительницы, что не нашёлся, что ответить.

– Хочешь выпить? - ласково произнесла Стэрди, глядя на побледневшее лицо лорда. - Твоё любимое виски вон там, в той нише. Принести?

– Послушай, Стэрди, я...

– Послушай, Джейк, - перебила его "роскошная смерть", - и внимательно послушай! Я, наверно, дура, - мне почему-то жаль тебя убивать, Джейк Блад, хоть ты этого и заслужил. Неужели ты до сих пор не понял, что мы с тобой сто им друг друга, и выстоять сможем только вдвоём? А ты мечешься, как мальчишка... Мне плевать на всех твоих девок, но уж если ты задумал избавиться от меня, извини, - тут у нас с тобой разговор пойдёт совсем другой.

– Стэрди, я...

– Помолчи, лорд-протектор. Значит, так... - но тут речь Клеопатры была прервана.

Ожил ещё один стереозэкран, и на нём появился Хьюго.

– Генерал Джейк Блад, - тон голоса мессера и выражение его глаз не предвещали лорду-протектору ничего хорошего, - вас ждут на Совете Правителей. Мы хотим заслушать отчёт о ваших предельно безрассудных действиях и принять соответствующее решение.

– Дождался? - Стэрди злорадно ухмыльнулась. - Выпей немного, чтобы придти в норму, а я пока... - она быстро прошла по сенсорной панели. - Карри, Терр, Эридан, Эрг - возьмите по десять воинов и ко мне. Немедленно.

– Повиновение Воплощённой, - бесстрастно ответили четыре голоса.

– Резню на Совете мы, конечно, устраивать не будем, - Стэрди повернулась к Бладу, так и застывшему в оцепенении, - однако силу продемонстрируем. А ты, Джейк, отныне будешь воевать со мной только в постели. И кстати, с чего это ты взял, что я не смогу родить тебе сына-индиго? Помнишь, что говорил Энней, да упокоит океан его прах? Ладно, к этому вопросу мы ещё вернёмся... позже. А вот и мои гремлины, - она кивнула на экран внешнего наблюдения. - Идём, Джейк, - нехорошо заставлять ждать мессеров.

* * *

Глубокая прямоугольная яма, аккуратно вырезанная в камне лезвиями голубого огня, медленно заполнялась густеющей массой. Прозрачный гранит - ученики Миктекасиуатль умели придавать обычным материалам необычные свойства. Тела матери Эухеньи и Алана, впаянные в этот камень, сохранятся на века и тысячелетия.

– Мы не можем воскресить их, - негромко произнёс Диего, и пламя факелов скорбно дрогнуло, как будто подтверждая его слова, - но может быть, наши далёкие потомки смогут это сделать. А пока - да покоятся они в мире!

В Зале учеников собрались почти все обитатели Катакомб, и Рохо почувствовал, что взгляды людей-индиго сошлись на нём: дети горного гнезда ждали его слова.

– Наставник и Мать-Ведунья ушли в Бездну, - сказал он, - однако жизнь идёт своим чередом. Вам, орты, - "Вот оно, - подумал Диего, - слово сказано", - нужно выбрать себе

новых Старших. Вы действительно орты: эта наша новая Реальность, спасённая Реальность, упорно сворачивает на проторенный путь - скорбный путь. Кто был наверху, тот видел: там, за Рекой, - Развалины и Мёртвая Пустыня.

— Отец Диего, - заговорил Родриго, и Рохо вздрогнул, услышав это обращение, - мы знаем, кто ты, и что ты сделал. Тот-Кто-Слышал-Крик - имя твоё. И мы, орты Катакомб, хотим сказать - будь нашим Старшим.

— Мать Мерседес, - Камилла, стройная смуглая девушка и признанная глава молодых ведуний, встала рядом с Родриго, - ты Та-Кто-Помогла-Услышать - будь нашей Старшей.

У Диего пересохло во рту. Он взял за руку жену - рука Мерседес ощутимо дрожала.

— Дети... - начал Рохо и тут же подумал: "Да какие они дети!". - Орты Катакомб... Я благодарен вам за то, что вы помните. Но ни я, ни моя жена не владем магией - мы с ней обычные люди, а вы - вы люди будущего. Мы не можем быть вашими Старшими.

— Отец Диего, - мягко, но убеждённо возразил Родриго, и стоявшие рядом с ним орты из числа взрослых индиго кивнули в знак согласия - они ведь уже знали, что скажет военный вождь, - среди нас много таких, кто умеют крушить скалы или творить огненные клинки. Но нам нужен опыт долгих прожитых лет и спокойная мудрость - если у нас будут вопросы, вы подскажите. И поэтому мы просим вас, отец Диего и мать Мерседес, - будьте Старшими.

"Вот и вся процедура демократического голосования, - подумал Рохо. - Мгновенный обмен мыслями - кто хотел возразить, возразил, однако консенсус достигнут. Да, конгрессы и парламенты с их долгими и бесплодными дебатами, скрывающими закулисные интриги, - это уже прошлое старушки Земли. А будущее - туманно...".

— Хорошо, - сказал он и взглянул на Мерседес, - мы согласны. Да будет так.

Напряжение, витавшее под сводами Зала, разрядилось. Люди-индиго задвигались, и поодиночке и небольшими группами стали покидать Зал учеников. Орты Катакомб выбрали Старших.

...Через несколько дней к Диего пришёл Андрей, и Рохо почувствовал, что сын хочет поговорить с ним не просто как с отцом, а как со Старшим горного клана.

— Отец, - Андрей перешёл к делу без долгих предисловий, - я слышал Детей Моря. Их старейшины дотянулись до меня. Слышно было плохо - дельфины не заплывают в реку, а ты запретил нам без крайней нужды покидать Катакомбы, пока не снизится уровень радиоактивного заражения. Однако главное я понял: Дети Моря убили большой подводный корабль, готовившийся выплюнуть в наш мир целую горсть ядовитых семян. Что бы это могло значить?

— Скорее всего, - Диего с минуту подумал, - они сумели каким-то образом отправить на дно атомную подводную лодку с ядерными ракетами на борту. Дети Моря не стали отсиживаться в тёмных глубинах - они вмешались, и активно вмешались. Это хорошо.

— Значит, - глаза Андрея вспыхнули, - у нас теперь есть союзники?

— Есть. Но вот о чём я думаю, сын: нас всё время кто-то спасает, и мы всё время ждём, что нам кто-то придёт на помощь и сделает всё за нас - мы даже уповаем на Внешних. А мы сами - неужели мы сами не можем сделать то, что от нас требуется? Подумай об этом!

— Да, отец, я подумаю, - серьёзно ответил подросток. Он уже повернулся, чтобы уйти, однако остановился. - И ещё одно, отец, - Андрей замялся, - мы с Эстреллой... В общем, мы с ней хотим пожениться.

Диего посмотрел на жену - Мерседес тоже была здесь, но не вмешивалась в разговор.

— Ты хочешь или она хочет? - уточнила Старшая.

— Это... Мы оба... Хотим... - окончательно смутился молодой орт.

— Вы поженитесь, - невозмутимо сказала Мерседес, - когда тебе будет шестнадцать, а ей - пятнадцать. А до этого - потерпите.

— Но...

— Потерпите! - повторила Мерседес. - А станет невтерпёж - вспомни, что говорила на этот счёт мать Эухеня - мудрая Мать-Ведунья.

Тяжёлый самолёт описывал широкий круг.

– Можно сесть прямо на аэродроме Пуэбло-дель-Рио - взлётные полосы свободны от обломков. Но там, - пилот показал на текущую под крылом чёрную землю, - так фонит, что приборы зашкаливает.

"Я это и без приборов чувствую, - подумал Всеслав, - туда нельзя. К тому же нам надо приземлиться поближе к пещерам - так будет лучше".

– Левый берег реки, - сказал он, - там должны быть подходящие ровные участки.

Командир самолёта кивнул, и машина накренилась, разворачиваясь на запад.

...Президент резко возражал против намерения своего особого советника отправиться в пострадавший район лично. "Вам что, некого туда послать? Вы нужны мне здесь! В конце концов, что для вас важнее: Россия или клочок земли в Латинской Америке? Там и без вас обойдутся!". "Сергей Владимирович, - возразил ведун, - этот клочок земли имеет прямое отношение к судьбам России. Индиго из Катакомб - наши братья и естественные союзники, и Блад прекрасно это понимает. Удар-то был направлен не по городу, господин президент, а именно по ним! Не сочтите за цинизм, но для нас важно установить контакт с обитателями пещер, а помощь пострадавшим - да, тут обойдутся и без нас. Это дело нескольких дней, не больше, но мне нужно побывать там самому. Я возьму с собой всего десятка два ведунов - у вас под рукой их останутся сотни". И Всеслав убедил президента.

Правда, насчёт "обойдутся и без нас" ведун оказался не прав: содрогавшемуся в корчах невиданного экономического кризиса миру было не до оказания кому-то гуманитарной помощи. И даже промелькнувшие в Сети сообщения о "Паломаресе двадцать первого века"²³ не вызвали широкого резонанса: на фоне тотального коллапса мировой денежной системы информация о катастрофе стратосферного носителя ядерного оружия, приведшей к четырём атомным взрывам, выглядела сущим пустяком.

...Винты замедляли свой бег, из прозрачных дисков появились мелькающие лопасти. В распахнутую дверь ворвался горячий воздух. "Здесь тоже фонит, - подумал особый советник президента, - однако терпимо". Спустившись по выдвинутому трапу, он огляделся.

Слева текла река, тусклая, словно подёрнутый плёнкой окиси металл; справа высились горы, смыкавшиеся на горизонте в сплошную тёмную стену. Разогретый солнцем воздух был неподвижен, и руины города на том берегу казались чёткой фотографией картины какого-то сумасшедшего художника-сюрреалиста. И - тишина: ни птичьих голосов, ни даже жужжания насекомых. Пустыня - Мёртвая Пустыня...

Ведуны один за другим выбирались из чрева самолёта, собранные и готовые ко всему. Двадцать два человека-индиго в возрасте от девятнадцати до двадцати двух лет, адепты магии Меча, ведуны-воины - на них Всеслав мог положиться в любой ситуации.

– Со мной пойдут Родион, Добрыня и Ставр. Остальным: разбить временный лагерь. Старшим оставляю Руслана. Не забудьте про экранное поле-кокон - уровень радиации здесь достаточно высок. Час-полтора можно пробыть без защиты, а вот больше - опасно. На этом пока всё. Пошли.

...Сторожа вовремя заметили чужаков, и Родриго тут же известил Старших.

"Кого ещё там принесло на нашу голову? - думал Рохо, поднимаясь вверх. - Друзья? Это вряд ли, нам в последнее время куда больше внимания уделяют враги...".

К счастью, Диего ошибся - он понял это, как только увидел этих четверых, спокойно ждавших возле главного входа. То, что они - люди-индиго, было ясно с первого взгляда, а со второго чётко различался дружелюбный оттенок их аур.

– Мы приветствуем почтенных хозяев, - вежливо и с достоинством произнёс молодой

²³ 17 января 1966 года над Средиземным морем в районе испанской деревни Паломарес потерпел катастрофу стратегический бомбардировщик "Б-52" с четырьмя водородными бомбами на борту. Об этом - в романе "Утробный рык Дракона".

светловолосый и сероглазый парень при виде Диего и Мерседес. - Ведуны пришли с миром. Издалека - из России.

- Мы приветствуем почтенных гостей, - Рохо-Краснову пришлось сделать над собой усилие, чтобы унять яростно заколотившееся сердце. - Что привело вас сюда?

- Голос беды. Меня зовут Всеслав.

- Диего и Мерседес, Старшие горного клана, рады видеть тебя и твоих спутников. - В сознании Рохо зазвучал тихий шёпот: "Эти чужаки не лгут - их мысли открыты, и в них нет зла" - ведуньи Камиллы сноровисто прощупывали пришельцев. - Приглашаю вас к трапезе, - последнюю фразу Диего-Игорь произнёс по-русски и с удовольствием отметил удивление, мелькнувшее в глазах Всеслава.

- Слава Вечнотворящему, мы успели, - напрямик заявил ведун, когда гости и хозяева - Старшие ортов оставили при себе Камиллу и Родриго - расположились в гостевой пещере, освещённой ровным *живым* светом. - Нам кажется, что скоро здесь у вас могут появиться и другие гости, не столь дружелюбные.

- Мы догадываемся об этом, - невозмутимо отозвалась Мерседес.

- ...особенно после того, что случилось, - добавил Диего. - Вы сами видели, что там, наверху.

- Не сочтите за невежливость, - Всеслав встретился глазами с Родриго, безошибочно определив в нём военного вождя, - но ваша стража... Не стоило подпускать незнакомцев так близко к вашим жилищам, магия - она может быть очень разрушительной.

- Мы видели, кто вы, - в голосе Камиллы проскочила лёгкая тень обиды - этот ведун что, принимает её за глупую девчонку?

- Однако спасибо за совет, - спокойно сказал Родриго, - мы примем это к сведению.

...Разговор был долгим, но собеседники хорошо поняли друг друга - мысли не лгут. Да, их можно скрыть, но тогда это настораживает - значит, собеседникам есть что скрывать. А когда сознания распахнуты навстречу друг другу, тогда понимание приходит быстро. Рохо и Мерседес не умели читать мысли, но Камилла добросовестно помогала Старшим. К тому же столом занимались Эстрелла и Наташа, и они тоже помогали. Юных магинь разбирало любопытство, и Диего счёл нелишним поручить роль помощниц именно им: они немногим уступали взрослым девушкам-ведуньям, а кое в чём даже превосходили их.

- Да, вы знаете о северных индиго куда больше нас... - задумчиво сказал Всеслав, выслушав рассказ о визите Серпенты. - Откуда у неё такая сила? Обычно злоба мешает развитию магических способностей. Странно, очень странно...

- Значит, повторной бомбардировки можно не опасаться? - спросил Диего.

- Думаю, Блад не решится на это - он достаточно умён и понял, что мы не шутим. А вот эта ваша Змея... Назовите это предчувствием, но она не преминёт ужалить! Если вы позволите, мы хотели бы остаться здесь на несколько дней - перенесём наш лагерь поближе и поможем вашим воинам охранять Катакомбы. Заодно займёмся дезактивацией - там, за рекой, выжившие люди нуждаются в помощи. А спасти их кроме нас некому...

Была и ещё одна причина, заставившая Всеслава просить разрешения задержаться, но об этой причине он не проболтался бы даже под страшными пытками. А возникла эта причина в тот миг, когда ведун встретился глазами с Наташей, менявшей блюда.

Когда взгляд Всеслава коснулся серых глаз девочки, ведуну показалось, что в грудь ему ударила стрела, мгновенно обернувшаяся жидким огнём. Он даже осёкся на полуслове, и торопливо глотнул вина, чтобы скрыть смущение. Слава Вечнотворящему, Добрыня и Ставр в это время вели жаркий спор с Родриго об эффективности следящих заклятий, способных трансформироваться в боевые, и мгновенное смятение вождя ведунов осталось никем не замеченным - никем, кроме... самой Наташи.

Девочка-индиго почувствовала взгляд пришельца - и очень симпатичного пришельца, она это отметила, - однако только скромно потупилась, подумав про себя: "Ах, если бы на меня так смотрел Хайк!". Но семя было брошено, и оно должно было прорасти...

...Ведуны освободили от Проклятья большой участок земли вверх по склону, до самого

подножья гор. Диего предложил гостям устроиться в пещерах, благо места было достаточно, однако Всеслав предпочёл организовать свой лагерь наверху. Ему почему-то казалось, что так будет лучше, а молодой ведун привык доверять своим ощущениям.

Спасать за рекой было почти некого - на самолёте вывезли лишь несколько десятков чудом уцелевших. Пережившие взрыв ушли в джунгли - руины Пуэбло-дель-Рио опустели. Дезактивация сотен квадратных километров земли требовала времени и сил - Всеслав понял, что с горстью людей-индиго за несколько дней он почти ничего не сможет сделать. Поэтому ведуны и орты сосредоточились на очистке левого берега Магдалены, чтобы хотя бы возле выходов из Катакомб и у реки можно было находиться, не закутываясь в защитные коконы.

А вечерами ведуны приходили в пещеры Миктекасиуатль - люди-индиго с разных континентов быстро нашли общий язык. И наступал час древнейшей человеческой магии - магии любви. Плечистые светловолосые русичи не оставили равнодушными смуглокожих красавиц, и Камилла с видимым неудовольствием перехватывала красноречивые взгляды Родриго, устремлённые на статную зеленоглазую Ольгу, - в отряде Всеслава были четыре девушки.

Поначалу дочери Диего просто льстило внимание Всеслава - Наташа знала, что добрая половина орт ей завидует, - но уже на третий вечер девочка почувствовал, что её тянет к этому парню, и что она ждёт не дожждётся, когда солнце начёт скрываться за цепью гор. "Как же так? - растерянно думала Наташа. - А как же Хайк? Я ведь люблю его! Люблю?". И тут она вдруг поняла, что это утверждение всё больше становится вопросом, причём вопросом, ответ на который скорее всего будет отрицательным.

...Они сидели у входа в пещеры - здесь уже было чисто, и Наташа даже заметила первые зелёные побеги, робко проклёвывающиеся из мёртвой земли.

— Знаешь, - сказал Всеслав, глядя на звёзды, усыпавшие чёрное южное небо, - когда я был мальчишкой, я хотел туда полететь. Там, думал я, на далёкой-далёкой планете живёт девушка, которая тоже смотрит в небо и ждёт меня.

— А теперь что, уже не хочешь туда полететь? - спросила Наташа, искоса посматривая на ведуна.

— Хочу. Но вот насчёт девушки... Мне почему-то кажется, что лететь туда за ней мне уже необязательно.

Взгляды их встретились, и дочь русского моряка поспешно опустила глаза. Сердечко её трепыхалось пойманной птичкой, и Наташе даже пришлось накинуть на свои мысли вуаль - она не хотела, чтобы Всеслав узнал, о чём она думает.

А вождь ведунов даже подумать не мог, что эта сероглазая девчонка была в прошлом воплощении галактианкой, погибшей на борту корабля-разведчика Технодетей в неравной схватке с Черным Магом-Разрушителем не так далеко от этих гор и от этой реки.²⁴ Всеслав не умел читать ленту реинкарнаций.

* * *

Десантный катер-амфибия, похожий на диковинную пучеглазую рыбу с причудливыми кольцеобразными хвостовыми плавниками, внутри которых бешено молотили воздух винты, мчался вверх по реке. Амфибия шла под флагом UN, но "голубых касок" на её борту не было. Там вообще не было обычных людей - в бронированном теле катера сидели двадцать гремлинов и двадцать ньюменов: отряд специального назначения, высадившийся утром с десантного корабля в устье Магдалены неподалёку от Барранкильи.

Серпента сумрачно смотрела на мутную воду, несущуюся навстречу амфибии. Берега реки казались вымершими, и по дороге не встретилось ни корабля, ни лодки - всё живое покинуло зону разрушений. Ничто не говорило о том, что "миссия Объединённых Наций"

²⁴ Роман "Вкрадчивый шёпот Демона".

привлекла чьё-то внимание, однако у Змеи имелись причины для мрачного настроения.

Перед самой высадкой с корабля к ней подошли двое ньюменов, Уильям и Нэнси. Серпента тщательно подбирала рейдеров, и она никак не ожидала того, что ей пришлось услышать.

— Предводительница, - начала Нэнси, - мы верили тебе и шли за тобой, пока ты вела нас против обезьяноподобных...

— ...и мы поверили тебе, когда ты перешла на сторону генерала Блада, который был нашим врагом, - продолжил Уильям. - Ты убедила нас в том, что наши цели совпадают: он тоже хочет очистить этот мир от несовершенных - так ты сказала. Мы верили, но теперь мы спрашиваем: против кого ты ведёшь нас теперь?

Змея была ошеломлена - её преданные воины, лучшие из лучших, задают ей такой вопрос! - и молчала, не зная, что сказать.

— В Катакомбах живут люди-индиго, - Нэнси не спрашивала, она утверждала, - и нам они не враги. И мы говорим тебе, предводительница: мы не будем обнажать против них оружие...

— ...первыми, - добавил Уильям. - Мы будем защищаться, если они нападут, но сами нападать не будем.

— Я хочу... говорить с ними, - произнесла Серпента севшим голосом, лихорадочно закутывая свои мысли защитным пологом. - Я ошиблась - Джейк Блад был и остался нашим врагом, и нам, ньюменам, нужно новое убежище.

— Не старайся, - усмехнулась Нэнси, - мы знаем, что у тебя на уме. Да, мы не против сменить подземелья Головного Центра на горные пещеры, но мы не перешагнём через кровь наших братьев. Если удастся договориться - мы с тобой и за тебя, предводительница, но если ты хочешь силой проложить туда дорогу, тогда...

— ...не рассчитывай на нас, - подытожил Уильям. - Людей-индиго слишком мало - мы не должны убивать друг друга.

— Хорошо, - Серпента умела владеть собой, - останетесь на борту катера. В резерве. Надеюсь, вы не бросите меня умирать на берегу, если пещерные индиго окажутся не такими щепетильными, как вы?

— Не бросим, - заверила Нэнси. - Ты наша предводительница, и мы тебе ещё верим...

— ...пока ещё верим, - уточнил Уильям.

"Итак, - размышляла Змея, глядя на реку, - я могу рассчитывать только на гремлинов. Ну что ж, по крайней мере, чёрные индиго не будут забивать себе голову высокоэтическими соображениями. Для них любой противник Разрушения - враг, и они будут с ним сражаться. Гремлины получили приказ, и они будут его выполнять".

Серпента привычным движением коснулась змеиной головки своего ожерелья, и холод металла успокоил предводительницу ньюменов: её талисман с ней. Змея не знала о приказе, полученном офицерами-гремлинами Эргом и Терром лично от леди Стэрди, настоявшей на том, чтобы в спецотряд вошли и ньюмены, и чёрные индиго. "Серпенте больше нет места в этом мире!" - гласил этот приказ, и гремлины ответили: "Повиновение Воплощённой!".

...Когда на правом берегу появились почерневшие останки Пуэбло-дель-Рио, похожие на редкие гнилые зубы, и груды смятого железа, оставшиеся от судов, стоявших в тот недобрый час у причалов, Змея была спокойна и готова ко всему. Она сумела даже задавить леденящую мысль: "А что если я ошиблась, и те двое магов живы?", не дав ей укорениться. Если старик и ведьма живы, бой будет очень коротким, вот и всё. Отступить поздно, да и некуда.

"К бою!" - мысленно бросила Серпента, почувствовав тончайшие незримые щупальца, протянувшиеся к амфибии с левого берега, и с удовлетворением отметила, как подобралась её бойцы - все, включая ньюменов.

Катер выскочил на берег, убрал воздушную подушку и замер, задрав тупой нос. Берег круто уходил вверх - дальше надо было идти пешком.

"Вперёд! - скомандовала Змея. - Скользящий бег и защитное поле! Вперёд!".

...Родриго учёл совет Всеслава - воины-орты встретили гремлинов на полдороге, когда до входа в пещеры было ещё далеко. У военного вождя было около тридцати бойцов: дети Катакомб превосходили незваных пришельцев числом - все ньюмены остались на борту амфибии. Однако воспитанники матери Эухении считали жизнь величайшей ценностью и промедлили с ударом - промедлили какую-то долю мгновения, всё ещё надеясь на мирный исход.

Серпента не колебалась. Как только перед ней возникли фигуры стражей, она тут же выбросила вперёд невидимый разящий клинок.

Гонсало умер мгновенно, а через полсекунды рядом с ним в неуклюжей позе смерти лёг Фернандо. Змея узнала воина, не пустившего её под своды пещер, и испытала острое удовлетворение, сравнимое с пиком любовного блаженства.

"Она всё-таки переступила через кровь..." - с горечью подумала Нэнси.

Гремлины шли клином, смятая сопротивление защитников Катакомб, и Серпента была остриём - или жалом - этого клина. Чёрные индиго убивали холодно и беспощадно - их вёл тёмный зов Разрушителей.

Родриго оказался достойным вождём. Он сумел преодолеть краткое замешательство, охватившее было ортов, и на склоне столкнулись две волны магии. Воздух выл, сотрясаемый буйством энергии, влитой в убийственные мыслеформы, и горела земля, ещё не залечившая раны, оставленные Адским Пламенем. Падали орты, но падали и гремлины - весы качнулись и замерли в неустойчивом равновесии.

Змея получила ослепляющий удар, едва сумев погасить рушащуюся на неё огненную стену. К предводительнице ньюменов метнулась быстрая тень, но тут же переломилась и осела - Терр расчётливо разрезал атаковавшего орта пополам.

Из дыма и огня появилась рослая фигура. Серпента не знала Родриго в лицо, но поняла, что перед ней вождь горных индиго. Она лихорадочно стягивала тугой клубок Силы, надеясь покончить с ним одним ударом, и не успевала - никак не успевала.

Её спас Эрг. Гремлин помнил приказ Воплощённой, но приоритетным счёл другой приказ. Змея умрёт, рассудил он, но сейчас надо победить. И Эрг закрыл собой Серпенту.

Поединок длился доли мига, однако Змея запомнила его до мельчайших подробностей. Она видела, как в руках орта родилось сверкающее льдистое остриё; видела, как с него сыпятся искры, выбиваемые отчаянными ударами Эрга, пытающегося остановить оружие врага; видела, как голубое остриё с почти слышимым хрустом вспороло защиту гремлина и разорвало его тело. К ногам Серпенты подкатилась оторванная голова чёрного индиго, а в следующее секунду сотворённый Змеёй стилет проколол энергетический щит вождя ортов и вонзился в горло Родриго.

Дети Катакомб дрогнули. Серпенте надо было подавить сопротивление и продиктовать побеждённым свою волю - она вовсе не собиралась устраивать в Катакомбах поголовную резню. И весы качнулись в её сторону - Змея это чувствовала. А вход в пещеры - вон он, его уже видно.

И в это время откуда-то сверху прямо в гущу боя скатилась золотистая волна.

"Что это?" - ошеломлённо подумала предводительница ньюменов.

Волна распалась, рассыпалась потоком сверкающих искр, открыв шеренгу воинов с пылающими нестерпимо ярким белым огнём мечами.

Ведуны с ходу врезались в чёрный клин. Они владели Магией Меча и знали, как сделать так, чтобы призываемая сознанием энергия потоком хлестала с клинка, служащего отправной точкой творения разрушительных заклятий, и сметала всё на своём пути.

"Кончено, - пронеслось в сознании Серпенты. - С этими нам не справиться. Но я не отступлю...". Её обдало пышущим жаром, однако она по-змеиному извернулась и кинулась ко входу в пещеры. "Прорваться... Подчинить себе сознания детей - взять их в заложники. А потом - потом мы поговорим по-другому...".

...Внизу, под гулками сводами Зала учеников, было тихо, но от напряжения трескались камни. Диего видел глаза подростков и читал их мысли - он всё-таки умел *видеть*, слышал

Крик, да и многолетнее общение с мудрой ведьмой и детьми-индиго не прошло бесследно.

"Отец ! - беззвучно кричал Андрей. - Там гибнут наши ! Позволь нам выйти наверх !"

"Отец Диего ! - в мыслеголосе Эстреллы звенела боль. - Пустите нас - ведь мы многое можем !"

"Отец Диего ! Отец Диего !! Отец Диего !!!!!"

"Нет, - думал Рохо. - Детей не бросают под танки, - мелькнула когда-то услышанная или где-то прочитанная мысль, - даже если эти дети способны останавливать танки голыми руками...".

И тут он почувствовал - наверху что-то изменилось, и понял, что именно.

"Всеслав... Спасибо, русич...".

А через секунду в сердце воткнулась ноющая боль, и Диего увидел...

...ко входу в Катакомбы летел отравленный наконечник стрелы, готовый отравить всё живое в пещерах Миктекасиуатль, и Рохо знал имя этого наконечника: Серпента.

"Она всё-таки вернулась - со Злом...".

"Отец Диего ! Оте-е-е !"

"Нет! Замкните кольцо и закройте вход Трясиной - пусть враг увязнет в ней, как муха в патоке! Наверх не выходить - никому! Смерть - удел воинов, а ваш час - он ещё впереди".

В Зале заметался энергетический вихрь. Индиго послушались Старшего, замкнули кольцо и принялись закупоривать Катакомбы вяжущим заклятьем, сковывающим движения и отсекающим доступ к энергии для попавшего в сферу его действия. Послушались все - все, кроме двоих.

"Я иду наверх, - подумала Мэй. - Я долго шла рядом со Змеей и знаю, на что она способна. Её надо остановить, и я это сделаю".

"Я иду с тобой " - отозвался Хайк - разве могло быть иначе?

Они переместились в кольцевой коридор и к выходу очень быстро, - Трясина ещё не успела загустеть, - и встретили Серпенту на том самом месте, где три месяца назад снова нашли друг друга, и где мать Эухенья сказал Змее: "Уходи. В тебе слишком много зла".

— Вот мы и встретились, сестрёнка Мэй, - шелестящим голосом сказала Серпента. - Я вернулась, как и обещала.

— Уходи, - спокойно ответила девочка. - В тебе слишком много зла.

Глаза Змеи полыхнули холодным злым огнём, и она ударила - не колеблясь и не задумываясь. Ударил - и встретила непробиваемую стену, о которую бессильно разбился её удар.

"Да что же это такое! - в отчаянии подумала предводительница ньюменов. - Я ведь могу раздавить любого из этих двух щенят мимоходом, а тут...".

"Закон Парности, - всплыло вдруг в её сознании. - Помнишь, что сказала старая ведьма? "Их нельзя разлучать" - верно? Эти двое дополняют друг друга, и тебе с ними не справиться, пока они вместе".

В грудь Серпенты уперлась могучая каменная ладонь. Она давила с непреодолимой силой, и Змея попятилась. Она несколько раз пыталась раскрошить или хотя бы оттолкнуть эту давящую длань - тщетно.

"Проклятье небу! Они просто оттесняют меня, прогоняют, как докучливую муху, не устаивая даже боя!".

Серпента отступала шаг за шагом, а державшиеся за руки мальчик с девочкой шли за ней по пятам, не давая вздохнуть. Бой затихал - последние гремлины падали под взмахами магических клинков в руках ведунов. Чёрные индиго умирали, но не просили пощады, хотя Всеслав уже дважды предлагал им сдаться, - наследники Разрушителей разрушались сами.

Змея споткнулась о мёртвое тело - они уже дошли до того места, где пролилась первая кровь. Она увидела трёх или четырёх гремлинов, из последних сил отбивавшихся от ведунов и воспрянувших духом ортов, увидела катер-амфибию и неподвижные фигуры ньюменов - её ньюменов! - наблюдавших - всего лишь наблюдавших! - за всем происходящим.

И тогда Серпента плюнула ядом.

Дымящееся облако окутало Хайка и Мэй, растекаясь плёнкой по силовой скорлупе. И яд нашёл маленькую, почти незаметную трещинку в энергетической броне - юные маги были ещё слишком молоды, а молодость очень редко не делает ошибок.

Отыскав уязвимое место, управляемый волей Серпенты яд стёкся к нему, сжался в иглу и хлестнул внутрь. Жёлтая струйка, стиснутая до размеров лазерного луча, полоснула по груди Мэй и прожгла её с такой же лёгкостью, с какой раскалённый железный прут прожигает лист бумаги. Девочка покачнулась и упала навзничь - молча, даже не вскрикнув.

— Мэ-э-э-эй!

Серпенте показалось, что на неё рухнуло небо. Каменная ладонь обернулась тяжким кулаком, отшвырнувшим Змею вбок, к самому краю крутого обрыва - берег здесь обвалился под натиском перепрыгнувшей реку ударной волны ядерного взрыва. Если бы Хайк хоть чуть-чуть сконцентрировал удар, Серпенту попросту размазало бы в кровавую кашу, но мальчик лишь инстинктивно оттолкнул Змею, спасая гибнущую на его глазах любимую. Но уже в следующий миг...

...глаза Волчонка сузились, и верхняя губа дрогнула почти забытым движением, обнажая зубы. Сила послушно ложилась к нему в ладонь, превращаясь в карающий меч. Серпента попыталась прикрыться, но у неё ничего не вышло. "Магический вывих - я теперь бессильней новорождённого младенца" - обречённо подумала она. Хайк поднял руку, и...

"Нет, Хайк, нет ! - услышал он знакомый голос - мыслеголос Мэй. - Она побеждена - оставь её Высшей Справедливости. Истреби в себе змею - это главное. И тогда - тогда я вернусь... "

Серпента видела, как в глазах Хайка и в его ауре плещутся попеременно ненависть и боль, и ждала - ждала удара. Змея оставалась Змеей - она тут же сообразила, что ещё можно сделать.

"Ну ударь! - заклинала она. - Ударь! Метни молнию, сноп огня, вызови каменный ливень! Сожги, разорви, уничтожь меня, убившую твою любовь! И тогда ньюмены вступят в бой - они не дадут мне умереть на их глазах. И мы ещё посмотрим, кто кого - мои воины полны сил, а ваши - измотаны. Ударь, ударь, ударь!"

Но Хайк не ударил - рука его опустилась. Он слушал беззвучный голос Мэй.

"Истреби в себе змею... И тогда я вернусь... "

"Сопляк, мальчишка, щенок, - шипела Змея. - Ударь!!!"

"Истреби в себе змею... " - всё тише и тише звучало в сознании Хайка.

Стоявшие у борта амфибии ньюмены молча смотрели на них.

"Слепые Силы! - мысленно закричала Серпента, падая на колени. - Вы уже услышали меня однажды и отозвались! Придите вновь! Возьмите меня, но явите гнев свой и сокрушите тех, кто стоял на моём пути! Услышьте меня, Слепые Силы!"²⁵

Молчание. Бесконечное, ледяное молчание пустоты, в которой плавают звёзды...

Серпента почувствовала, что ей трудно дышать - ожерелье-талисман сдавило горло. Нет, уже не ожерелье - металлическая змейка *ожила*, сжалась в кольцо и молниеносным движением вонзила свои крошечные, но острые зубы в тоненькую голубую жилку, трепетно пульсирующую на шее Серпенты. Не спускавшие глаз со своей предводительницы ньюмены окаменели.

"Слепые Силы... "

Змея пошатнулась и повалилась лицом вниз на чёрную выжженную землю. Тело её миг лежало неподвижно, потом шевельнулось, покатилося к краю обрыва, сорвалось с него и с плеском исчезло в мутной воде.

...Последний гремлин - Терр - упал к ногам Всеслава, и ведун опустил меч. "Доброе оружие, - подумал он, - не буду его развоплощать - оставляю на память. Или нет, подарю его Диего - то есть Игорю". Он перевёл взгляд на амфибию и на неподвижных людей, стоявших

подле неё. "А эти что, тоже хотят биться? Ну что ж, давайте, пока руки ещё зудят!"

"Нет , - услышал он чужую мысль, - мы не будем биться. Мы будем говорить "

"Хорошо , - согласился вождь ведунов, - мы будем говорить . Потом, а пока - ждите: нам надо проститься с павшими "

Возле него как из-под земли выросла Наташа.

– У тебя кровь! - встревожено сказала она, протягивая ладонь к лицу Всеслава.

– Где? "И верно... А, это прощальный подарок от этого, - ведун посмотрел на тело Терра. - Метнул в меня напоследок "ежа", знаем такие штуки. Многомерная мыслеформа с множеством режущих кромок - опасная вещь даже для тонкой материи. Вот и поцарапал, аспид". - Он поймал теплую ладошку Наташи, но девочка сердито вырвала руку.

– Стой спокойно, торопыга! Дай посмотреть, не порвали ли тебе чего...

Руки Наташи уверенно и умело прошли по ауре Всеслава, и ведун ощутил, как его усталое тело наполняется силой. А кроме того, ему было приятно - невыразимо приятно.

– Я согласен каждый день биться с нечистью, - сказал он, - лишь бы после этого ты вот так лечила меня, маленькая ведунья.

– Не такая уж и маленькая! - вспыхнула Наташа. - А шрам на лице я тебе убирать не буду - так красивее. - Она хотела ещё что-то добавить, но вместо этого просто уткнулась в грудь Всеслава, и молодой ведун осторожно и бережно опустил свою тяжёлую ладонь на русые волосы девочки.

...Хайк сидел у холодеющего тела Мэй. Мир исчез - осталось только заострившееся личико Мэй, с которого уже ушёл свет жизни. Волчонок хотел заплакать и не мог - слёз не было.

Закатное небо было багровым, и чёрные пики гор казались окровавленными. А в руины Пуэбло-дель-Рио уже вползала ночная тьма, выстилая Развалины длинными серыми тенями. В Мёртвой Пустыне родился Горячий Ветер, поднявший тучу пыли, праха и пепла. Темная пелена застилала горизонт и будущее, скрытое за горизонтом.

Будущее оставалось смутным.

Санкт-Петербург, июнь-август 2006